СЛАВЯНОРУССКИЙ

КОРНЕСЛ
ОВ

Язык наш - древо жизни на земле и отец наречий иных

Везде врагов пирует месть.
Во тьме простерта смертной ночи
Россия к небу взводит очи,
Зовет помощника - и несть.

Князь Сергий Шахматов

Воистину дух правды дышит, где хочет. И живые слова на страницах этой книги сами рассказывают о своем происхождении от праотцовских корней, представляя миру славянорусский язык Древом жизни на земле. Словесные корни незримого Древа языка сотворены Отцом, а все, данное нам от Сына: святая вера, богословие - в кроне. Но ведь сказал Сын: ***Отец Мой более Меня.*** И западная информационная война бьет не по кроне, но точно по корням, завершая их обрезание и растление. А землю русскую заполоняют бес-корневые общечеловеки, подменяя божий народ. Нет силы разрушительней, чем безкорневой язык. Он помрачает веру, погашает инстинкт самосохранения и заменяет здравый рассудок самоубийственным.
Читайте свой корнеслов с благоговением, ибо для нашего словесного естества нет занятия важнее, чем докапываться до первых слов Отца и узнавать свои первородные корни. Когда возвращаемся к ним, они сами в нас растут и сами поднимают наши головы к Солнцу Правды, напитывая небывалой силой.
Только так мы сможем восстать великорусской дубравой: от корня к корню, и от первых слов Отца к Слову Сына. Заодно и узнаете, что от нашего, славянорусского корнеслова пошла поросль наречий и ветви языков иных..

Так корни говорят листам:
Мы те,
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева,
на коем вы цветете.

Красуйтесь в добрый час.
Но только помните
ту разницу меж нас,
Что с каждою весной
лист новый народится,
А если корень иссушится,
Не станет дерева, ни вас.

И.А. Крылов.

Александр Семенович!

Дозволяю Вам книгу сию посвятить Моему имени, и изъявляя Вам за труды Ваши Мою признательность, пребываю к Вам всегда благосклонен.

Государь НИКОЛАЙ I

Президент Российской Академии Наук, адмирал **А.С.Шишков**

Сочинитель и примечатель

О создателях сей книги

Сочинять - ставить по чину, связно,

творить умственно, производить духом.

Примечать - видеть, смекать, удерживать

в памяти, толковать, прибавлять объясняя.

Среди славных созидателей и защитников нашего Отечества А. С. Шишков стоит один такой, совсем особняком, как дуб могучий в чистом поле. И стоит он так высоко не только потому, что чуть не век служил верой и правдой четырем царям, как адмирал и госсекретарь, министром просвещения и президентом Российской Академии наук. Ослепнув под конец жизни, он подолгу любил кормить голубей с руки. За тем занятием так тихо и незаметно отошел, что никого и не потревожил, как истинный Божий раб смиренный. И поныне он никого не тревожит, и мало кто слыхивал о нем. Безценные же труды Шишкова так и остались лежать, как святыня под спудом, и значимость их никем не осознана по сей день. Эта книга впервые представляет народу наследие А.С. Шишкова, лишь малую его часть.

Наш ученый муж был рассеян, вовсе не от мира сего. Ибо всю жизнь, днем и ночью он копал и докапывался до корней, до самой сути праотцовских слов, рассеянных по всем языкам, восстанавливая от них ветви словесные. Ему, как верному сыну, праотец позволил увидеть свои тяжкие роды первых слов, и услышать, как давал он всему точные имена, названия, знаменования и смыслы.

Всегда погруженный в себя, Шишков среди светской суеты никогда толком не знал, на каком приеме он был вчера, и кто там присутствовал, зачем собирались, являясь всегда яркой мишенью для насмешек. Жена же его, которую он тоже иногда не узнавал среди гостей, поясняла: *мой муж вечно занят какими-то патриотическими бреднями.* Сей муж отечестволюбивый, писал от имени царей манифесты, да таким трепетным и высоким стилем, что современники говорили: *Шишков один двигает всенародным духом.* По глубине религиозно-нравственной его сочинения, стихи и рассказы для детей, составивших первую на Руси детскую библиотеку, которой зачитывался весь народ, - не имеют себе равных в нашей словесности. Как известно, чтобы излагать сочинения, столь близкие детям, нужно иметь высший дар слова, который Господь посылает только чистым *младенцам,* как чадам Своим.

В своих статьях и письмах Шишков обращался ко всем, умоляя, чтобы помогали ему *копать* и разрабатывать неисчерпаемую сокровищницу премудрости Божией, чтобы присылали замечания, добавления... Он глубоко переживал, что ему одному никакой жизни не хватит - восстановить забытый корнеслов и оживить для всех на земле древо жизни. Ученый писал: *Исследование языков возведет нас к одному первобытному языку и откроет: как ни велика их разность, она не от того, чтоб каждый народ давал всякой вещи свое особое название. Одни и те же слова, первые, коренные, переходя из уст в уста, от поколения к поколению, изменялись, так что теперь*

сделались сами на себя не похожими, пуская от сих изменений своих тоже сильно изменённые ветви. Слова показывают нам, что каждое имеет свой корень и мысль, по которой оно так названо. ***Попытаемся, откроем многое доселе неизвестное, совершим главное дело и оставим будущим временам и народам обдуманное, обработанное и требующее для дальнейшего исправления уже мало попечений.***

Но никто после него не проявил интерес к корнеслову. Сегодня для такого объема исследований институты нужны были бы: одних ветвей словесных он восстановил около шести тысяч. Шишков сделал все главные открытия в языковедении интуитивно. Ныне они доказаны наукой опытно.

Радуйтесь, братья и сестры, что Слово возродило нам к жизни всечеловека русского, как патриарха безчисленных чад словесных, живущих во вселенной языков всех.

Примечатель: Георгий Емельяненко, доктор философских наук. Основная специальность: цефалогенез, развитие функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека. Сфера научных интересов: антропология и психология, языки мозга, формальные языки, психолингвистика, информатика, семиотика. Последние десять лет: евангельское и святоотеческое учение о человеке, о Церкви и спасении.

Наш язык - древо,

породившее отрасли наречий иных

Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!

Я почитаю язык наш **столь древним,** что источники его теряются во мраке времен; столь в звуках своих **верным подражателем природы,** что, кажется, она сама его составляла; **столь изобильным** в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и **вместе столь важным и простым,** что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться; **столь вместе громким и нежным,** что каждая труба и свирель, одна для возбуждения, другая для умиления сердец, могут находить в нем пристойные для себя звуки.

И наконец, **столь правильным,** что наблюдательный ум часто видит в нем непрерывную цепь понятий, одно от другого рожденных, так что по сей цепи может восходить от последнего до первоначального ее, весьма отдаленного звена.

Преимущество этой правильности, непрерывного течения мыслей, видимого в словах, так велико, что ежели бы внимательные и трудолюбивые умы открыли,

объяснили первые источники столь широко разлившегося моря, то знание **всех вообще языков** озарилось бы светом доселе непроницаемым. Светом, освещающим в каждом слове первообразную, произведшую его мысль; светом, разгоняющим мрак ложного заключения, будто бы слова, сии выражения наших мыслей, получили значение свое от произвольного к пустым звукам их прицепления понятий.

Кто даст себе труд войти в неизмеримую глубину языка нашего, и каждое его слово отнесет к началу, от которого оно проистекает, тот, чем далее пойдет, тем больше находить будет ясных и несомнительных тому доказательств. Ни один язык, особливо из новейших и европейских, не может в сем преимуществе равняться с нашим. Иностранным словотолкователям, для отыскания первоначальной мысли в употребляемых ими словах, следует прибегать к нашему языку: в нем ключ к объяснению и разрешению многих сомнений, который тщетно в языках своих искать будут. Мы сами, во многих употребляемых нами словах, почитаемых за иностранные, увидели бы, что они только по окончанию чужеязычные, **а по корню наши собственные.**

Глубокое, хотя и весьма трудное исследование языка нашего во всем его пространстве принесло бы великую пользу не только нам, но и всем чужестранцам, пекущимся достигнуть ясности в наречиях своих, часто покрытых непроницаемым для них мраком. При отыскании в нашем языке первоначальных понятии этот мрак и у них бы исчез и рассеялся. Ибо не надлежит слово человеческое почитать произвольным каждого народа изобретением, но **общим от начала рода текущим источником,** достигшим чрез слух и память от первейших предков до последнейших потомков.

Как род человеческий от начала своего течет подобно реке, так и язык с ним вместе. Народы размножились, рассеялись, и во многом лицами, одеждою, нравами, обычаями изменились; и языки тоже. Но люди не престали быть одним и тем же родом человеческим, равно как и язык, не престававший течь с людьми, не престал, при всех своих изменениях, быть образом одного и того же языка.

Возьмем одно только слово *отец* на всех по земному шару рассеянных наречиях. Мы увидим, что оно при всей своей разности, не есть особое, каждым народом изобретенное, но одно и то же всеми повторяемое.

Вывод сей требует великих и долговременных упражнений, разыскания множества слов, но устрашаться трудов, ведущих к открытию света в знаках, выражающих наши мысли, есть

неосновательная боязнь, любящая больше мрак, нежели просвещение.

Наука языка, или лучше сказать, наука слов, составляющих язык, заключает все отрасли мыслей человеческих, от начала их порождения до безконечного, всегда, однако ж, умом предводимого распространения. Такая наука должна быть первейшею, достойной человека; ибо без нее не может он знать причин, по которым восходил от понятия к понятию, не может знать источника, из которого текут его мысли.

Ежели при воспитании юноши требуется, чтобы он знал, из чего сделано платье, которое он носит; шляпа, которую надевает на голову; сыр, который употребляет в пищу; **то как же не должно знать, откуда происходит слово, которое он говорит?**

Нельзя не удивляться, что наука красноречия, изящная ума человеческого забава и увеселение, во все времена приводилась в правила и процветала. Между тем как **основание** ее, **наука языка,** оставалась всегда в темноте и безвестности. Никто, или весьма немногие дерзали входить в ее таинственные вертепы, и то, можно сказать, не проницали далее первых при вратах ее пределов.

Причины сему очевидны и преодолеть их нелегко.

- Новейшие языки, заступившие место древних, потеряв первобытные слова и употребляя только их отрасли, **не могут более быть верными путеводителями к своим началам.**
- Все древние языки, кроме славенского, сделались мертвыми, или мало известными, и хотя новейшие ученые мужи и стараются приобретать в них познания, но число их мало, и сведения в чуждом языке не могут быть столь обширны.
- Из глубины древности струящиеся протоки часто, прерываясь, теряют след свой, и для его отыскания требуют великих усилий ума и соображения.
- Надежда к совершению сего труда с должным рачением не может льстить человеку потому, что век его краток и ожидаемые плоды не иначе могут созреть, как долговременным упражнением многих ученых людей.
- Наука языка, хотя и тесно сопряжена с наукою красноречия или вообще словесностью, однако весьма с ней различна. Первая вникает в происхождение слов, ищет соединения одного понятия с другим, дабы на точных и ясных началах основать грамматические

правила и составить словопроизводный словарь, единственный, показующий язык во всем его порядке и устройстве. Вторая довольствуется только утвержденными навыком словами, стараясь сочинять их приятным для ума и слуха образом, без всякой заботы о первоначальном их смысле и происхождении.

Первая ищет себе света в наречиях всех веков и народов; вторая не простирает изысканий своих далее настоящего времени.

Стихотворство приучает разум блистать, греметь, искать вымыслов, украшений. Напротив, ум, упражняющийся в исследовании языка, ищет в нем ясности, верных признаков, доказательств к открытию сокровенных его начал, всегда теряющихся во мраке изменений, но без отыскания которых перестает он быть плодом одаренных разумом существ, текущей издревле мыслей их рекою.

Язык при чистоте и правильности своей получит силу и нежность. Суд о достоинстве сочинений будет суд ума и знаний, а не толк невежества или яд злословия. Язык наш превосходен, богат, громок, силен, глубокомыслен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что **не его другие языки, но он их просвещать может.** Сей древний, первородный язык остается всегда воспитателем, наставником того скудного, которому сообщил он корни свои для разведения из них нового сада.

С нашим языком, вникая в него глубже, можем мы, без заимствования корней у других, насаждать и разводить великолепнейшие вертограды.

Излиянные на Российскую академию монаршие щедроты подают надежду, что со временем успехи трудолюбивых умов, руководимых светлостию рассудка, откроют богатые языка нашего источники, снимут с алмаЗа сего еще во многих местах покрывающую его кору, и покажут в полном блистании свету.

Речь, произнесенная Президентом Академии Российской
в торжественном годичном собрании

Хочешь погубить народ, истреби его язык

Взойдем, как *хромоногий бес,* на высокую башню; снимем кровли с домов и посмотрим, что в них происходит. **С чего начать? С воспитания.** Есть ли хоть один, кроме самых бедных, в котором бы детей наших воспитывали не французы? Сие обыкновение так возросло и усилилось, что уже надо быть героем, дабы победить предрассудок и не последовать общему течению вещей! Попытайтесь сказать, что языку нашему, наукам, художествам, ремеслам и даже нравам наносит вред принятое по несчастию всеми правило.

Сердитые и безрассудные выцарапают вам глаза. Те, которые помягче и поумнее, станут вам доказывать: "Не пустое ли ты говоришь? Когда же лучше обучаться иностранному языку, как не в самом ребячестве? Дитя играючи научится сперва говорить, потом читать, потом писать, и как французский язык *необходимо нужен* (заметьте это выражение), напоследок будет писать так складно, как бы родился в Париже". В этой-то самой мысли и заключается владычество его над нами и наше рабство.

Для чего истинное просвещение и разум велят обучаться иностранным языкам? Для того, чтоб приобресть познания. Но тогда все языки нужны. На греческом писали Платоны, Гомеры, Демосфены; на латинском Виргилии, Цицероны, Горации; на итальянском Данты, Петрарки; на английском Мильтоны, Шекспиры.

Для чего ж без этих языков можем мы быть, а французский нам *необходимо нужен?* **Ясно, что мы не о пользе языков думаем:** иначе за что нам все другие и даже свой собственный так уничижать пред французским, что их мы едва разумеем, а по-французски, ежели не так на нем говорим, как природные французы, стыдимся на свет показаться?

Стало быть, мы не по разуму, и не для пользы обучаемся ему; что ж это иное, как не рабство?

Скажут: **да он потому *необходимо нужен,* что сделался общим, и во всей Европе употребительным.** Я сожалею о Европе, но еще более сожалею о России. Для того-то, может быть, Европа и пьет горькую чашу, что прежде нежели оружием французским, **побеждена уже была языком их.** Прочитайте переведенную с французского книгу *Тайная История нового французского двора:* там описывается, как министры их, обедая у принца своего Людвига, рассуждали о способах искоренить Англию. Всеобщее употребление французского языка, говорил один из них, Порталис, служит первым основанием всех связей,

которые Франция имеет в Европе. Сделайте, чтоб в Англии также говорили по-французски, как в других краях. **Старайтесь,** продолжал он, **истребить в государстве язык народный, а потом уже и сам народ.** Пусть молодые англичане тотчас посланы будут во Францию и обучены одному французскому языку; чтоб они не говорили иначе, как по-французски, дома и в обществе, в семействе и в гостях; чтоб все указы, донесения, решения и договоры писаны были на французском языке - и тогда Англия будет **нашею рабою.**

Вот рассуждение одного из их государственных мужей, и оно весьма справедливо. Если б Фридрихи вторые не презирали собственного языка своего; ежели б всякая держава сохраняла свою народную гордость, то французская революция была бы только в углу своем страшна. Мнимые их философы не вскружили бы столько голов, французы не шагали бы из царства в царство.

От чего сие, **как не от общего языка их разлияния, подчинившего умы наши их умам?**

Но оставим другие европейские земли и возвратимся к своему Отечеству. Благодаря святой вере Россия еще не такова.

Однако французский язык предпочитают у нас всем другим, не для почерпания из него познаний, но для того, чтоб на нем болтать. Какие же из того рождаются следствия? Тому, **кто грамматику природного своего языка хорошо знает, не много времени потребно обучиться читать на иностранном языке.** Напротив, чтоб говорить им как своим природным, нужно от самого младенчества безпрестанно им заниматься. Это воспрепятствует вам знать собственный язык ваш, разумеется, не тот, которому научились вы на улице, но тот, каким в священных храмах проповедуется слово Божие, и какой находим мы в книгах от Нестора до Ломоносова, от Игоревой песни до Державина. Сие отведет вас от многих касающихся до России сведений. Вы, может быть, много лишнего узнаете о французских почтовых домах и о парижских театрах, гуляньях и переулках, но много весьма нужного не будетезнать о своем Отечестве. **Вы всем этим пожертвуете для чистого произношения французского языка.**

Посмотрите: маленький сын ваш, чтоб лучше и скорее научиться, иначе не говорит, как со всеми и везде по-французски: с учителем, с вами, с матушкою, с братцем, с сестрицею, с мадамою, с гостями, дома, на улице, в карете, за столом, во время играния, учения и ложась спать.

Не знаю, **на каком языке молится он Богу,** может быть, ни на каком. Начав от четырех или пяти лет быть на руках у французов, он приучает язык свой к чистому выговору их речей, слух свой к искусству составления их выражений, и ум свой ко звуку и смыслу их слов. Не думаете ли вы, что привычка, а особливо от самых юных лет начавшаяся, не имеет никакой власти над нашим сердцем, разумом, вкусом и душою?

На десятом году он уже наизусть читает Расиновы и Корнелиевы стихи, но еще ни одного русского писателя не читал, Псалтири, Нестора, Четьи-минеи и в глаза не видал. На тринадцатом году он уже начинает спорить с учителем своим, кто из них наскажет больше приятных слов торговкам модных вещей и актрисам. Между пятнадцатым и осьмнадцатым годом он уже глубокий философ. Рассуждает о просвещении, которое, по мнению его, не в том состоит, чтоб земледелец умел пахать, судья судить, купец торговать, сапожник шить сапоги. Нет, но в том, чтоб все они умели чесаться, одеваться и читать по-французски прозу и стихи. О безсмертии души он никогда не думает, а верит безсмертию тела, потому что здоров и ест против десятерых. Часто судит о нравственных вещах, и больше всего превозносит вольность, которая, по его понятиям, в том состоит, чтоб не считать ничего священным, не повиноваться ничему, кроме страстей своих. На двадцатом или двадцать пятом году он по смерти вашей делается наследником вашего имения.

О, если б вы лет чрез десяток могли встать из гроба и посмотреть на него! Вы бы увидели, что он добываемое из земли с пролиянием пота десятью тысячами рук богатство расточает двум-трем или пяти обманывающим его иностранцам. Вы бы увидели у него огромную библиотеку всякого рода французских книг, украшенную богатыми портретами Гельвециев и Дидеротов.

А ваш и супруги вашей портрет, не прогневайтесь, вынесен на чердак, и приносится только, когда надобно посмеяться, как вы одеты были странно. Вы бы узнали, что он не только на могиле вашей никогда не был, но и в церкви, где вы похоронены, или лучше сказать, ни в какой. Вы бы увидели, что он над бабушкой своею, чуть дышущею, хохочет и говорит ей: *Лукерья Федоровна, скажи что-нибудь про старину.* Вы бы увидели, что он не способен быть ни воином, ни судьею, ни другом, ни мужем, ни отцом, ни хозяином, ни гостем. Вы бы увидели...

После всего этого утешило бы вас то, что он хорошо, красно и свободно говорит по-французски?

Привычка и господствующее мнение так сильны, в такую берут человека неволю, что он против убеждений разума своего, насильно, как бы магнитом, втягивается в вихрь общего предрассудка.

Помножим тем, что чужеземные наши воспитатели, наставники, приятели, искусники безпрестанными своими изобретениями, хитростями, выдумками все сие в нас питают, поддерживают, подкрепляют.

Между тем, они ведут нас не к славе, но совсем в противную сторону. **Мы можем о том, куда они нас ведут, заключить из того, до чего они нас довели.**

Славенский древний, коренный, важный, великолепный язык наш, на котором преданы нам нравы, дела и законы наших предков, на котором основана церковная служба, вера и проповедание слова Божиего, **сей язык оставлен, презрен.** Никто в нем не упражняется, и даже самое духовенство, сильною рукою обычая влекомое, начинает от него уклоняться.

Что ж из этого выходит? Феофановы, Георгиевы проповеди, которым надлежало бы остаться безсмертными, греметь в позднейшем потомстве и быть училищами русского красноречия, подобно, как у греков и римлян были Демосфена и Цицерона слова, -эти проповеди не только не имели многих и богатых изданий, как то в других землях с меньшими их писателями делается. Но и одно издание до тех пор в целости лежало, покуда наконец принуждены были распродать его не книгами, но пудами, по цене бумаги!

Сколько человек в России читают Вольтера, Корнелия, Расина? Миллион или около того. А сколько человек читают Ломоносова, Кантемира, Сумарокова? Первого читают еще человек тысяча-другая, а последних двух вряд и сотню наберешь ли.

Возникнет ли там писатель, где тщательных и долголетних трудов никто не читает? Нет! Там ни в ком не родится мысль предпринять нечто твердое, важное. Там не найдем мы трудолюбивых людей, которые прежде, чем работу свою окончат, тысячу других о том писателей прочитают, лучшее из них почерпнут, и собственный искус свой с их рассуждениями согласят. Будут только показываться временные охотники писать, мелкие сочинения которых не требуют ни упражнений в науках, ни знаний в языке. О них можно стихом Сумарокова сказать, что они

Когда рождаются, тогда и умирают.

При таких обстоятельствах язык наш все более будет погребаться в забвении, словесность портиться и упадать. Но без языка и словесности могут ли распространяться науки? Может ли быть просвещение? Могут ли процветать даже художества и рукоделия? Нет! **Без языка науки невнятны, законы мрачны, художества нелепы, рукоделия грубы, и одним словом: все без вида, без образа, без души.** Язык и словесность нужны не для одних наук, законов и художеств. Всякое ремесло, рукоделие и промысл их же светом освещаются, от них заимствуют свое совершенство.

Свой язык упадает, потому что предпочитается ему чужой. С падением языка родного молчит изобретение, не растут ни в каких родах искусства. Между тем чужие народы пользуются этим и не перестают различными средствами отвращать наше внимание от самих себя и обращать его на их хитрости.

Сто лет тому назад начали мы учиться у иностранцев. Что ж, велики ли наши успехи? Какие плоды от них собрали? Может быть, скажут: расширение земель, победы, завоевания! Но этому не они нас обучили. Без природной храбрости и любви к Отечеству нам бы не одержать Полтавскую победу. Нет!

Это не их наставления плоды. В этом они скорее разучить, нежели бы научить нас хотели, если б могли. Я думаю, дорого бы дали они, чтоб у солдат наших была не православная душа, не русское сердце, не медная грудь.

Сто лет не один год. Пора бы уже в такое долгое время и самим нам сделаться искусными. Но между тем воспитывают и всему обучают нас иностранцы. Домы наши, храмы, здания строят они же; одевают и обувают нас, жен наших, сыновей и дочерей они же. Без них не умели бы мы ни занавесок развесить, ни стульев расставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапогов на себя надеть. Детей наших стоять прямо, кланяться, танцевать, верхом ездить, смотреть в лорнет обучают они же. Оркестрами и театрами увеселяют нас они же. По крайней мере, кушанья на кухнях наших готовят нам русские повара? Нет, и то делают они же!

Разве природа одарила иноземцев превосходнейшим умом и способностями? Разве она им мать, а нам мачеха? Кто это подумает! Тот разве, кто не знает русского народа, смекалистого, на все способного.

Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои,

там при безмолвии словесности все вянет и не процветает.

Когда мы на один из двух садов устремим свое внимание, тогда и ум, и слух, и зрение, и вкус прилепляются к нему, от чего другой будет претерпевать. Потерпите, не преставайте насаждать, подчищать, разводить, умножать хорошее, истреблять худое: вы увидите, что он со временем раскинется и будет великолепен.

Народ то же, что сад. Не отвращай взора от его произведений; полюби сперва несовершенство их, предпочти свое чужому, посели в него честолюбие, возроди ревность, **возбуди в нем уважение к самому себе.** Тогда природное дарование найдет себе пищу, начнет расти, возвышаться, делаться искуснее и наконец достигнет совершенства. Но покуда не возникнет в нас народная гордость, собственные свои достоинства любящая, до тех пор мы будем только смотреть, как делают иностранцы. Свой ум останется бездействен, дух непредприимчив, око непрозорливо, руки неискусны.

Иноземцы часто жалуют нас именами des barbares (варвары), des esclaves (рабы). Они врут, но мы подаем им к тому повод. Может ли тот иметь ко мне уважение, кто меня учит, одевает, убирает, или лучше сказать, **обирает,** и без чьего руководства не могу ступить я шагу?

Свергнув иго чуждого языка и воспитания, нужно сказать им: "Как? Мы, *варвары,* век свой славимся нравами и оружием; а вы, *не варвары,* ужасами революции своей отняли славу у самого ада. Как? Мы, *эсклавы,* повинуемся Богом избранной верховной власти; а вы, *не эсклавы,* после адской вольности, воздвигшей убийственные руки ваши на стариков и младенцев, наконец ползаете, когда палкой принудили вас повиноваться! Как? Мы, непросвещенные, почитаем веру, единственный источник добродетелей, единственную узду страстей, а вы, просвещенные, попрали ее и самое бытие Бога, не по чудесам созданного им міра, но по определениям Робеспьеровым! **Как? Мы, имея коренный, древний, богатый язык, станем предпочитать ему ваше скудное, из разных языков составленное наречие!"**

Так должно отвечать, а не думать: "Где нам за вами гоняться! У вас и мужики говорят по-французски! Вы умеете и чепчики делать, и на головы накалывать, и цветы к цветам прибирать. Ради самого Парижа, не отступайте от нас! **Будьте всегда нашими учителями, наряжателями,**

обувателями, потешниками, даже и тогда, когда соотечественники ваши идут нас жечь и губить!"

Если мнение наше о них всегда будет такое, тогда отложим попечение о собственных науках, художествах, ремеслах. Станем припасать золото и платить им за все то, чего сами сделать не умеем. Мы не наживем славы, но зато проживем деньги.

Мысли вслух на Красном крыльце графа Ф. В.Ростопчина*

Из оды Отечеству:
Тебе - весь - одному *Тебе* принадлежу,
Пока жива душа моя, пока дышу!
Не в недре ли *Твоем,* не на *Твоем* ли лоне
Увидел свет, возрос, воспитан я в законе, -
В законе праотцев, вовек любезных мне?
Их твердый дух уже в превыспренней стране;
Но их же прах в *Тебе* с почтеньем почивает,
И - ревностна их кровь во мне течет, пылает!
Тебе полезным быть, вот все, чего ищу!
Кому ж, коль не *Тебе, я* труд сей посвящу?

Дворянин Сила Андреевич Богатырев, кавалер Георгиевский и Владимирский, приехал в Москву для разведания о двух сыновьях, брате и племяннике, кои служат на войне. Отпев молебен за здравие Государя, отстояв набожно обедню в Успенском соборе, сел на Красном крыльце и стал думать вслух так.

Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву, и плюнув, сказать французу: сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай во ад или восвояси - все равно; только не будь на Руси.

Ужели Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей кормилице и спасибо никто не скажет: бранят все, не на живот, а на смерть.

Придет француз с виселицы - все его наперехват; а он еще и ломается, говорит: либо принц, либо богач, за веру и верность пострадал. А сам собака холоп, либо купчишка, либо подьячий, либо поп-расстрига, от страха из своей земли убежал. Поманерится недели две, да и пустится -либо в торг, либо в воспитание, а сам и грамоте-то плохо знает.

Господи помилуй! Да как же предки наши жили без французского языка, а служили верою и правдою Государю и Отечеству; не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное, и помнили заповеди Господни и присягу свою; за то им слава и Царство небесное!

*Современник А.С. Шишкова. Во время войны с Наполеоном 1812г. был генерал-губернатором Москвы и своими пламенными воззваниями поднимал дух соотечественников.

Господи помилуй! Чему детей нынче учат? Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. А впрочем, хоть иконы обдери! И понять нельзя, что врут и что делают; всему свое названье: Бог помочь - *бонжур;* отец - *монсъе;* старуха мать - *маман;* холоп - *монами;* мошна - *ридикюль.* Сущие дети и духом и телом - так и состарятся!

Господи помилуй! Только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски, и словом, и делом, и помышлением французскую! Отечество их на Кузнецком мосту, а Царство небесное - Париж. Родителей не уважают, стариков презирают; и быв ничто, хотят быть все. Старухи и молодые сошли с ума; все стало каша кашей! - бегут замуж за французов и гнушаются русскими; одеты, как мать наша Ева в раю: сущие вывески торговой бани либо мясного ряду! Ох, тяжело! Дай Боже сто лет здравствовать Государю нашему! - а жаль дубины Петра Великого! Взять бы ее хоть на недельку из Кунсткамеры, да выбить дурь из дураков и дур. Господи, помилуй, согрешил, грешный!

Господи, помилуй! Все по-французски, все на их манер. Пора уняться! Чего лучше быть русским? Не стыдно нигде показаться: ходи нос вверх, есть что порассказать.

Кому детей своих вверяем? Ну не смешно ли нашему дворянину покажется, если б русский язык в такой моде был в иных землях; и если б псарь Климка, повар Абрашка, холоп Вавилка, прачка Грушка и непотребная девка Лушка стали воспитывать благородных детей и учить их доброму! А вот, с позволения сказать, этак у нас лет тридцать как завелось и не выводится. Дожить, ей-Богу, до беды!

Господи помилуй! Да чего отцам и матерям хочется? Чего у нас нет? Все есть или быть может. Государь - милосердый; дворянство - щедрое; купечество -богатое; народ-трудолюбивый.

Да что за народ эти французы? Копейки не стоют, смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху! Ни стыда, ни совести нет: языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись, либо философ, либо

римлянин, а все норовит в карман: труслив, как заяц, шаллив, как кошка. Во французской всякой голове ветряная мельница, госпиталь и сумасшедший дом! На делах они плутишки, а на войне разбойники. Два лишь правила у них: *Все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать.*;.

Вишь, что проклятые наделали в эти двадцать лет! Все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться. Ничего на месте не оставили! Закон попрали, храмы осквернили, царя казнили! Головы рубили, как капусту. Думали, что будет равенство и свобода, а никто не смел и рта разинуть.

Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить: опрокинулись к соседям, и начали грабить и душить, приговаривая: *после спасибо скажете*\ А там явился Бонапарт, и все замолчало.

Чему дивовать! Жарко натопили, да скоро закрыли; революция пожар, французы головешки, а Бонапарт кочерга. Вот оттого-то и выкинуло из трубы. Он и пошел драть: Италию разграбил, двух королей на острова отправил, цесарцев обдул, прусаков донага раздел и разул. А все мало! Весь мир захотел покорить. Что за Александр Македонский! Мужичишка в рекруты не годится, ни кожи ни рожи, ни виденья; раз ударить, так и след простыл, и дух вон. А он-таки лезет вперед -да уж и на русских! Ну, милости просим! Думал потешными своими удивить, а наши армейские так их потешили, что только образцовых пустили живых.

Радуйся, царство Русское! Всемирный враг богатырской твоею силою истребляется. Он пришел, как алчный лев, хотел все пожрать. Теперь бежит, как голодный волк - только озирается и зубами пощелкивает. Не щади зверя лютого, тебе слава и венец, ему срам и конец. Ура, русские! Победа пред вами, Бог с вами, Россия за вами.

Славословие предкам

Письмо издателю *Русского вестника*

Ежели вы вздумали идти на нас,
мы против вас со святою Богородицею и поклоном,
а не с оружием и злобою...

Государь мой!

Примите от русского человека чистосердечную благодарность за то, что вы под названием *Русского вестника* трудитесь издавать по содержанию своему весьма полезную, по слогу же пера вашего весьма приятную книгу.

Продолжайте бодрственно указывать нам на нравы и деяния наших предков, которыми мы паче величаться, нежели стыдиться, причину имеем.

Продолжайте уличать иностранных писателей в их ложных о нас мнениях. Вы совершенно правы: если выписать из книг их все те места, где они рассуждают о России, то **ничего не найдем мы в них, кроме хулы и презрения.** Везде, а особливо до времен Петра Великого, называют они нас дикими, невеждами и варварами.

Нам бы надлежало вывесть их из сего заблуждения; показать им, что они обманываются; дать им почувствовать древность нашего языка, силу
и красноречие священных наших книг и многих оставшихся еще памятников. Нам бы надлежало отыскать, собрать, представить в совокупности разные рассеянные в летописях и других старинных повествованиях верные свидетельства, что предки наши были не дикие, что они имели законы, нравственность, ум, рассудок и добродетели. Но как сделать сие, когда мы, вместо любви к языку своему, всячески от него отвращаемся? Вместо вникания в собственные наши хранилища, вникаем только в сплетаемые на чужих языках о нас сказки и сами ложными их мнениями заражаемся? Петр Великий, говорят иностранцы, преобразил Россию. Но следует ли из сего заключить, что до него все было неустройство и дикость? Да, при нем Россия поднялась и вознесла высоко главу свою; но и в самые древнейшие веки имела она свои достоинства: **один язык ее, сей твердейший меди и мрамора памятник, вопиет громко в уши тех, которые имеют у себя уши.**

Бытописания и свидетельства не престают чрез то существовать, что их не читают, и разве тех только не выведут из ложного мнения, которые отвращают от них и ум свой, и слух.

Смотря на портрет предка моего, я вижу, что он не похож на меня: он с бородою и без пудры, а я без бороды и напудрен; он в длинном и покойном платье, а я в узком и коротком; он в шапке, а я в шляпе. Я гляжу на него и улыбаюсь; но если б он вдруг ожил и взглянул на меня, то конечно, при всей своей важности не мог бы удержаться от громкого смеха.

Наружные виды не показывают достоинства человека и не свидетельствуют истинного в нем просвещения.

Благочестивое сердце, здравый разум, праводушие, безкорыстие, мужественная кротость, любовь к ближнему, усердие к семейственному и общему благу: вот истинный свет! Не знаю, можем ли мы, *просвещенные,* похвастать тем пред нашими предками, которых иностранцы, и мы за ними, именуют невеждами и варварами.

Недавно случилось мне в книге, называемой ***Историческое описание города Пскова,*** прочитать письмо псковитян, писанное в началеXШ столетия к великому князю Ярославу. Слог и образ мыслей наших соотечественников столь достопамятны, что я здесь письмо это выпишу.

Новгород и Псков (Плесков) были в древности две республики или два некие особые правительства. Они повиновались великому князю Российскому. А Псков, как новейшая и младшая республика, почитал и повиновался старшей, то есть Новгороду. Однако каждая из них имела своих правителей, свои войска. Связь и подчиненность их была некая добровольная, не столько на силе единовластия, сколько на согласии и дружелюбии основанная. Каждая из республик могла опираться на собственные силы свои, могла отторгнуться от другой; но добрая воля, данное слово, чувствование братства не допускали до разрыва. Так единодушная семья, приученная родительскою властью от самого малолетства быть согласною, хотя и лишится потом отца своего, но родственный союз между собой хранит ненарушимо. Исполнение таких добродетелей показывает соединенное с благочестием праводушие и доброту нравов. Мы увидим, каковы были псковитяне.

В 1228 году князь Ярослав, без предупреждения, пошел в Псков, под видом, яко бы идет войной на рижан и немцев. Но в самом деле, как подозревали, хотел, войдя в Псков, перековать всех градоначальников и отослать их в Новгород. Псковитяне, слыша, что Ярослав везет к ним цепи и оковы, заперли град, и его не впустили.

Ярослав, видя такую противность, возвратился в Новгород и, созвав вече, жаловался на псковичей (плескович), говоря, что он никакого зла на них не мыслил, и железз для кованья их не имел, а вез к ним в коробьях подарки, сукна, парчи. Для того просил на них управы, а между тем послал в Переславль за своими войсками, делая всегда вид, будто хочет идти на рижан и немцев, но в самом деле помышляя отомстить псковитянам за учиненное ими

упорство. Полки Ярославовы пришли в Новгород и стали вокруг в шатрах, по дворам и на торжище. Псковичи, слыша, что Ярослав привел на них войска, боясь его, учинили мир и союз с рижанами, выключив из него Новгород и положа так:

Если новгородцы пойдут на плескович (псковитян), то рижане обещали всею силою помогать, а если Литва пойдет на рижан, то плесковичи им будут помогать; и дали по осьми мужей знатных в залог.

Таковое скорое и внезапное примирение со всегдашними неприятелями требовало, конечно, искусства и сведения в политических делах. Сверх того, на чем союз сей основан? На общей пользе, ибо

рижане во всяком случае им помогают, псковичи же против новгородцев им не помогают. Итак, даже при обороне своей от новгородцев не позабыли они в особом от них союзе соблюсти должное к ним уважение и любовь. Такой поступок весьма далек от варварства и не-вежества. Но последуем дальше за повествователем.

Новгородцы, говорит он, уведав о том, стали на Ярослава роптать, что без причины хочет на псковичей воевать. Тогда Ярослав переменил насильственное намерение свое и, послав к псковичам Мишу Звонца, велел им говорить:

Весьма мне дивно, что вы с неверными мир и союз учинили, а меня, князя вашего, принять не хотели. Ныне пойдите со мной на войну; а я обнадеживаю вас, что вам никоего зла не мыслил, токмо отдайте мне тех, кто меня вам оклеветал.

Посмотрим, как псковитяне на такое укорение отвечали. Правда, их письмо не похоже на пустоцвет многих нынешних писаний, нет в нем игры слов, скрывающих настоящие чувства и мысли, но зато нагая правда и простыми словами обнажает и душу, и сердце. Вот сей ответ:

Кланяемся тебе, князю Ярославу и братии нашей новгородцам, и вам на ваши слова ответствуем: на войну с вами нейдем, и братии нашея, которые правду говорят, не отдадим.

Вот каковы были нравы прежних людей! Целое общество защищало правдивого человека, и скорее соглашалось само за него пострадать, нежели предать его за усердие! Псковитяне продолжают:

Что мы срижанымир и союз учинили, в том вам нет порока, вси бомы вернии и неверный человеки от единого Адама дети, и нам нет с ними ни коея разности: того радиулюбили лучше пожить в покое и любви, нежели во вражде и войне; злу же их и беззаконию не прилепляемся, но в мире со всеми жить добро.

Рассуждают ли так варвары? Думают ли так невежды? Терпимость вер, которую в восемнадцатом веке Вольтеры и другие писатели с таким рвением и жаром защищали, здесь, при таких мнениях и нравах, имела бы нужду в защите? *Вам в том нет порока,* говорят они новгородцам. Вам! Какая родственная связь! Так благонравный брат или сын отвращается от порока, чтоб безславием своим не обезславить брата или отца.

Далее говорят они:

Ты княже умный и смысленный, помысли и рассуди, ежели сии рижане беззаконнии, видя наше состояние смиренное и любовное, познают истину, и обратятся на путь спасения, то нам есть честно и полезно; если хотя и пребудут в том, как они есть, нам нет от них ни вреда, ни безчестия.

Какая уверенность в самих себе и в своих добродетелях! Не боялись они повреждения своей нравственности от чуждого народа, не опасались уничижиться и стать их обезьянами, но думали, что другие народы, видя их состояние *смиренное и любовное,* от них просветятся, от них сделаются добронравными.

Они письмо свое оканчивают так:

Ежели вы вздумали идти на нас, мы против вас со святою Богородицею и поклоном, а не с оружием и злобою; понеже новгородцы издревле братия наши. Тако вы нас посеките, а жен и детей плените, ежели вы беззаконнии.

Можно ли сказать почтительнее, благоразумнее, чувствительнее? Какая твердая связь и уважение к соотечественникам! Какая воздержность и обуздание естественного гнева посреди обид и огорчений! Какое глубокое почтение и покорность к старейшему себя!

Повторим эти слова. Их мало один раз повторить. Их можно тысячу раз повторить, и всегда с новым удовольствием. *Ежели вы вздумали идти на нас, мы против вас со святою Богородицею и поклоном, а не с оружием и злобою; понеже новгородцы издревле братия наши.* Господа иностранцы! Покажите мне, если можете, не говорю в диких народах, но посреди вас, просвещенных, подобные чувствования!

Тако вы нас посеките, а жен и детей плените, ежели вы беззаконнии. Без сомнения, псковитяне, изъявляя такую покорность, знали нравы своих собратий и соотечественников, знали, что выражение *ежели вы беззаконнии* могло удержать их от всяких несправедливых поступков. **Слово *беззаконие* было тогда гораздо страшнее, чем ныне.**

Одно это происшествие показывает уже, какую нравственность имели предки наши, и как далеко были от варваров и диких, задолго до того времени, с которого иностранцы нас, и мы за ними сами себя начали полагать в числе людей.

Зри в корень:
сын всегда говорит языком отца

Откуда бы ни взяли мы начало человеческого слова или языка, от первосозданного мужа или жены, или от семьи Ноевой, единственной, оставшейся на земле после потопа, в том и другом случае, как народы, расселявшиеся по земному шару, не престают быть их потомством, так и языки должны быть более или менее отдаленными наречиями того языка, каким говорил первый народ по создании человека.

Ной был не вновь созданный человек, но оставшийся от прежде бывших людей: следственно, если потомство людское не было прервано, то и прохождение языка из уст в уста не могло быть остановлено; **ибо сын всегда говорит языком отца своего.** Никогда народ, происходящий от другого народа, не бросал языка предков своих и не производил нового, особо им составленного.

Заметим, столпотворение Вавилонское не опровергает сей истины. Для смешения языков не было надобности разделять их на многие первобытные языки; но довольно было из одного и того же языка сделаться разным наречиям, дабы люди (как мы то и ныне видим) перестали друг друга разуметь.

Впоследствии народы получили разные имена: халдеи, скифы, славяне, персы, но чрез то не перестали быть потомками детей Ноевых. Равным образом, и языки их.

Не только через сорок или пятьдесят веков, но часто чрез один или два века язык предков становится невразумительным более для потомков. Сами названия языков отрицают уже их первобытность; ибо языки называются именами говорящих ими народов, а народы не прежде могли получать имена, как по размножении своем, когда надлежало им различаться одним от других.

Таким образом, **первобытный язык исчез сам по себе, но существует во всех языках,** в иных больше, в иных меньше. Он существует в них не словами своими, но **корнями,** из которых каждый язык произвел свои ветви.

Наречия, весьма одно от другого отдаленные, почитаются уже особыми языками. Это происходит оттого, что некоторые слова забываются, другие изменяются, третьи вновь выдумываются и входят в употребление. Но забытое слово не престает иногда существовать в происшедших от него ветвях, измененное остается часто не изменившимся в корне, **новое обыкновенно производится от старого.**

Таким образом, как бы новейший язык ни отошел далеко от первобытного своего образа, однако следы его остаются в нем приметными и не изгладившимися. При старании можно до них добраться.

Приведем для примера одно только слово из сравнительного словаря на многих языках - ДЕНЬ. *День, динь, дзень, дженъ, диэна, деиц, диэс, диа, деирна, диорнод, джор, джорно, диэс, дис, жор, жур, dианг, даг, таг, дагур, дегов, дивес, дай, дэй...* На сорока наречиях и языках видно, что все они одно и то же слово повторяют. Но какая сделалась разность между русским *день,* французским *jour* и немецким *tag!* Оба пути, по которым изменение слова происходило, весьма очевидны: **Первый:** ***день,*** *диэна, диэц, диурно, джорно,* ***жур.*** **Второй:** ***день,*** *дань, даанг, даг,* ***таг.***

Существует ли ныне такой ближайший к первобытному язык? Если существует, тогда народы, говорящие отдаленными наречиями, могли бы отыскивать в нем корни и происхождение своих слов.

Многие древние и новейшие бытописатели такой язык производят от скифов, а тех от Иафета, одного из сынов Ноевых. Само слово *скивы* или *скиты* почитают славенским, означающим ***скитание,*** то есть прехождение от одного места в другое, поскольку первоначальные народы не имели постоянных жилищ. Если даже только по историческим событиям рассуждать о славенском языке, то очевидно, что он был самодревнейший, и ближайший к первобытному языку, ибо одно исчисление скифо-славянских народов, под тысячами разных имен известных и по всему лицу земли расселившихся, показывает уже как великое его расширение, так и глубокую древность.

Я же вхожу только в корнесловие. Когда исследование слов разных языков показывает **великое и всеобщее отношение их к славенскому языку,** то как история, так и язык, одно другим взаимно подкрепляемое, ведут к несомнительным заключениям.

Я не по слепому пристрастию к отечественному языку моему, **не по мечтательным догадкам, но по истинному**

и точному исследованию многих языков и наречий, мнению моему справедливое основание полагаю.

Мы видим ясно и несомненно, что все языки одинаковым образом составляются. Посредством приставливания к корням разных окончаний и предлогов извлекаются ветви. Содержащееся в корне понятие **никогда не переменяется,** но только разнообразится. Для отыскания корня надлежит отделять в слове предлог и окончание, на каком бы языке оно ни было. Затем по оставшемуся корню рассуждать о первоначальном понятии, сохраняющемся во всех произведенных от него ветвях, как на одном, так и на многих языках.

Отыскание корня не всегда легко, бывает трудно распознавать предлоги окончание. Разберем, например, слово *начало.* Корень *нач,* а *ало* окончание? - нет. Или возьмем *на* за предлог, *чал* за корень, а о за окончание? Все это будет гадат;ельно и не откроет коренного значения или смысла. Нужно сообразить его с другими того же корня ветвями: *начать, начинаю.* Из них ветвь *начинаю* покажет нам тотчас, что в ней *на* предлог, *чин* корень, *то* окончание. Итак, корень есть ***чин*** (от которого в слове *начало* осталась одна только буква ***ч***); *начинаю* значит приступаю к произведению в действо предначертанного в уме моем *чина,* то есть, порядка, устройства. Так коренное значение во всех происшедших от этого корня ветвях будет для меня ясно.

Мы различаем в каждом слове любого языка два понятия или значения, из которых одно называем ***коренным,*** а другое ***ветвенным.*** Коренное, относясь ко многим вещам, не определяет ни одну из них, но только показывает нечто всем им сродное или свойственное. Ветвенное, напротив, определяет каждую вещь порознь. Зная первое, мы не можем еще знать второго. Всякая извлеченная из корня ветвь сохраняет в себе его, следственно, и значение свое от него заимствует. Случается часто, что коренное значение затмевается ветвенным и даже совсем от очей разума исчезает. Например, каким образом под именами *камень, голубь, гриб* разумеет такие-то именно, а не другие вещи? Или почему произведя от одного и того же понятия *висеть* ветви *вишня* и *виселица,* разумеет он под ними столь различные между собою предметы? Ответ один: мне указали и назвали каждый из них. С тех пор вид их, зримый мною, остался в уме моем начертанным, а названия затвердились в памяти и сохраняются в ней чрез всегдашнее повторение и

наслышку. При таком знании языка может остановиться тот, кто не хочет далее идти.

Но мы продолжим наши рассуждения. Древность языка и забвение многих первобытных названий не позволяют нам при каждом слове найти начало его и причину. В слове, например, *камень,* мы не видим, или не добрались еще до коренной причины, по которой он так назван, и потому почитаем его первобытным словом, имеющим одно только ветвенное значение. Но в слове, например, *медведь* видим два значения, ветвенное и коренное; первое представляет нам известного зверя, а второе, что зверь сей *ведает, где мед,* ищет его, любит им питаться.

Иностранцу, хотя бы и сказать значение слова *медведъ,* но когда не известны ему слова *мед* и *ведать,* то он знал бы одно ветвенное его значение, не зная коренного. Итак, **по тем словам, начало которых нам неизвестно, мы можем в языке своем назвать себя иностранцами.**

Богемцы от ошибки в произношении переменили букву *м* в *н,* и вместо *медведь* пишут *nedwed.* Следовательно, слово их, потеряв коренное значение, осталось при одном ветвенном.

Сразу приметен смысл во многих простых словах, например, в ягодах *черника, голубика,* по цвету их; *земляника,* потому что низко к земле растет; *костяника,* потому что имеет в себе косточки; *бич,* потому что им бьют; *темница,* потому что в ней темно; *корабль,* потому что образом своим походит на *короб.*

Но есть и такие слова, в которых коренное значение затмевается ветвенным, иногда от изменения какой-нибудь буквы, например, *масло, весло (вместо мазло* от *мазать, везло* от *везти);* иногда от сильного устремления мысли нашей на одно ветвенное значение, так что коренное при нем забывается. Под словом *голубь* разумеем мы птицу, получившую название от *голубого* цвета перьев своих. Но увидев той же породы птицу с перьями иного цвета, можем сказать: *белый голубь.* То есть об одном ветвенном значении помышляем, как бы забывая коренное, которое бы не позволило нам *голубое* назвать *белым.*

Многие совсем не сходные между собой вещи могут коренное значение иметь одинаковым: имена *свинец* и *синица* в ветвенном значении превеликую имеют разность; но в коренном никакой, поскольку оба произведены из понятия о *синем* цвете. *(Свинец* есть испорченное из *синец).*

Итак, **ветвенное значение каждому в языке своем известно, а коренное открывается только тому, кто рассуждает о началах языка.** Всякий, например, знает слово *гриб,* но почему он назван так, доберется только тот, кто станет рассматривать корень *грб,* сличая слово сие с другими, тот же корень имеющими ветвями *погреб, гроб, гребень, горб.* Тогда увидит, что *погреб, гроб, гребень* не представляют ничего сходного с *грибом,* и потому не могли подать мысли к такому названию. Но *горб* и *гриб* имеют великую между собою соответственность, поскольку верхняя часть *гриба,* шляпка, действительно *горбата.* Итак, от понятия о *горбе* произведено имя *гриб.* Богемец из того же *hrb (горб)* произвел две ветви *hrib* и *hreb,* из которых hrib значит у него то же, что и у нас *гриб,* а под вторую *hreb* разумеет он то, что мы называем *гвоздь.* Сходство сих предметов дало ему повод назвать их одинаково, изменив только одну гласную букву.

При сличении славенских слов с иностранными не довольно явного сходства букв и значений, как например, английское *brow* и славянское *бровь,* немецкое *grabe* и славенское *гроб,* шведское *sister* и славянское *сестра,* французское sel и славянское соль. Подобные слова, хотя и показывают некоторое сходство между всеми языками, но их не так много, и притом, сие не поведет нас к познанию, каким образом от одного и того же языка расплодились столь многие и столь различные между собою наречия.

Примечатель.Заметьте, сколь это важно для понимания истинной науки о языке! В м!ру вечно учили и учат, что корень- неизменяемая часть слова, причем, по буквам, написанию, а не по глубинному смыслу первоначального понятия. То есть учат чисто формально, в обрезанном виде. Шишков же каждый корень связывает с первосмыслом от первослова. И по значению однокоренных ветвенных слов всегда находит корень, даже в одной оставшейся букве, и даже когда ее нет, пропала, то возвращает ее в язык, словно отца -детям. Что может быть важнее, чем находить первые богоданные смыслы и связывать их с корнями, пустившими ветви словесные?

Родные корешки и слова-эмигранты

НАУКА, с ветвями *учить, учение, учитель, научаться.* По смежности понятий и близости выговора букв *кйх* могло измениться из *науха,* ибо главным образом приобретается посредством *уха* или *слышания.* Навык, хотя и делает для нас дикими слова *тушиться, ушитель* вместо *научиться, учитель,* однако рассудок не может не согласиться, что *научиться* есть *наслышаться,* и что *учитель* есть не иной кто, как *внушитель* или наставник ума нашего чрез *наши уши.*

СЛОВО. *Слово, члово, логос.* Греческое логос, хотя далеко отходит от семейства, однако коренное *ел* в себе заключает; особливо если средний слог го переставить наперед, то выйдет славянское *голос,* которое с названием *слово* имеет ту смежность, что *слово* без *голоса* не может быть произносимо.

Да и в нашем языке речение в молитве *услыша глас мой* значит *услыши слово мое.*

В человеке отличительное от прочих тварей свойство есть дар слова. Отсюда название *словек* (то есть *словесник, словесная тварь)* изменилось в *цловек, чловек* и *человек.*

Имя *славяне* сделалось из *славяне,* то есть *словесные,* одаренные *словом* люди.

Разберем другое семейство, означающее ***слово**:*

ворд английское,

ворт немецкое,

орд датское,

орт шведское,

воорд голландское.

Имена сии могли пойти от славянского *говорить* и значить то же, что *говор* или *слово.* Если отбросить слог *го,* то *воритъ* весьма близко подойдет к словам *ворт, ворд, орд.* Латинское *verbum,* испанское *verbo,* французское *verbe* также отсюда произошли. Если из *говорить* произвесть *говорьба* (вместо разговоры, говорение) и откинуть *го,* то *ворба* с *verbo* будут совершенно сходны между собой. Притом слог *го* в *говорить* не составляет корня, который заключен в буквах *ор.* У нас простонародное *орать* приемлется в смысле *шуметь, говорить громко.* Глаголами *урчать, ворчать, журчать, рычать* изъявляются также разные гласоизменения.

Также иноязычные от сего корня ветви латинские и других языков:

oraculum (оратор, провозвестник);

orator (оратор, простонародное *краснобай);*

orchestre (место заседания, где рассуждают о делах, а также, где играют на *орудиях,* инструментах);

oramentum (молитва);

organium (орган). Наш *варган* отсюда же происходит. *Варган* - простонародное музыкальное орудие: согнутая железная полоска, со вставленным внутри стальным язычком. *Варганить* - шуметь, стучать.

ordinatio (порядок, учреждение, но и приказание, повеление). Мы и другие народы в таком значении говорим *ordre, ордер.*

Примечатель. Продолжим размышлять, сравнивая наши слова с подобными им чужаками, и заметим впервые в своем языке *слова-эмигранты.* Когда-то они *уехали,* то есть были скопированы в инязы, пожили там вдоволь, а в эпоху мерзкого евро-подобострастия *верхов* наших вернулись домой. Вернулись сильно опущенными и обезображенными. Ведь католическая Европа тыщу лет исполняла Люциферу, своему просветителю-ангелу света, *ораторию* под визг и ор железных *органов,* чтоб поднять из мертвых свою веру. Однако наши *просвещенные* (инязами же) уши и умы, по сей день воспринимают чужаков много значительнее родных слов-родителей. Отсюда и корень отечественной погибели: самые бредовые советы иностранцев выслушивают, как живую истину.

ГОД. Древнее слово. Очевидным образом заключает понятие о добре, благе. Шведское *god,* английское *good,* немецкое *gut* подтверждают сие.

От сего понятия *год* пустило разные ветви: доброе и худое время *(погода, непогодь};* добрая или худая вещь, или человек *(годное, негодное, пригожий, негодяй);* приятное или неприятное обстоятельство *(угодное, неугодное, негодование).* Все сии ветви произошли от *год,* а не *год* от них.

Примечатель. Только в славянском слове *год* содержатся и связаны наиважнейшие понятия о времени жизни и о добре. И только в целостности они укрепляют и веру, и нравственность. Во всех иных языках эти понятия разведены написанием *(дооа[1], уеаг; ди1,* у'аЬг) и не соединены смыслом. У нас *год* связан с понятием добра, ибо мы знаем точно - время жизни на земле дано для спасения души, чтоб сеять доброе и вечное. Заметьте, слова *выгода, выгадать* (тоже от *год)* изначально соединены со смыслом: дождаться благодатного (наиболее удобного) времени для добрых дел. На западе они

связаны исключительно с получением максимальной прибыли, денег. Таким образом, у нас *выгода* времени и добра, у них - только денег. Потому в евроязыках давно связалось *время - деньги.* Забыв о *добре,* их *время* пустило свои ветви-понятия, утвердив главную их мораль -за деньги можно купить все, даже время, и жизнь свою продлить... Чтоб выживать из ума дальше.

Иное значение *год* в разных наречиях: *лето.* И мы говорим: *прошло пять лет* (т.е. пять *годов).*

Некоторые славенские наречия *годом* называют *рок,* от глагола *реку*, подобно другим происходящим от него ветвям *порок, оброк, срок;* и потому у нас приемлется в возвышенном значении чего-либо *изреченного,* предопределенного судьбою.

Год по-немецки *jahr (яр),* от славенского *корня яро, весна.*

ЧАС. Имя *час,* вероятно, происходит от имени *часть,* ибо *час* есть не что иное, как *часть* времени.

ПОРА значит то же, что и *время,* происходит от глагола *пру, переть.* Мог ли сей глагол произвесть понятие о *времени?* Мог, ибо ни одно тело (кроме животных) без влекущей или *прущей* его силы не может иметь движения, а по движению небесных тел исчисляем мы дни, месяцы, годы...

Но наряду с понятием *время* слово *пора* иногда значит место, или точку.

До которых пор ты ходил?-До полудня.

Сапоги мои коротки, достают только до этих пор.

Это платье мне впору.

Как истолковать сие различие? Связь понятий должно искать в корне. Поищем ее. Слово *пора,* происходя от *пру,* сделалось сословом *время* и стало означать как на вещественном, так и на умственном протяжении (т.е. времени) точку, при которой мы останавливаемся, *упираемся.*

Отсюда с равной ясностью говорится:

Мы до этих пор сидели за столом. (Разумея точку времени).

Я по этих пор вошел в воду. (Разумея предел или точку тела).

Это платье мне впору.(Т.е. охватывает, *опирает* тело мое, не безпокоя ни узостью, ни широтою).

Глагол *пру* на сем же основании произвел ветви: *спор, напор, упрямство;* также *пороть* и отсюда *портище, портной,*

портки, портомоя или прачка. Ибо глаголы *пороть и распороть* изъявляют почти одинаковое действие с *глаголом распирать,* раздирать.

Например: *он сына своего отодрал или выпорол розгами.* Латинское *temporis* и наше *теперь* (состоящее из *та пора)* значат одно и то же. Французское *temporal* значит временный, *порою* только бывающий.

ЛУЧ. Латинское *lux* вмещает в себя понятие как о *луче* (свете и светлости), так и кривизне. У нас это разные ветви: *лучина, лучезарный,* но *лукавый, лукавство.* На латинском и прочих наречиях от *луч* (lux) произведена ветвь *luxuria,* означающая роскошь. (А в наши *лукавые* дни появились апартаменты люкс, *luxe - Изд.*). Как светило бросает от себя *лучи* во все стороны, так роскошный человек из кучи обладаемых им денег сыплет их. Мы же это действо назвали точно по смыслу - *расточительность. (Расточить, расточка -* расширить или разрушить точа, точкою).

Примечатель. В славянском языке Божий свет - только прямой, и нигде не смешивается с понятием о кривизне. Ибо луч света всегда преломляется только чрез посредника - зеркало, призму. Во всех же евроязыках существует смешение: прямого с кривым, прямоты с лукавством. Потому у них от *света* (Люцифера) произошли и роскошь, и богатство, и изощренный хитростью ум, то есть преломленный, смешанный с ложью.

Время безплодия

А.С. Шишков приводит свидетельство ученого иностранца, графа Мейстера.

Посмотрите на ваше Отечество и спросите у него, многими ли словами после великой с ним перемены (царствования Петра I) обогатило оно язык свой. Увы!

Держава ваша сделала то же, что и другие. С того времени, как она стала умствовать, она заимствовала слова и не сотворяла их более. Никакой народ не избегнул общего закона. Повсюду время *просвещения* было временем безплодия.

Я читаю на ваших визитных билетах: *министр, генерал, камергер, камер-юнкер, фрейлина, генерал-аншеф, министр юстиции, полиции.*

На вывесках читаю я: *магазин, фабрика, мебель,* при учениях войск слышу: *дирекция, эшелон, контрмарш, гауптвахта, комиссариат, казарма, канцелярия.*

Но все сии слова и тысячи других, чужеземных, не стоят одного из столь прекрасных, столь многозначительных слов, какими изобилует первобытный ваш язык, как например, *супруг,* которое само собою говорит: *тот, кто под одно иго сопряжен с другим.* Грубые или непросвещенные люди, в древности размышлявшие о составлении слов, были великого разума.

СУПРУГ. Собственно *иго* (иначе *супруг).* Так называется брус или колодка с двумя круглыми отверстиями, надеваемая на шею двух волов, дабы они ходили неразлучно. Отсюда получило оно два значения: *соединение* или *сопряжение* и *неволя,* или как бы отягощающее нас бремя.

Слово *иго,* которое во множественном произносилось *иги,* превратилось чрез изменение букв в *юзы* и *узы,* откуда произошли у нас имена *союз, узник, узда, узел;* а в иностранных языках глаголы *subjuguer, conjuguer, conjoindre.* Здесь, как и всегда, хотя ветви разных языков различны между собой, однако мысль в них одна и та же. Например, корень *иг,* повторяемый всеми языками *(ioch, yok, jug, jour)* произвел в нашем языке слово *иго,* во французском joug; но француз извлек из сего корня глагол *subjuguer;* а мы сей глагол выражаем от иных корней глаголами *покорить, поработить, завоевать,* которые, хотя и не содержат корня *иго илиузы,* но значат то же, что *наложить иго, повергнуть в узы.*

Итальянец и англичанин говорят *congiungere, 1o conjugate,* как бы по-нашему *союзитъ,* вместо которого говорим мы *спрягать* или *сопрягать;* но *сопрягать* есть то же, что *союзитъ,* то есть соединять посредством *уз.*

КОНЦЕПЦИЯ. Заметим сперва: иностранный корень *cop (cep)* и наш *цап,* невзирая на различное произношение, не имеют никакой существенной разности.

От *цапнуть* произошла *цепь, цепочка* (потому что звенья их так *цапаются или зацепляются, сцепляются,* то есть держатся, хватаясь одно за другое); *цапля (цапает,* хватает когтями мелкую рыбу). С изменением буквы *ц* в *х* корень произвел ветви *схапать* (то же, что *сцапать,* схватить); *охапка* (то, что руками можно *охапитъ,* то есть охватить, обнять); *ухаб* (поскольку снежная выбоина или яма как бы *охапывала,* охватывала опускающуюся в нее повозку).

А вот чужеязычные ветви от *cap (цап): caput, kop, kopf, capo* (голова) или относящиеся к голове: *cap,* (шапка), *cape, cappa* (накидка с капюшоном), *capital* (капитал), *captain* (капитан).

Другая ветвь от того же корня: *caper* (морской разбойник), captive*, captif* (пленник), *captivity, captivite* (плен), *capture* (воинская добыча), *capacity* (способность, внутренность корабля). Но что иное *caper* как не наше *цапаръ,* то есть тот, кто *цапает,* ловит морские суда? Их *captif, captivite,capture* были бы наши *цапник,* вместо пленник, *цапание,* вместо пленение, *цапство,* вместо захваченная у неприятеля добыча, если б от сего корня произвели свои ветви.

Равным образом, слова их *capsule* (капсула или коробочка), *conceptacle* (вместилище, место сбора), *concept* (постижение), *conception* (понятие), изменившие гласную *а* в *е,* все означают некую внутренность, объемлемую или *охапываемую* вещественными или умственными пределами. Мы легко можем увидеть это из английского *cap* (шапка, обнимающая голову), французского *cape* (накидка с капюшоном, обнимающая тело и голову), *receptacle* (комната, вмещающая собрание людей), *reception* (получение, прием). Здесь их корень *cap* оказывается одним и тем же с нашим *хап,* поскольку наше просторечное *охапитъ* значит то же, что обнять.

Теперь посмотрим, из чего слова *concept* и *conception* составлены: предлог их *соп,* равно как и *сот,* есть наше *со* или с, как-то: *conseil,* совет; *consience,* совесть; *conjonction,* соединение. Корень же *сер,* как мы уже видели, есть тот же *cap,* или наше *цап, хап.* Итак, слово *concept* по-нашему выходит *сцап, схап; conception, сцапание, схапание.*

Мы выражаем их словами от иных корней, *постижение, понятие.* Но из чего составлены слова *понимать, понятие!* Из предлога *по* и глагола *имать,* иначе *брать.* Латинцы также употребляют вместо глагола *беру - capio.* А что значат наши единокоренные с ним глаголы *цапаю, хапаю!* То же: *имаю, хватаю, беру.* Следовательно, французские, английские и других языков однокоренные слова *concept, conception* произведены от общего корня нашего *схап, схапание.*

Примечатель. В чем наша разность с еврояэыками? Они от корня cap (схватить, ухватить) произвели очень много ветвей, мы, напротив, от того же корня *цап, хап* произвели мало ветвей, и то в одном простонародном или низком смысле: *цапнуть, подцепить* (например, дурную болезнь, вредную привычку). Народ русский, веками размышляя о *едином на потребу,* совсем не знал *хапанья.* В Европе на вопрос *как проехать?* вам

ответят буквально так: *возьмите вон ту дорогу (prnez cette route, take this way) и поезжайте.* И этот смысл, идущий *в* буквальном смысле от головы *(cap, caput*) торчит там повсюду: вначале нужно схватить и присвоить, а потом уже можно что-то делать. Подчеркнем: такой язык и такие слова давно и окончательно сформировали соответствующую мораль и мышление.У нас же этот корень так и не пустил высоких ветвей.

СЕМИНАРИЯ. Слово *семинария* почитаем мы взятым с латинского *зеттапит,* духовное училище, потому как в нем насаждаются *семена* учения. Что же, латинец мог его от своего *зетеп* произвести, а мы от своего *семени* не могли? Сколько же таких исконно наших слов, которые почитаем мы чужеязычными! *Семья, семейство* от этого же корня происходят; ибо что иное *семьянин,* как не одного с другим *семени!*

Примечатель. А.С.Шишков тысячами слов показывает, как все инязы берут корни от славянорусского, но нет ни одного обратного примера. **Не позволяет природный закон яйцам учить курицу.** Какое же взаимообогащение языков может быть, а тем более, взаимная выгода? Только взаимное и постоянное опущение ума и нравствености.

Сродники братья-славяне и перезвон родных слов

Когда корень в разных языках один и тот же, то и ветви, произведенные от него, сколь бы ни были особенным выговором и значениями различны, но все сохраняют в себе первоначальное понятие корня, от которого произошли; а если переходят в другое значение, то непременно смежное с первым. На сем основании утверждается единство языков. Возьмем из многих славенских наречий одно какое-нибудь, например, чехское (богемское) и сличим с русским языком.

Глава, hlava	мост, most
Дуб, dub	поле, pole
Дубрава, dubrava	мышь, mys
Дух, duch	мразь, mraz
Колечко, colecko	плод, plod

Доколе слова сохраняются без всякой перемены букв, имея то же самое значение, до тех пор язык остается один и тот же. Он пребывает таким только в началах своих, в последствиях же начинает от них уклоняться. Так река, разделившаяся на многие рукава, не перестает быть тою же рекою. Однако во всяком наречии язык приемлет иной ход, иное направление и начинает по многим причинам от первобытного образа своего отличаться. Например, разностью принятой богемцами латинской азбуки, которая не имеет достаточного числа букв для выражения всех звуков славенского языка. Читая слова *мыть, яма, веять, иго,* превращенные в meyt, gama, wati, gho, узнать их можно, лишь употребив труд и внимание.

Каждое наречие при производстве из корня ветвей своим образом сокращает или растягивает слова, следует собственному своему соображению и сцеплению понятий.

• Изменение гласных: трость, *trest;* пепел, *popel;* порядок, *poradek;* иногда согласных: ось, *wos;* звезда, hwezda; нрав, *mraw;* хлыст, *klest.*

• Сокращением слов: молчаливость, mlcawost; волна, *wlna;* хохот, checht..

• Растяжением слов: хладеть, *chladnaut;* твердеть, *twrdnauti;* мыльня, *mytedlna;* сало, *sadlo;* дикий, *diwoky;* дичина, дичина, *diwocina.* Заметим, что в последнем случае не они, но мы выпуском буквы *в* затмили корень; ибо слово *дикий,* по старинному *дивий,* происходит от *диво,* и следовательно, из *дивокий* или *дивкий* (т.е. всему удивляющийся, ни к чему не привычный) сократилось в *дикий,* откуда слово *диковинка,* означающее больше *дивную,* чем *дикую* вещь.

• Переставкою букв: холм, *cylum;*пестр, *perset;* долг, dluh.

• Различными окончаниями: мужество, *muznost;* заседание, *zased;* падение, *pad* (хотя в сложных словах и мы говорим *водопад},* доказательство, *dokaz* или *dokazliwost.*

• Переменою предлогов: обвинять, *zawiniti;* сполна, *zaupolna;* вблизи, zblizka.

Мы говорим *мрак, мрачный,* и богемцы тоже *mrak,mracny;* но они в одинаковом смысле говорят *oblak, mracek* а мы говорим *облако,* не употребляя слова *мрачек.*

Мы говорим *трость,* и они тоже *trest;* но они произвели от сего имени глагол *trestati (тростати,* т.е. наказывать, бить тростью), а мы его не имеем. Они говорят *tresti hoden* (трости

годен) - наказания достоин, а для нас такое выражение дико, хотя и можем разуметь его.

Мы употребляем прилагательное *бодливый,* говоря только о животном, которое бодается рогами, а они под своим *bodliwy* разумеют *колючий,* поскольку *бодать* и *колоть* есть одно и то же действие. Мы говорим *штык* (ружья), а они *boden* (т.е. чем бодают). Мы говорим *точка,* а они *bodec.* Мы говорим *крапива,* а они*,bodlak* потому что трава сия колет, бодает.

Слово наше *хлеб* и у них *chleb;* но мы под именем *хлебник* разумеем того, кто печет хлебы, а они под своим *chlebnik* разумеют место, где хранятся хлебы; хлебника же называют *chlebinar.*

Мы говорим *пахнуть,* и они *тоже pachnuti;* но мы не называем худой запах *пахниною (pachnina).*

По-нашему *вор* или *тать,* а по их *kradar* (от *краду).*

По-нашему *глоток,* а по их *lok* (наше от *глотаю,* а *их от лакаю).*

По-нашему равнина, а по их *hladina(от гладкости).*

Мы о человеке весьма больном говорим *полумертвый,* а они *nedomrlec (недоумерший).*

По-нашему *жилище* или *обиталище,* а по их *bydlisste* (от глагола *быть).*

При сравнении одного наречия с другим примечаются два обстоятельства. **Первое, народ говорящий одним наречием, не может разуметь говорящего другим. По сей причине называем их языками: польский, сербский, чехский (богемский). Но второе, вникая в корни и производство слов сих наречий, видим, что все они составляют один и тот же славенский язык, различно употребляемый, но отнюдь не чуждый тому славянину, кто станет его не по навыку слушать, а разбирать по рассудку и смежности понятий.**

Ибо хотя мы не скажем вместо *сборное место – zbiradlo;* вместо *клятвопреступник - kriwopriseznic,* вместо *чрезвычайный - mimoradny,* однако знаем, что такое *сбирать, криво присягать, мимо ряду.* Следовательно, не учась богемскому наречию, можем по собственному языку понимать его.

Теперь, после сличения двух близких наречий, мы можем на том же основании обратиться и ко всем вообще языкам. Да не поскучит читатель вместе с нами вникнуть в примеры. Дело идет о том, чтобы освободить ум из-под сильной власти навыка и дать ему волю без ложных

внушений рассуждать здраво и правильно. Для того нужны ясные доказательства.

Корень один, ветви разные

Возьмем какое-нибудь слово за первообразное, например, славенский глагол *бить* и присовокупим к нему глаголы, то же самое значение имеющие на других языках, отделим корни от предлогов и окончаний.

слав. бить

англ. To beat или bat-ter

франц. Bat-tre

итал. Bat-tere

Все эти слова, по виду разные, но по корню и значению одинаковые, есть одно и то же слово, доставшееся этим четырем языкам от первобытного, всем им общего отца.

Русский	***Английский***	***Французский***	***Итальянский***
Битва, бой	*battle, combat, baiting*	*bataille, combat*	*battaglia, combattimtnto*
биться	*to combat*	*combattre*	*combattete*
боец, битец	*combatant*	*cobattant*	*combattente*
биение	*battering, beating*	*battement*	*battimento*

Когда корень один и тот же, то и ветви от него производимые, яко от единого понятия истекающие, должны иметь взаимную между собою связь и сходство. В чем состоит это сходство, и почему так далеко уходит от наших взоров, что при великой разности языков становится совсем неприметно?

Мы из своего *бить* произвели ветвь *битва,* англичанин, француз, немец сделали то же самое, а именно к корню *bat* приставили окончания *tle, aille, taglia.* Иногда через некоторую перемену этих наращений делаются две ветви одинакового значения: мы от своего *бить* произвели *битва* и *бой,* француз от своего *battre* тоже две, *battaile* и *combat;* составление последнего слова, хотя и различно с нашим, но не нарушает единства языков, поскольку частица *com* есть предлог, соответствующий нашему *со* или *с:* подобно тому, как мы бы вместо *битва, бой* говорили *со-битва, со-бой.* Пока нет никакой перемены в понятиях. Но так бывает не всегда. Итак, пойдем далее искать в единстве разности и в разности единства.

Ветви, производимые в разных языках от общего им корня, все сохраняют коренное понятие ненарушимо. Так например, мы от глагола *бить* произвели ветви *бич, бойница.* Но они не имели бы для нас никакого определенного значения, если бы остались только при

коренном понятии: мы знали бы только, что всеми сими вещами можно *бить,* но бить можно и палкою, камнем, рукою. Итак, для точного разумения каждую из них необходимо определить и, сверх того, употреблением утвердить, разумея под словом *бич* плеть, которой *бьют,* погоняют лошадей; под словом *бойница* место, обставленное пушками, из которых *бьют* приступающего неприятеля.

Часто иноязычные, от того же корня произведенные ветви употребляем мы вместо своих и отнимаем чрез то у собственных ветвей силу, омрачаясь навыком, будто чужеязычная ветвь, одна и та же с нашею, яснее и значительнее своей. Вместо *бойница* приучаемся говорить *батарея,* не рассуждая о том, что чужая *batterie* точно таким же образом произведена от их *battre,* как *бойница* от нашего единокоренного с ними глагола *бить* и означает ту же самую вещь: следовательно, **в одном и том же понятии не может быть ни большей ясности, ни большей значительности.**

Итак, ум человеческий обращается от коренного к ветвенному понятию; но сей переход не может быть у всех народов одинаков. В извлечении ветвей языки отчасти сходствуют, отчасти разнятся, отчасти один от другого далеко уклоняются. Француз, итальянец, англичанин от своих *battre, battere, beat* (бить) произвели слова (или лучше сказать слово) *baton, bastone, batoon* мы сие слово их выражаем ветвями от иных корней (палка, дубина); но между тем и от общего с ними корня имеем ветвь *батог,* тонкую палочку или прут, употребляемый для битья, нечто подобное их *baton.*

Но разность языков бывает гораздо больше. Например, французы от корня *battre* произвели ветвь *debat* точно таким же образом, каким мы от своего *бить* произвели слово *отбой* (ибо их предлог *de* соответствует нашему *от);* но их *debat* не значит наш *отбой,* а означает *спор.* Хотя мы *отбой* не употребляем в смысле *спор,* но судя по общему соображению, конечно, *спор* есть не что иное, как *отбой* или отпор, делаемый друг другу словами. Хотя и выражаем французскую ветвь иною ветвью *спор,* однако между действиями *биться* и *отбиваться* (откуда их *debat)* и *пратъ* или *препираться* (откуда наше *спор)* мало различия, поскольку оба сии действия представляют некоторого рода битву.

Главная в языках разность в том, что иной имеет тысячу ветвей, а другой из того же корня извлекает их не более десяти. Но и в сей разности должна быть **потаенная смежность понятий или связь мыслей.**

Ибо человек не иначе дает название вещи, как по какому-нибудь примеченному в ней свойству или качеству; и как одна и та же вещь может иметь разные качества, то часто и называется двумя или больше разнокоренными именами. Связь между ними только тогда можем примечать, когда известно будет коренное их значение. Это видим даже в одном и том же языке. Например, в одинаковом смысле говорим *орать* и *пахать.* Когда вникнем, что *орать* происходит от глагола *рыть*, а *пахать* от глагола *пхатъ,* и когда притом сообразим, что землю нельзя *иначе рытъ,* как *пханием* в нее какого-либо орудия, тогда увидим ясно, что *орать* и *пахать,* невзирая на происхождение от разных корней, заключают в себе смежное понятие.

Богемец вместо нашего *пощечина говорит pohlawek;* ибо удар по щеке или по голове есть почти одно и тоже. Наш огород называет он *zelnice;* ибо в огородах обыкновенно растет *зелие* или *зелень,* т.е.травы и овощи.

Француз говорит *le battant d*[1]*une cloche* (язык колокола). Несмотря на разность названий, мы удобно понимать можем: язык у колокола или висящий у дверей молоток француз потому называет *battant,* от глагола battre (по-нашему *биток,* от *бить),* что тем и другим *бьют,* одним в колокол, а другим в дверь, дабы живущие в доме услышали стук.

Француз наше слово *колокол* называет похожим cloche*,* немец тоже *glocke,* англичанин совсем не похожим *bell. Clo* и *glo* могут легко быть сокращением из *коло,* откуда могло произойти слово *колокол* потому ли, что он имеет круглое, подобное колесу или колу основание, или по *окольности,* т.е. окрестности раздающегося от него звука, или наконец потому, что в него *колотят* (кол о кол), бьют языком. Но откуда англичанин произвел совсем ни на кого не похожее *bell?* От глагола *to beat.* Под своим *bell* разумеет он такую вещь, в которую *бьют.* Мы от нашего *бить* произвели подобную ветвь, *било,* а именно повешенную доску, в которую бутошники *бьют* часы. Не видим ли здесь, что *dell* и *било* сближаются и происхождением, и звуком, и значением?

Дерево слов, стоящее на корне *КР, ГР, ХР*

Звуки, состоящие из букв *кр, гр, хр,* слышимые в преломлении сухих вещей, в ударении друг о друга твердых

тел, в воздушных трениях, в голосе животных, подали человеку повод к составлению из них слов, означающих разные гласы или шумы. Главное действие в звукоподражании природе производит буква ***р***. Мы приемлем *кр* или *хр* или *гр* за один и тот же корень по той причине, что согласные *к, г, х,* стоящие переду, все гортанные, и потому легко одна вместо другой произносятся. Мы говорим *хрусталь* и *кристалл, гаркать* и *каркать.*

Приступим к описанию дерева.

КОРА. В слове сем примечается тот же звук *кр;* ибо оболочка дерева, называемая корою, бывает в старых деревьях обыкновенно сухая, черствая, ломкая, и во время преломления издает сей звук, от которого название свое получила.

Неоспоримым доказательством служат названия *коры* на других языках, например, по-латински *cortex* и *crustum,* по-рагузински *korra* и *hrustaliza,* ясно показывающие сходство с нашими *хрустеть, хрупко, хрусталь,* а именно звукоподражание сухим преломляющимся вещам. Ум человеческий от понятия о шуме перешел к понятию о вещи, издающей его: от *кр* к *кора.* Однако различие в одном и том же колене может быть столь велико, что требует особого соображения. Например, находим три таковых слова: *кора, коришневый и коржаветъ.* Кажется, между ними нет никакой связи, но это не так. Человек, желая отличить от общего слова *кора* некоторого особого дерева *кору,* назвал ее уменьшительным именем *корица* и произвел название цвету ее *коришневый.* Чтобы отличить подобную же *кору* на каменьях, плодах, назвал ее другим уменьшительным именем *корка* (алмазная, лимонная, хлебная *корка).* Находя, что *кора* обыкновенно бывает жесткая, он вместо чтоб сказать: *она делается, подобно коре, жесткою* стал говорить *коржавеет* (отсюда *корж).*

СКОРА, ШКУРА. Человек, находя сходство между *корою* дерева и звериною кожей (ибо она также покрывает зверя и также может быть с него сдираема), для отличия от *кора,* прибавив букву, назвал ее *скора* или *шкура,* и произвел ветви *скорняк, скорнячить.*

СКОРЛУПА. Ясно, что слово составлено из *кора* или *скора и* глагола *лупить. Скоро лупится.*

КОЖА. Без сомнения, к тому же семейству принадлежит: *кора, скора, шкура, кожа* есть одно и то же, одинаковым образом покрывает тела растений и животных. Может быть (чему много можно найти примеров), буква *р*

выпущена из середины, так что вместо *коржа* стали говорить *кожа.* Глагол *коржаветъ* значит делаться *корою* или *кожею,* т.е. становиться жестким. Латинские слова имеют одинаковое с нашими происхождение: кора, *cortex; скора* или *шкура, scortum; скорняк* или *кожевник, coriaris; кожа, corium.* Их *corium,* происходя от *cortex,* сохранило коренную букву *r,* а наше *кожа* потеряло; но по всему ясно, что оно от сего же корня происходит.

`КОРЫСТЬ. Человек, приметя, что неприятели в сражениях, для хвастовства или прибыли своей, снимают с убитых соперников доспехи, оружие, одежду и обнажают их подобно тому, как обнажают дерево или зверя, сдирая с первого *кору,* или со второго *скору (шкуру),* назвал, по сходству, сии приобретения *корысть,* откуда произвел ветвь *корыстолюбие.*

КОРЕНЬ. Без всякого сомнения, произведено от слова *кора;* поскольку вещь, называемая *корнем,* есть не что иное, как та же самая *кора,* уходящая в землю и там пускающая от себя множество отраслей.

КРЫЖ. (Сначала *корыж, крест).* Без сомнения, произошло от слова *корень,* поскольку нигде не видим мы столько переплетшихся между собою и один через другой переходящих отраслей, как во всяком корне, пускающем от себя множество усиков, находящихся с ним в том *перекрестном* положении, которое разумеем мы под словом *крыж.*

КРЕСТ. Может быть, сначала *корест.* Слово, то же значащее, что и *крыж:,* без сомнения, оттого же подобия с *корнем* произведено.

КРЕСТЬЯНИН. Многие думают, что слово сие есть испорченное из *християнин;* но можно и от слова *крест* произвести его. Христос на *кресте* был распят, а потому понятия о Христе и *кресте* соединены тесно между собой, так что *крещение* означает уже - *христианина.*

КОРЗИНА. Происходит от слов *кора* или *корень,* поскольку из молодой коры или кореньев сплетается.

КОРОБ. Такой же сосуд, как и *корзина,* делающийся из тонкой *коры.*

КАРАБКАЮСЬ. Глагол произошел от имени *короб.* Видя, может быть, детей, взлезающих на короб или вылезающих из него, стали говорить *карабкаюсь, вскарабкаться, выкарабкаться,* позднее *карабкаться.*

КОРАБЛЬ. Нет сомнения, что корабль получил имя от *короб:* ибо он по образу своему действительно есть *короб,*

подобно ему имеющий согнутые бока и вмещающий в себя клад.

СКОРБЬ, страдание подобное тому, какое приключает *кора* или *корка,* когда гладят по ней рукой. Отсюда ветви *оскорбление, прискорбно.*

КОРЮ; *укоряю:* глагол тоже произведен от имени *кора,* которая всегда бывает не гладкая, уязвляющая. С приложением предлога вышло *покоряю,* где понятие о неприятности, т.е. *оскорблении* чувствительно; но когда мы говорим *ваш покорный слуга,* то в слове *покорный* коренная мысль совсем исчезает; ибо мы подразумеваем здесь не принужденную, а добровольную покорность, *покорение* из учтивости.

КАРАЮ, почти то же значит, что *корю,* т.е. наказываю, приключаю боль, как бы *корою* вожу или тру по чувствительному месту.

КРУШУ. *Кора* есть самая ломкая, самая хрупкая часть дерева; отсюда *крушу, крошу.*

КРУПА. Слово происходит от *хрупкость;* все раздробляющиеся тела *хрупки,* при ударении одного в другое или при *сокрушении* издают звук *кр* или *гр.*

КРОЮ, КРЫТЬ, со всеми своими ветвями: *закрыть, открыть, покрыть, крыша, покрывало, покровитель, сокровище.* Тоже происходит от слова *кора;* ибо смежность понятий весьма ощутительна.

Без сомнения, первые люди находили убежище под ветвями дерев, под кущами и шалашами, где древесные листья, а особливо *кора* служила им первою *корышею* (сокращенно *крышею* или *крышкою)* от непогод.

КРОВЬ. Откуда могло произойти название *кровь,* как не от глагола *крою!* Мысль о *скрытности, сокровенности* должна была породить сие слово в уме человеческом, поскольку он видел, что *кровь* всегда *сокрыта* под кожею, и не прежде появляется, как после разрезания кожи.

КОРМ. От слова *кора* произошли имена сосудов *корчаг, корец, корыто.* Поскольку в них хранилось съестное, это дало повод к произведению слова *корм* (подобно как от *пить* вышла *пища).*

КУРЮ. Произведен тоже от имени *кора,* поскольку она легче возгорается, нежели дерево. Дым от зажженной *коры* подал повод говорить *курится.* Ниже приведено слово *кур* из этого же семейства, значащее кривизну; ибо дым или *курение* всегда вьется вверх кривой чертой.

Корчить, крючить, крутить, кривить. Кора при плетении сгибается; она же, брошенная в огонь, сжимается; *корень* никогда не бывает прям, но всегда несколько согнут. Это дало повод произвести слова, означающие потерю прямизны.

КРУГ. *Кора,* яко окружающая всегда дерево, могла представить понятие о *круглости.*

КРУЖКА. Оттого, что всегда бывает *круглая.*

КРУЖЕВО. Оттого, что когда плетут его, то, перекидывая коклюшками, всегда делают *круг.*

КОРОЧУ, делаю коротким, укорачиваю, сокращаю. Происходит от того же уподобления с *корою.* Что значит *кручу,* как не *корочу,* или *укорачиваю!* Когда *крутят* (вьют) веревку или канат, волокна его уменьшаются в длине. Следовательно, *кручение* есть купно *и укорачивание.* Когда *кора,* брошенная в огонь, *корчится,* то она и *укорачивается.* Итак, ясно, что *короткость* или *краткость* точно так же происходит от этого корня.

КРОТОСТЬ. Непосредственно происходит от мысли *корочу.* Когда мы сблизим глаголы *укоротить* и *укротить,* то найдем в них великую смежность понятий. Мы говорим: *простер гнев свой,* разумея, что гнев можно было больше или меньше протянуть, продолжить; а потому уменьшение в силе (гнева) будет уменьшение в протяжении. Таким *образом укоротить* превращается в *укротить,* т.е. *укоротить,* уменьшить его.

КРОТ. Приметив, что он *короток* (зрением и телом) *и роет* землю, назвали его сложным именем *кроторый.*

КРАЙ. Могло произойти прямо от *кора* или *корка,* поскольку на всяком дереве *кора* или на всякой веши *корка* есть предел, конец. От него произошла *крома, кромка.*

КУР. Старинное славенское слово, из коего потом сделали *короток* или *краток.* (Французское *court,* итальянское *corto,* немецкое *kurz).* Корень подал повод к составлению слов, означающих короткость: *курносый, кургузый.* По смежности с понятием *кривизна, куролесить* значит говорить или делать что-либо худо, безрассудно, *криво,* как бы блуждая, ходить кругом по лесу.

КУРОК. Вероятно, по некоему сходству со стоящим на одной ноге петухом. (Ибо петух также называется *кур).* Сходство умножается и тем, что спускаемый *курок,* ударяясь, походит на клюющего носом *кура* или петуха. Впрочем, *курок* может происходить и от глагола *курю,* поскольку посредством его *воскуряется* или вспыхивает порох.

КРОМКА, *крома.* Без сомнения, от *край',* ибо почти то же значит. Отсюда *искромсать,* то есть безпорядочне резать, без разумения и надобности из целого куска делать многие *края.*

ЗАКРОМЫ, *закром.* Верхний край строения называется *кровля* или *кров,* а боковой (то есть стена) назывался *кром;* ибо под словом *закромы* разумеются глубокие ящики, которые для хранения хлебных зерен делаются внутри житницы по ее сторонам или *краям.* От слова *кром* (то есть ящик, делающийся при *крае* житницы), мы, по сходству укладки зерен в сем ящике, стали говорить *укромно, укромный.*

Отсюда же *тьма кромешная* значит самая *крайняя.* Наречием *кроме* мы как бы говорим: *за краем, вне края.*

СКРОМНЫЙ. От понятия *укромный* мы, уподобляя сие тихое и спокойное пребывание зерен в *крому* спокойству и тишине мыслей наших, легко уже могли перейти к понятию о *скромности,* то есть такой же в нас тишине и молчаливости, с какою в *кромах* (т.е. в сундуках, взаперти) лежат хранимые вещи.

КРЕПОСТЬ. Чем тверже тело, тем с большим стуком оно раздробляется. Слабейшие звуки тел более ломких, хрупких выражаем буквами *тр* (дерево *трещит), хр* (зерно под ногою *хрупнуло,* стекло раздавленное *захрустело).* Для гласов же сильнейших употребляем буквы *гр (гром, гремит,* эхо по лесу *грохочет).* Самых же твердейших тел звуки, при раздроблении их слышимые, изъявляем буквами *кр* (ударять *кремнем,* алмазная *корка,* камень *крушить).*

Буквы *кр* преимущественнее других служат к выражению гласов тел более твердых, раздробляемых, *сокрушаемых* на части, *крохи,* ударением молота или иною силою; а потому человек, приближась таким образом к понятию о твердости, легко мог из того же корня *кр* извлечь слово *крепкий.*

ГРЕМЛЮ. *Гром, гремушка, громко, разгромить.* Человек, услыша над головой воздушный глас или шум, назвал его звукоподражательно *грм* или *гором* или *гром* (первые два слова в других наречиях говорятся).

ГОРОХ. (По другим наречиям сокращенно *грох),* потому что *грохочет,* гремит.

ГОРЛО или ГОРТАНЬ. Оттого, что сей орган человеческий есть производитель всякого *грома,* шума, клика, и что буквы *гр,* посвященные изъявлению всяких шумов, *горлом* изъявляются, без всякого соучастия губ, языка и неба во рту. Отсюда говорим *горланит.*

ЖЕРЛО. Без сомнения, то же *горло,* измененное немного для отличения трубы в бездушном теле. Отсюда между двумя сими словами такое сходство, что они часто принимаются одно за другое. Ломоносов, говоря о пушечной пальбе, сказал: *гортани медные рыгают жар свирепый.*

ЖРУ. От слова *горло* произошло *жерло,* а от него глагол *жрать.* От *жру* одни ветви уклонились в низкое, а другие в высокое и священное знаменование. *Обжираюсь, обжора, прожорливый* (в презрительном смысле *глотаю,* ем много и с жадностью). От того же *жру,* в смысле *истребляю,* снедаю посредством огня (ибо говорим: огонь *пожирает)* произошли ветви *жертва* (иначе *всесожжение), жертвенник, жрец, жертвоприношение.*

ГОРА. Назвав *гром,* человек стал дальше соображать и рассуждать. С понятием о *громе* естественно соединялось понятие о высоте, поскольку *гром* всегда сверху слышится. Отсюда, увидя нечто отличной высоты, он тотчас (не по стуку, но по высокости) снес сию вещь со словом *гром* или *гором* и назвал *гора.*

ГОРОД *(град).* Без сомнения, от *гора;* ибо первые укрепления или строения делались на высоких местах, на горах, чтобы трудно было взойти неприятелям и удобнее от них обороняться. Взглянем на развалины древних крепостей, они все стояли на горах.

Название *город,* сокращенно *град,* произвело ветви, хотя и смежного, однако различного значения. От *город* произошли глаголы *городить, загородить, нагородить, огородить, перегородить,* и от них имена: *загородка, огород, перегородка, горожанин.* От *град: заградить, наградить, оградить, преградить,* и от них *награда, вознаграждение, ограда, преграда, гражданин.* Отсюда выходит, что простыми именами или глаголами простые только вещи объясняются, возвышенными же возвышенные или умственные, иносказательные. Например, хотя *перегородка* и *преграда* одно и то же значат, однако *поставить преграду злодейству* не есть *поставить в горнице перегородку.*

ГОРДОСТЬ. Без всякого сомнения, от уподобления с *горою;* потому что сословы *гордости* суть: *спесь, напыщение, высоковыйностъ, высокомерие.* Первое от *сопеть,* второе от *пыхтеть,* третье от *высоко носить шею или голову,* четвертое от *превозноситься, ставить себе высокую меру.* Из всех сих понятий явствует, что признаком гордости почитается, когдачеловек надувается, поднимает голову вверх, как бы хочет стать некою *горою,* выше всех возносящейся.

ГРУБЫЙ. Немецкое *grob.* От *гора,* поскольку осязанию великую неприятность причиняет негладкость, неровность, то есть *горами, горками, горбами* исполненное место. От чувственного осязания перешло к умственному понятию и сократясь из *горубостъ* в *грубость,* стало означать невежливость, неучтивость, то есть такую же во нраве черствость, какую осязаем, водя рукою или ходя ногами по неровному месту.

ГРЯДА. Тоже от *гора,* поскольку есть нарочно возвышаемое место.

ГРЯДУ. Глагол, без сомнения, от слова *гряда,* по причине дорожек, оставляемых между *грядами* для хождения вдоль них.

ГОРЮ, *гореть, горит.* Несомненно от имени *гора;* ибо он изъявляет пылание огня, а огонь по свойству своему пылает не иначе, как вверх, в высоту. Отсюда *горит* (пылает) значит *горит,* то есть возносится в гору, на высоту.

ГРЕЮ, *греть;* происходит от *горю, гореть;* ибо действие *греяния* происходит от *горения* огня; если мы говорим *шуба греет,* то уподобляем ее теплоту с теплотой или *горением* огня.

ГРЕБУ, тоже от слова *гора;* ибо что делается от *гребли* и *сгребания* вещей вместе? куча; а куча что иное, как не *гора!* Итак, *гребсти (горебсти)* есть *составлять гору.* Доказывается это еще и словом *сугроб,* который непосредственно происходит от *гребу,* и значит *гору,* то есть нанесенную кучу снега. Ветви сего колена сколь ни разнятся иногда значением своим, например *гроб* и *погреб,* однако сблизить сии два понятия нетрудно: *гроб* оттого, что его зарывают в землю (то есть *погребают). Погреб,* оттого, что в него ставят и зарывают в песок *(погребают)* бочки или что иное.

ГОРЕ. Происходит от понятия о высоте, представляющейся нам под словом *гора,* ветви которой часто употребляются для означения неба, как-то: *горние селения, горние силы* (вместо вышние, небесные); *воздеть руки горе* (то есть на небо). Человек во время беды и печали, взывая о помощи, всегда возносится мыслями в высоту, *простирает руки горе* (к небу, где полагает быть пребыванию Божию). Отсюда, для изъявления такого состояния души произошло колено ветвей *горе, горюю, горевать, горесть.*

ГОРЬКИЙ, *горько, горечь,* есть малое весьма в понятии уклонение от слова *горе,* так что мы тогда только различаем его, когда говорим *горький хрен, горькая редька.* Когда же говорим о вещах умственных, то не чувствуем никакой

разности. Например, *горькая жизнь, горькая участь* есть то же, что *горестная.*

ГОРЧИЦА, потому что имеет в себе *горечь.*

ГРУСТЬ, оттуда же, откуда и *горе. Горустить (грустить)* есть то же, что *горевать.*

ГРЕХ, *грешу, грешить.* Показывает также следы происхождения своего от *гора.* Мы уже видели, что под словом *горний* часто разумеем мы Бога и Небеса *(горний Царь, горние силы).* Слово же *грех* означает именно вину пред Творцом небесным. О человеке говорим мы: *я виноват пред ним;* но в отношении к Богу не употребляем слова *виноват,* а говорим: *согрешил пред Богом.* Итак, ясно, что *грех* (вероятно, сокращение из *горех),* яко вина пред *горним Владыкою,* должен происхождение свое иметь от сего же самого понятия. Сверх того, *грех,* будучи виною пред *горним,* есть для раскаивающегося в нем, купно и *горе,* и *горькость,* и *грусть,* и *горесть.* Все сии понятия, из одного корня истекшие, кажутся изображены в слове *грех.*

ХРУСТАЛЬ или КРИСТАЛЛ. От *хрустеть,* звука, слышимого от раздавливания какой-нибудь ломкой вещи. *Хрусталь не* иностранное слово, несмотря на то, что на иностранных языках оно точно так же называется. В собственном нашем языке имеет слово сие первоначальный свой корень.

ХРАБРОСТЬ. Хотя смысл слова сего и кажется далеко отступившим от первоначального понятия, однако по всему явствует, что слово *храбрость* произошло от глагола *храпать, храпеть.* Человек *храпит* во сне, отсюда *храпок.* Выражение *взять нахрапдк, нахрапом* значит взять насильно, отнять, употребив на то смелость, *храбрость,* угрозы. Слово *храпство,* изменяясь в *храбство,* перешло от означения звука или голоса к означению самих чувств, приведенных в состояние разгорячения, возбуждения, и стало выражать смелость, отважность, решительность в опасностях.

Кривой суд невежд

Лафонтен между своими единоземцами безсмертен. Сумароков час от часу становится неизвестнее. Хорошее ободрение трудиться для потомства! Скажут: сие оттого, что достоинства их весьма различны. Сказать можно, мы это от многих умниц слышим, но не видим доказательств. **В словесности нужен разбор: тому, кто просто кричит, не**

надобно верить. А того, кто доказывает, должно выслушивать без всякого о самом себе и о нем предубеждения. Тогда школьник, не станет с гордостью уничижать Ломоносова и величать Пустозвякова.

Итак, Сумароков:

Когда снежок не тает,
Ребята из него шары катают...
Шар больше становится;
Шарочик их шарищем появится.
Да кто ж
На шар похож?
Ложь.
Что больше бродит,
То больше в цену входит:
Снежной шаришка будет шар,
А изо лжи товаришка товар.

Уподобление возрастания лжи снежному шару есть самое лучшее, какое придумать можно, и притом настоящее русское, напоминающее нам о зимних забавах ребятишек. *Шарочик, шарище* не скажешь ни на одном языке, не имеющем умалительных и уменьшительных имен. *Бродит* весьма ярко изображает скитание лжи из дома в дом, -из уст в уста. Но продолжим:

Ах! Ах! Жена, меня околдовали,
Кричит муж лежачи жене,
Я снес яйцо? - Никак ты видел то во сне?
Такие чудеса на свете не бывали. -
Я снес яйцо: ах, жонушка моя!
Уж я
Не муж твой, курица твоя.
Не молви этого с соседкой,
Ты знаешь, назовут меня еще наседкой.

Противоположение мужа с курицей, которого в лафонтеновых стихах на ту же тему нет, делает слог веселым и забавным.

Противно то уму,
Чтоб я сказала то кому!
Однако скажет;
Болтливой бабе черт языка не привяжет.
Сказала ей,
А та соседушке своей.

Вот настоящее существо басни, у Лафонтена многими излишностями растянутое.

Ложь ходит завсегда с прибавкой в міре:
Яйцо, два, три, четыре,
И стало под вечер пятьсот яиц.

Назавтра множество к уроду
Сбирается народу,
И незнакомых лиц.
Зачем валит народ? Валит купить яиц.

Какая вместе и смешная, и огромная картина!

Нынешние оценщики писателей, не зная и не читая никогда отечественных сочинений, или по одной наслышке, часто говорят о них с таким безстыдным неуважением! Сей кривой суд сообщается иностранцам, и те, по собственным нашим свидетельствам, уверяют всех и нас самих, что мы дикари, невежды, и с тех пор только начали немного просвещаться, как стали обрабатывать язык наш по свойствам французского. Вот отчего в красноречии священных наших книг, писанных задолго до *просвещения,* таких как Псалтирь, молитвенники, Четьи-минеи, Камень веры, не находим уже мы силы языка. Отчего Феофанов, не уступающих Демосфенам, не знаем и не читаем. Отчего разделяем язык свой на славенский и русский, из коих первым пренебрегаем, а второй называем только тот хорошим, который, по причине искажения чужими словами и оборотами, стал сам на себя не похож.

Отчего славившиеся некогда писатели наши, Ломоносовы, Кантемиры, Сумароковы, Херасковы выключены из списка так называемых *гениев,* которые, влюбясь в какую-нибудь романтическую безсмысленность, не терпят в сочинениях ни здравого рассудка, ни ясности мыслей, называя их устарелыми, вялыми, обыкновенными.

Прежние писатели наши не пренебрегали славенским языком: ни уничижали ни его, ни предшественников своих; напротив, они почерпали в нем силу и красоту.

Прочитав, например, в притчах Соломоновых: *мною Царие царствуют и сильный пишут правду,* они теми же словами и выражениями украшали свои стихи:

Цветут во славе Мною царства,
И пишут правый суд цари.

Они когда читали *Егда творяше Небо, с ним бех,* то не пугались слов *егда, бех, творяше,* не кричали: *мы так не говорим!; но* прельщаясь красотою мыслей, старались выражать их вместе употребительными и возвышенными словами:

Господь творения начало
Премудростию положил;
При мне впервые воссияло
На тверди множество светил;
И в недрах неизмерной бездны
Назначил словом беги звездны.
Со мною солнце он возжег,
В стихиях прекратил раздоры,

Унизил дол, возвысил горы,
И предписал пучине брег.

Когда я читаю следующее в стихах воззвание к Богу:

Тобой твои все твари полны,
И жизнь их всех в Твоих руках;
Песком ты держишь яры волны,
Связуешь воду в облаках,
И море обращаешь в сушу,
И видишь тайная сердец,

то нахожу, что взятое из речи Иова *Связуяй воду на облацех своих* весьма хорошо заимствовано. Ибо когда говорится о делах Божиих, тогда чем больше в
выражении представляется невозможности, тем живее и сильнее изображает оно власть Бога, которому нет ничего невозможного.

Чем слабее в слове *песок* кажется нам преграда против *ярости волн,* тем больше поражается воображение наше; ибо в самом деле видим, что песчаные берега полагают морям предел, *его же не прейдут.* Равным образом ничего, кажется, нет невозможнее, как *связать воду;* но между тем она, подлинно как бы связанная в тучах, носится над нами, доколе превращенная в дождь, не польется на землю. Стихи, изображающие могущество Божие:

Тебя дела Твои достойны!
Одним любви своим лучем
Из тмы извлек Ты солнцы стройны,
Повесил землю на ничем,

почерпнуты также из Иова: *повеишяй землю на ничем же.* Нельзя не заметить в них отличной мысли: человек вешает что-нибудь на чем-нибудь; но тот, кто мог *одним любви своей лучем извлечь из тьмы солнцы стройны,* тот Один мог *повесить землю на ничем.* Он повелел сей громаде стать в пространстве света, и она стала.

А вот царь молит Бога о победе над врагом:

Рассыпь народ, хотящий брани
Дхновеньем духа твоего.
.. .И молниями возблистай,
И землю ополчи и воды,
И двигни на врагов природы,
И дерзость силы их растай!

Великое движение духа и пылкость молитвы почерпнуты из книг Священного Писания, неиссякаемого источника красноречия, равно как и речение: *дерзость силы их - растай.* Никакое другое слово не может быть столь сильно. Скажем *разрушь, истреби, низложи, уничтожь;* все эти глаголы обезсилят стих. *Горы тают,* говорит Священное Писание. Богу

довольно прогневаться, дабы от огня гнева его, без всякого другого действия, всякая сила и крепость мгновенно *таяла,* исчезала.

Мнение, что славенские наши книги не могут нынешним нашим сочинениям служить образцами, есть мнение весьма неосновательное, отводящее от силы языка и красноречия. Могут ли весьма немногие вышедшие из употребления слова и некоторые малые в слоге перемены затмевать все прочие красоты мыслей и выражений? Бросает ли кто кусок золота из-за нескольких смешанных с ним, не столь ценных частиц?

Приведу отрывок из забытых и совсем истребившихся проповедей архимандрита Димитрия Сеченого, малые остатки которых случайно попались мне в изорванных без конца и начала листках.

Славословя Матерь Божию, он говорит: ***О той ли молчати, которую все племена прославляют? Где только вера православная проповедуется, тамо и имя Мариино славится: прославляет помощь Ее Греция, величает силу ее Аравия, простирает к ней руку свою Эфиопия, хвалят болгары, возносят сербы, Молдавия благодарит, Иверия ублажает, и всякая верная душа, в особенности милость ее дознавши, благохвалит. Россия ли умолчит, иде же паче, яко в православии, величия и чудеса ее дознаются? Да не будет!***

В какую риторику не годится сей пример красноречия? А особливо в русскую, где не только смысл и сила всякого выражения, но даже и благоприятное размещение слов составляет некоторое украшение для заключающегося в них разума, без чего теряет он нечто от своего достоинства. Перемени слова или оставь один глагол *хвалят;* смысл был бы тот же, но куда девалась бы плавность и красота слога: *хвалят, возносят, благодарят, ублажают!*

Но приведем еще пример из его же слова: ***Как нам за толикое благодеяние на торжество сие не стекатися? Как ко благодарению и молитве не спешитися? Сей то ныне радостный день, день преславный, день приснопамятный, умолчим ли? Камение возопиют! Оставим ли? Древеса не человецы будем!***

Какими умствованиями докажем, что коли не употребляем ныне слов *присно, лепота, воня,* то уже не должны упоминать и *приснопамятный, великолепный, благовонный!* Но так лишимся мы всего богатства и важности своего языка. Не странно ли из-за малых изменений, таких, как *иоеже* вместо *где же, человецы* вместо человека,

разделять язык от языка; называть один славенским, а другой русским; кричать, что на первом из них ничего не было написано; смеяться над теми, кто почерпаемою из него силою украшали свои сочинениями хотеть под именем русского произвесть новый, который бы состоял из одного просторечия, располагаемого по складу французского языка, совершенно свойствами своими с нашим различного?

Неужели подлинно принять нам за правило сие премудрое наставление: **мы хотим писать, как говорим?** Да что писать? Шуточки, сказочки, песенки. Не спорю. Но разве нет у нас среднего и высокого слога? Неужели распространить сие правило и на все важные сочинения? Тогда мы ничего путного иметь не будем.

Не слышим ли мы некоторых мелких журналистов, мечтающих, что они *критиками* своими, состоящими в нелепых толках и дерзких бранях, поправили язык, очистили слог и научили вкусу? Так комар, сидя на спине лошади, которая везла тяжелый воз, слетел с нее и думал, что ежели бы он сего не сделал, то лошадь упала бы под бременем.

Ум не всегда ограждает нас от заблуждений, он часто сам временным безумиям своим удивляется. Ничто не приносит столько вреда языку и словесности, как распространение ложного мнения, что прежний язык наш был худ, труден для простого слога, и что потому надлежит истребить из него все важные славенские слова, и везде заменять их обыкновенными, простыми, которые называют они русскими. Мнение сие, как ни ложно, однако ж имеет некоторое основание; ибо, действительно, потребно немалое знание для употребления слов, не только по точности их смысла, но сверх того, по важности или простоте, им свойственной. Оно требует от писателя великого искусства и прилежного чтения старинных книг, в которые редко заглядывают, и даже стараются вводить их в презрение.

Отсюда происходит, что слог новейших писателей часто подобен бывает городу, в котором между французскими и немецкими домиками стоят иногда готические здания, иногда крестьянские избы. Должно ли писателям таким верить и почитать их законодателями в языке?

Ежели мы сего приличия слов разбирать не станем, то со всею своею *эстетикой* и *филологией* и прочими *филами* и *логиями* далеко отстанем от наших предков, которые хотя и мало или совсем не упражнялись в светских сочинениях, однако ж в духовных витийствовали, гремели, возносились высоко мыслями и вместе с правильностью слога знали, где

говорить *ладонь, правая рука, огонь, сегодня,* и где *длань, десница, огнь, днесь.* Они не называли сих слов славенскими, неупотребительными, не вооружались против них, не говорили, что их надобно истреблять, выкидывать из языка.

Столь странная мысль, чтоб **под предлогом очищения языка забыть лучшую великолепнейшую его часть,** единственно для того, дабы русским языком говорить по-французски, никогда не приходила им в голову.

Наследственная отрава
Мысли о вере и воспитании

Кто в законе, в гражданских делах, в любви, в дружбе управляет людьми нынешнего времени? Корысть, навык, подличанье, жеманство, самолюбие, под тысячами личин. Мы называем это *просвещением.* Но скоро можно приметить, что под сею корою льда кипят зловреднейшие страсти, подобно некоторым покрытым снегом горам, внутри которых дышит свирепый пламень.

Общество истощило все свои семена, подобно пустопорожним полям, которые в первые времена были весьма плодоносны, а теперь не производят ничего, кроме худой травы и безсочных плодов: так и род человеческий, обработал все тучные и плодовитые нивы ума, приближается теперь к растущему на глине *просвещению.* Приходится ему худощаветь в этой засухе до тех пор, пока, лжеумствуя и разрушая ученым образом естественный порядок, не наткнется на одно из тех коловращений, в которых никто, кроме Бога, помочь не сможет...

Человек без веры есть корабль без компаса. Страсть кидает его, как буря; и даже когда буря пройдет, он не может войти в пристанище: остается погибать.

Слава тебе, русский язык, что не имеешь слова *революция* и даже равнозначащего ему! Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно!

В наши дни между врагами веры возгорелось ужасное соревнование; они, кажется, будто спорят о чести, кто нанесет ей больше язвительных и тяжких ударов. Ежели не преследуют ее с оружием в руках, то жадничают гнусной славы погасить ее в умах народных.

Злочестие письменное, резное, живописное, распеваемое, обтекает наши области, является жителям городов и сел, говорит очам, ушам великого множества невежд понятным им языком.

Ум писателя, не утвержденный на корне языка своего, подобен древу, посаженному без корня в землю.

Неблагодарность и скупость меньше ли от того постыдны и презрительны, что в законах нет за них наказания? Распутство почитается ли невинным, потому что не отдают его под суд; или должно ли на позорных игрищах оправдывать соблазнительные похабства под тем предлогом, что театры терпятся?

Все делается для тела, но что же делается для души? Сия нравственная чума, заражающая умы, истребляющая жизненные соки общества; распускание ядовитых писателей, злочестивых книг не только не пугает нас, но находит почти равнодушными, и мы не боимся, что общественное тело, напитанное ядами, по истощении в судорогах оставшейся силы своей, истлеет и, сгнившее, падет.

Отцы и матери, трепещите своей безпечности, трепещите сделаться сообщниками злочестия! Вы, конечно, вырвали бы из детских рук ядовитую чашу - и оставляете пред их очами книги, могущие развратить разум и сердце, тщательно сохраняете в домах нечестивые сочинения, наследственную отраву, переходящую из рода в род.

Неблагоразумны и дерзки те, кто позволяют себе читать опровергающие веру книги, под предлогом своей в ней твердости. Мы вместе слабые и гордые, безпечные и любопытные, должны остерегаться тайных расположений своего сердца. Наша леность охотно свергает с себя иго поучений.

Утонченные вымыслы ослепят ложным блеском, нападут на ваш разум, затмят его. Бойтесь, чтоб вкуся от запрещенного плода, не были вы еще строже наказаны за ваше любопытство, и чтоб начав отсутствием ума, не кончили вы отступлением от веры. Но, положим, она и не погаснет в вас, однако лишится жара и будет только бледный свет.

Силу души составляет уверенность. Человек сомневающийся не способен ни к чему; когда он колеблется, то до половины уже побежден, и поступки его столь же слабы, как и мысли, дела-столь же вялы, как и вера. И если

древо не засохло в корне, по крайней мере, потеряло оно свою плодовитость.

Христианство любит ясный свет: оно не стыдится ни начала своего, ни распространения, ни поучений, ни побед своих; пороки многих последователей не очерняют его, равно как испарения земные не очерняют солнечных лучей.

Ни в какое время не было столько развращенных молодых людей, как в наши дни; но не было и столько между юношами благомыслящих и великодушных христиан. Из давнего времени возрастала сильная распря между правдою и ложью, между христианством и безверием, между властью и непокорством. Добро и зло предстоят друг другу; зло с крайней яростью, добро с мужеством: кто победит? Не сомневайтесь: Иисус Христос и его верные последователи. Нет, не погибнет вера. Она восторжествует над прошедшими и нынешними оскорбителями своими, над пером лжеумствователей и железом палачей.

В нашем народе никогда не было иных книг, кроме насаждающих благонравие, иных нравов, кроме благочестивых, уважающих гостеприимство, родство, целомудрие, кротость и все христианские добродетели.

Ныне в нравах наших примечается порча или отступление от коренных правил честности. Зараза сия пришла к нам из Франции, от обманчивого народа, нечистая и гнилая внутренность которого прикрыта блестящей наружностью.

Зараза сделалась весьма сильной и общей. Когда мы наружностью своей столь стараемся быть на них похожими, то может ли внутренность наша остаться неповрежденною?

Признавать Бога без Промысла есть грубая несообразность; это значит делать Бога Царем без подданных, владыкою без власти, отца без любви к детям, законодателя без намерения и мудрости, оставляющего дела свои и законы игре случая.

Насекомые в словесности. Говорить или мычать?

Не могу, имея русское сердце, без крайнего сожаления слышать, будто новейшие писатели наши, *не найдя ничего путного прежде себя, сделали в преобразовании языка геркулесовский подвиг.* Что значит *преобразование языка?*

Спросим у нынешних господ судей, называющих себя *просвещенными любителями словесности,* а других *закоснелыми невеждами.* Писатели отличные, ученые, знаменитые научаются в языке узнавать и взвешивать значение каждого слова, каждого выражения, чтобы объясняться на нем правильно, кратко, понятно, сильно, красноречиво. Ломоносов, Державин, Херасков писали разные сочинения, но язык у них один и тот же; даже нередко случается, что сильнейший из них воображением уступает в чистоте и правильности языка слабейшему. Как же назвать их преобразователями языка, и какая вышла бы смесь, ежели бы сегодняшние писатели стали преобразовывать язык вчерашних, а завтрашние сегодняшних?

Если преобразование состоит в том, чтоб, следуя так называемой романтической поэзии, возноситься мечтательным воображением выше разума и здравого рассудка. Или чтоб по сентиментальности удаляться от чувств природы; или чтоб для мнимой краткости, выкидывая из выражений нужные глаголы, делаться невразумительным. Или чтоб в размещении слов следовать не свойству своего, но свойству чуждого, не сродного с ним языка; или чтоб в угождение слуху всякую легкость и гладкость состава слов, как бы он ни был безсмыслен, предпочитать разуму. Или чтоб смешивать высокий слог с простым; или чтоб выводить из употребления возвышенные, увеличительные и уменьшительные слова, составляющие богатство нашего языка, и заменять их, иногда чужеязычными, иногда нововыдуманными без вдякого думанья словами... **Если в этом состоит преобразование языка,** то название справедливо; оно подлинно дает ему **иной образ,** иной вид.

После слов: *я вижу везде порядок* нет надобности толковать их, они сами по себе ясны. Но после слов: *я вижу везде отпечаток порядка,* или еще *отпечаток спокойствия,* надобно ломать голову, чтоб добраться до смысла. Выражение сие переведено с французского. Когда мы *порядок* или *спокойствие* представим печатью, и им, как бы печатью, тиснем (будто по сургучу), то от него останется *отпечаток.* Трудное и нимало не нужное усилие мыслей, чтобы выразить самое простое понятие о существовании порядка! (Добавим сюда же современное *отделение связи:* сначала *отделим,* а потом *свяжем!-Изд.).*

Прежние писатели никогда не употребляли слова *несчастливец,* а нынешние весьма часто. Посмотрим, .кто

прав. В прилагательных окончание *ый* переменяется на *ец,* когда хотим кого похулить или похвалить больше обыкновенного. Например, когда к именам, означающим пороки: *лукавый, наглый, гордый, скупой,* хотим присовокупить еще больше хулы и презрения, тогда говорим: *лукавец! наглец! гордец! скупец!* (подразумевая всегда, *какой).* То же и в именах, означающих добрые качества, вместо *умный, красивый, молодой,* говорим *умница! красавец! молодец.* Язык наш, богатый такими отличиями, выражает их и другими окончаниями: *весельчак, смельчак* вместо *веселый, смелый; гуляка* (вместо любящий гулять), *зевака;* или *плутишко, воришко* (вместо бранчливых *плут, вор).*

Когда я прилагательное *счастливый* превращаю в *счастливец,* то по свойству языка, как бы завидую такому человеку; но могу ли я ту же самую мысль иметь о *несчастном!* А если не могу, то как называю его *несчастливцем!* Что будет с языком и разумом, когда мы вместо: какой молодец! какой смельчак! какой плутишко! станем говорить: какой немолодец! какой несмельчак! какой неплутишко!

Прежние писатели не знали слова *гений,* но зато никого и не жаловали в сей знаменитый парнасский чин. Ныне принято оно в смысле природной остроты превосходного ума; но по злоупотреблению дается иногда весьма посредственным и даже худым писателям. Кто воспретит одному называть сим именем другого, подобного себе? Некий знаменитый писатель, исчисляя многих, названных *гениями,* просил увольнения стоять с ними в одном списке. У нас вошло оно в такое употребление, что скоро и между четвероногими будут гении. Мы даже спрягаем сие слово: *я имею гения, ты имеешь гения.* Кто не умеет слова сего употреблять грамматически, тот кого не пожалует в гении? А пожаловав и рассердясь на него, для чего после не разжаловать?

Прежние писатели не выпускали из речи нужных слов, без которых она становится не имеющей никакого смысла. Прочитав стихи:

Перводержавную
Русь православную
Боже храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Все ж недостойное
Прочь отжени!

сказали бы: прекрасные стихи! Но для чего вместо

Царство ей стройное,
В силе спокойное,

не сказать:

Царство ей стройное
Даруй спокойное?

Тогда бы смысл был ясен. Из каких грамматик или чужеземных писателей почерпнуто никакому языку не сродное, многими ныне перенимаемое правило, чтоб выпуская из речи нужные глаголы, предпочитать ясности невразумительность? Плутарх справедливо сказал: *Речь без глагола не естъречъ, но мычание.* Мы, например, можем полную речь *Бог да поможет тебе* сказать и трудящемуся в поле земледельцу, и лежащему на одре больному; но сокращая ту же самую речь в выражение *Бог помочь!* можем это сказать только земледельцу, а не больному. Делать из частных свойств общие правила, ставя вместо слов так называемые тире (черточки) есть не исправлять, а портить язык. Прежние писатели не знали тире, а ныне они расплодились до безконечности.

Мы не находим в старых книгах ни *скромных* каменьев, ни *душистой* тени, ни *перелетных* ветерков, потому что каменья никогда не бывают *болтливыми,* тень не имеет никакого *духа* или запаха, из южных стран в северные и обратно перелетают только птицы. Если б спросили у прежних писателей, говорили ль вы *святой* полдень, *святые* травы, называли ль вы лес, гору и тому подобное *родными.* Нет, сказали бы они, мы называли так отца, мать, братьев или что-нибудь важное, например, страну (вместо отечество), как некто сказал:

В стране моей родной
Журналов тысячи, а книги не одной.

Если б спросить у них, а не писали ль вы: *дозваться ответа бытия,* или *воздвигся в силе крепости своей,* или *барды пения!* Нет, сказали бы они, мы не располагали языка своего по чужим наречиям, не залетали разумом выше ума, не называли земледельцев *мужики пахания, пономарей люди звонения.* Нет! Мы подобных новостей в язык свой не вводили.

Ежели у них спросить, а говорили ль вы: *я видел его играть, или сын мой делает зубы,* они б с нетерпеливостью отвечали: нет! нет! нет! Любя язык свой, мы не хотим более слушать таких вопросов.

Некий издатель итальянских классиков написал: "Писатели, достойно прославляемые, не впадали ни в

чужеземное новословие, ни в *философфство энциклопедическое,* ни *в смешение родов. Прочие* не иное что суть, как насекомые в словесности". Нечто подобное сказал бы он, наверное, и о тех преобразователях нашей словесности, которые, презирая все вековые труды своих предшественников и учась русскому языку у Шлегелей, Шиллеров, Радклифов, Вальтер-Скоттов, хотят по высокому уважению своему к *романтизму, неологизму, галлицизму* и прочим *измам* переделывать его каждый по-своему. Но правда сильна. Я думаю, когда мы возвратимся к истинному познанию языка, то пройдет и наше отвращение от старобытного здравоумия. И сия зараза воспарять новым языком выше разума улетит от нас *на мягкоперых крыльях перелетных ветерков* туда, откуда незваная к ним прилетела.

Вместо послесловия.

Критик. Одни только писатели, заслужившие доверенность творениями своими, могут производить слова; но *они не занимаются тем, они богаты мыслями.*

Сочинитель. Суждение весьма несправедливое. **Не занимаясь словами,** то есть не рассуждая о них, **никто не может быть богат мыслями.** Мысль ясна и речь красна словами.

Дерево слов, стоящее на корне *ТР*

ТРЕПЕЩУ. Глагол *трепетать* значит легким, нежным образом *трястись:* сердце *трепещет* (то есть *трясется* от страха или радости); рыба *трепещет* (то есть *трясется,* содрогается от мучений без воды); лист на дереве *трепещет* (то есть *трясется* от веяния ветра).
Итак, *трясение* и *трепетание* имеют один корень, равно как и *трепание;* ибо между глаголами *трепать* и *трепетать* разность состоит только в том, что *трепание* производит в вещи *трепетание* или потрясение.

ТЕРПЛЮ. Сличая глаголы *треплю* и *терплю,* мы видим в них разность в одной только перестановке букв *ре* в *ер,* сделанную, по-видимому, для различения действия с его следствием: ибо *треплемое, трясомое, теребимое, терзаемое,* без сомнения, *терпит.* Итак, *терпение* есть такое же следствие сих действий, как и *страдание.*

ТЕРПКИЙ. Означает весьма кислый вкус, какой бывает в незрелых плодах; а потому, вероятно, слово произошло от той мысли, что неприятно во рту, щиплет язык, заставляет его *терпеть.*

СТРАХ. Глагол *трясу* произвел ветви *тряхнуть, стряхнуться* или *встряхнуться,* значащие то же, что *содрогнуться;* посему ежели от глагола *стряхнуться* произвести существительное, подобно как *зов* от *звать* или *ков* от *ковать,* то оно было бы *стрях,* то есть *сотрясение* или *потрясение.* Но что же иное *страх,* как не *сотрясение* души? Итак, очевидно, что из *стрях* сделалось *страх.*

СТРАСТЬ. Понятие о *страсти* произошло от понятия о *страхе,* поскольку оба сии чувства соединены неразрывно. *Страх* есть *потрясение* спокойствия душевного и *страсть* тоже. Чувствования *страсти* не может быть без некоего чувствования *страха; ибо* всегда опасаешься лишиться той вещи, которую чрезмерно любишь. *Страх* и *страсть* суть два *потрясения* или два *трепетания* душевные, вместе соединенные, одно от желания иметь любимую вещь, другое от боязни лишиться или не получить ее. И то, и другое состояние, или лучше сказать, оба вместе, изъявляются ветвью *страдание.*

Когда мы говорим *душа дрожит,* или *трясется,* или *трепещет* (разумея, что спокойное, естественное состояние ее чем-нибудь разрушено), то не довольствуясь одним понятием о *трепетании,* хотим знать, от какой причины или чувства оно происходит: от сильного ли желания, или от боязни, или от претерпевания боли, мучения, печали. Первое *сотрясение называем страсть,* второе *страх,* третье *страдание.*

Мы написали здесь *боязнь* вместо *страх,* дабы иметь случай вопросить, почему они, хоть и от разных корней, одно и то же значат? Потому, что от одной и той же мысли происходят. Мы видели, что *страх* есть не что, иное как *стрях, сотрясение* или, так сказать, *встряхивание* сердца. Но откуда глагол *боюся1 Бой* есть то же что *биение;* частица *ся* есть сокращенное местоимение *себя.* Следовательно, *боюся* есть *себя бью* или *бьюсь.* Но *биться* не то же ли, что *трястись, встряхиваться, трепетать!* Не говорим ли мы: рыба *бьется* или *трепещет,* птичка *бьется* или *трепещет,* сердце *бьется* или *трепещет,* принимая за одно и то же.

Когда говорим: ребенок избаловался, надо *дать ему острастку,* тогда *острастку* производим от слова *страх.* Но когда скажем: *надо пристрастить его к учению* (т.е. вселить в

него желание, склонность, охоту), тогда *пристрастить* производим от *страсть.* И как *страсть* есть состояние души *потрясенной,* взволнованной, то и приемлется иногда за *страдание.*

В таком смысле говорится: *страсти Христовы* (т.е. страдания, Им претерпенные), *страстная неделя.*

Такие двузначения слов и принятие их одно за другое не есть недостаток в языке или погрешительное смешение понятий, но естественное самой природе последование, из ее источников текущее и нимало не затрудняющее того, кто язык свой хорошо знает.

ТОРОПЛЮ, *торопить* означает поспешность, а всякая поспешность сопряжена с некоторым безпокойством, с некоторым внешним и внутренним движением, подобно *трепетанию* крыл или сердца. Доказывается то словом *оторопеть,* которое значит испугаться, почувствовать страх, а страх есть не что иное, как *потрясение, трепетание* души.

ТРОПА. Очевидно от *тру,* поскольку есть *натертая,* протоптанная стезя, дорожка.

ТЕРЕБЛЮ. Действие *теребления* есть купно и действие *трения, трясения, трепания, терзания, тормошения,* без коих не может оно совершаться; ибо ничто *теребимое* не может быть в покое. Отсюда одного и того же колена ветви: *тереблю, истребляю, употребляю,* хотя кажутся весьма различны смыслом, однако коренное значение имеют одинаковое; ибо каждый из них показывает присутствие движения, а с движением неразрывно связано *трение.*

ТРЕБУЮ. Очевидное следствие *тереблю.* Ибо *теребить* значит тянуть, тащить, извлекать что-нибудь из чего-нибудь; но и *требовать* значит то же. Вся разность состоит в том, что одно делается руками, а другое словами.

ТЕРЯЮ. От понятия о *трении.* Вещь, положенная в суму или в мешок или в карман, по большей части не иначе, как чрез *протертые* его теряется. Сравните выражения: *вещь потерялась* и *вещь пропала,* они значат одно и то же. Но *пропасть* по составу значит *пасть сквозь что-нибудь (протертое* место). Сверх того, глаГ(блы *вытер, стер,* означающие, что не стало более того, что прежде было, могли также способствовать к переходу понятий из *тереть* в *терять.*

ТРУД *трудиться, трудно.* Без сомнения, есть распространенное значение глагола *тру.* Человек трудится, когда *трет;* трудится, когда катит (например, камень); трудится, когда копает (например, землю). Но во всех

действиях глагол *тру* соучаствует, поскольку ни одно из них без некоего *трения* не совершается. Притом действие, означаемое словом *трение,* есть сильнейшее и величайшее в природе: оно сопряжено с движением всех тел. Ум, составлявший язык, приметил сие.

В славенском языке такое производство слов, основанное на истинном познании вещей и глубоком рассуждении, всегда примечается.

ТОРИТЬ. В песне поется: *не прокладывай следов, дороженьки не тори,* то есть не три, не натирай, не натаптывай. Хоть *тори* есть то же, *что три,* однако ветви каждое слово пускает особые: от *тру тертый калач, натереть; от торю торная дорога, натореть.* И хотя *натореть* то же значит, *чтонатереть себя* или *натереться,* однако в некоем особом смысле, то есть быть в обществе с людьми, *тереться* между ними и таким образом изострить себя, навыкнуть жить в свете.

В просторечии говорится *быть на тору,* то есть *на торжище,* на сходбище людей, там, где бывает от множества их теснота, *затор.* Люди собираются здесь не для лежания, но для стояния и хождения, отсюда *слово торчать.*

ТОРЧАТЬ. Ничто сокрытое, невысунутое *не торчит.* От сего понятия рождается другое: вещь торчащая должна непременно быть воткнута, дабы не лежала, но имела отвесное положение. Отсюда глагол *тор гать,* пустивший ветви *втор гаю, исторгаю, восторг,* ибо естественно, что *торчащее* есть непременно *вторгнутое.*

ТОРГАТЬ, *торгнутъ, торнутъ,* т.е. ткнуть, толкнуть, пихнуть.

ТОРГ. Действие, означающее покупку и продажу товаров, обыкновенно на *торжище.* Слово *торг* происходит от глагола *тор гать* (толкать), а он от глагола *тру;* поскольку где многолюдно, там и тесно; а где тесно, там люди *торгаются, трутся* между собою; ибо в подобных случаях обыкновенно говорится: меня *затерли,* затолкали.

ТОРЖЕСТВО. Означает то же, что празднество; а где празднуют, пируют, там и людей бывает много. От той же мысли произошло, что и *торить, торг.*

СТРУ, *простираю.* Глагол сей не употребителен, однако значение его в языке сохраняется. Сличим его с ветвями колена *тру.* Итак, *тру, тереть, стирать, растирать.* Но глагол *распростирать,* значащий совсем иное, может привести нас в сомнение. Разрешим его. По буквенному складу он разнится только приставкой *про.* Но и разум слова сохраняется: когда

я *тру* что-нибудь тряпкой, то место, по которому я вожу ею, становится больше, расширяется: следственно, действие *трения или растирания* есть купно и действие *распростирания.* Вот откуда ум человеческий произвел два глагола из одного корня. Итак, хотя в речи *распростер свои победы* не могу я *сказать растер,* а в *речирастираю краску* не могу *сказать распростираю,* однако великая разность сих слов не мешает нам чувствовать единство их происхождения.

СТРАНА. Что такое *страна,* как не *пространство*?* и даже великое *пространство;* ибо мы никакую малую земную площадь не называем сим именем. Отсюда явствует, что те же глаголы *стру, простираю* подали повод всякую обширную часть земли (и даже воздух и небеса)/называть *страною,* откуда пошли ветви *странствовать, странноприимство, чужестранец.* Мы видим разум слов наших, текущий из самого источника.

Пусть на других языках покажут мне с подобною же непрерывностью мыслей начало на том же корне основанных слов; итальянец своего *straniero,* француз своего *etranger* (по старинному правописанию, *estranger},* англичанин своего *stranger,* соответствующих нашему *чужестранец.* Пусть покажут мне столь же плодовитые корни и такое же между коленами сцепление понятий. Вникнув в силу и разум славенского языка, с сожалением видишь ослепление тех, кто, не зная и потому не чувствуя преимуществ его, дерзают *обогащать* принятием чужих слов или переводом чужих выражений.

СТРОКА. Точно по такому же соображению происходит от глагола *стру,* как *струя,* поскольку также есть нечто *струщееся, простирающееся,* текущее наподобие *струи.*

СТРОЮ. Мы видели, что глагол *стру* (простираю), происшедший от *тру* (тереть), означает действие расширения, распространения. Отсюда следует, что из глагола *стру* сделан глагол *строю,* дабы означить то же самое*распростирание,* но не в общем, а в частном смысле; ибо в действии *строения* не кладем ли мы бревно подле бревна, или камень подле камня? Следовательно, когда *строим,* то купно и *стрем* или *простираем или распростираем* во все стороны. От *строю* пошли ветви *строй, устройство, стройность.*

СТРЕЛЯЮ. Глаголы *стру, простираю, стремлю* и все происходящие от них ветви показывают действительное или мысленное движение в какую-нибудь *страну:* река *струится* (т.е. течет), *простираю* путь (т.е. иду), *стремиться к* цели (т.е.

стараться дойти, достигнуть ее). Глагол *стреляю* изъявляет подобное же *стремление, простирание,* движение, пули из ружья, *стрелы* из лука.

БЫСТРЫЙ, *быстро, быстрина.* Нет никакого сомнения, что происходит от глагола *стру;* ибо при том же самом корне показывает то же самое понятие: *струсь* (т.е. простираюсь), *струюсь,* тоже; следственно, и *быстрина* (скорое бежание) тоже.

ПЕРСТ, от *простираюсь;* ибо и корень тот же, и в самой вещи есть состав, член, *простирающийся* от кисти руки.

ПРОСТЫЙ. Слово *просто* значит *прямо.* В просторечии вместо *иди прямо* говорят и поныне: *иди просто.* Слово сие происходит от глагола *простираю.* Выражение *иди просто* содержит в себе мысль: иди путем перед очами твоими *простертым.* Отсюда ветви сего колена *(простый, просто, простота)* уклоняются в разные смыслы. Поскольку *просто* значит *прямо,* то *простота* значит *прямизну;* а как прямизна в нравственном смысле чужда лукавства и хитрости, того ради вместо *прямое сердце* говорится *простое* или *простосердечие,* вместо *прямая душа, простая душа* или *простодушие.*

Лукавство, хитрость, пронырство суть свойства изощренного ума, и сколь порочны для употребления против невинности, столь же бывают иногда нужны в общежитии для предохранения себя от расставляемых злыми людьми сетей. Отсюда нравственная прямизна или *простота* разделяется на две ветви: *простота* сердца и души есть всегда добродетель, но *простота* ума почитается недостатком и даже пороком. Отсюда *простая вещь, простое дело* значат немногосложное, не требующее великого ума. Пословица говорит: *простота хуже воровства;* здесь *простота* значит уже совершенную глупость, безсмыслие.

Поскольку слово *простота* происходит от *стру, простираю,* то значит иногда то же, что *простор* или *пространство.* В таком разуме говорится: *опростать горницу (т.е.* освободить). Отсюда *простить, прощаю, прощение,* происшедшее от такой мысли: содеянная пред кем-либо вина делается некоторой умственной связью между сими двумя человеками; обиженный как бы не отпускает, держит на некоей цепи или привязи того, кем он обижен, Это как бы соединяет их, так что нет между ними никакой пустоты, или *простоты,* или *пространства.* Итак, освободить обидевшего от сей связи, *опростать* его, сделать между ним и собою прежний *простор, пространство* значит ***простить,*** *прощаю.*

СТРОГИЙ. От понятия о *строгании (выстругать доску, обстругать палку)* родились понятия о *строгости* и *остроте,* которые, как смежные между собой, выражены и названиями из одного и того же корня извлеченными. Возьмем, например, глагол *стерегу (стрегу),* не значит ли он *строгое* бдение? Не от него ли из *остерегаюсь, остережение* произведена *осторожность!* Но что иное *осторожность,* как не *острое* (т.е. не тупое, не вялое) смотрение, наблюдение? *Строгое* есть *обстроганное,* а *обстроганное* не иное что, как *острое.* Вот почему Ломоносов не усомнился сказать о бегущем по горам исполине:

Ступает по вершинам *строгим,*
Презрев глубоко дно долин,

вместо *по вершинам острым.*

ОСТРОВ. Ясно, что получил свое название от прилагательного *острый;* ибо все острова суть *острые* вершины стоящих под водою гор.

Мы везде, во всех семействах слов видим (чему иначе и быть невозможно), что корень, пуская от себя ветви, сообщает им свое понятие. А потому и наоборот, когда ветви, при удержании коренных букв (хотя бы одной только) сходствуют между собой значением, то без сомнения, влекут начало свое от одного и того же корня.

Ключ к познанию силы языка

О сокращении слов

Способность малым изменением отличать слова возвысила достоинство языка, но умножила труд писателей: ибо нужно уметь употреблять слова прилично слогу.

Сокращение слов иногда не переменяет значение, а часто переменяет, и немало. *Ворона* и *вран, корова* и *крава, соловей* и *славий* значат одно и то же. Но *порох* и *прах, волость* и *власть., хоромы* и *храм* означают в коренном смысле одинаковые, в частном же различные вещи. Ибо хотя *порох* и значит вообще *пыль, прах,* но все же это особого рода *прах* искусственный, возгорающийся, для стреляния из пушек и ружей. На многих иностранных языках оба праха *(прах* и *порох}* под одним словом разумеются: *pulvis* (лат.), *pulver* (нем.), *polvere* (итал.), *poudre* (франц.), вероятно, однокоренные с нашим *пыль.* (Сейчас они вернулись к нам *пульверизаторами* и *пудрами. - Изд.)*

Волость (несколько деревень и сел, одним начальником управляемых) и *власть* (воля, произвол, свобода делать то, что заблагорассудится), хотя в частном значении различаются, однако коренной смысл не престает быть один и тот же; ибо и *волость* (многих деревень вместе) говорит то же самое: моя *власть,* мое *владение.* Иногда благозвучие принуждает сокращать коренные буквы в ветвях этого слова: так *обвластъ* стала *область.* То же и в других ветвях: *обладатель, обладать,* а не *обвладателъ, обвладатъ.*

Некоторые слова, равно как полные, так и сокращенные, смысл не меняют, однако приличие слога требует их различать. В простом слоге скажем: *он в деревне построил себе хоромы,* в важном: *он соорудил Богу великолепный храм.* Весьма бы странно было сказать: *у меня глава болит* (вместо *голова);* но еще страннее было бы написать: *Церковь о пяти головах* (вместо *главах).* Также книгу разделяем на *главы,* а не *головы.*

Высокое *длань* сокращено из *долонъ,* происходящего от имени *дол (впадина)* или *долина,* по причине, что кисть руки сгибается и нижней стороной своею представляет подобие *дола* или *долины.* Просторечие, переставя начальные слоги, сделало из *долонъ лодонъ* или *ладонь.*

Разность одного и того же слова становится порой так велика, что кажется уже иною, не истекающей из единого источника мыслью. Каждое из слов, полное и сокращенное, пускает свои ветви. От *голова* происходят *головка, головушка, головня, головешка, головоломный, головорез.* Во всех этих словах *голо* нельзя сократить в *гла:* приличие не позволяет. У булавки *головка,* а на церкви *глава. Головной убор* (принадлежащий голове) *и главный убор* (т. е. начальный, преимущественный).

Новейшие наши писатели, учители красноречия, хотят, чрез истребление в нашем языке всех важных слов и выражений, унизить его до единообразия французского, в котором нет различия между высокими и простыми словами, так что книжный их язык почти одинаков с разговорным. Это отнимает у французов всякую надежду читать на нем какое-нибудь важное эпическое творение. Хотят из русского величавого, выкидывая все высокие слова, сделать скудный французский, жалкого подлинника беднейший сколок. Намерение сколь безрассудное, столь и невозможное, соблазняемое тем ложным мнением, что на нем легче будет писать, словно как бы в сочинениях не ум должен

располагать языком, но язык умом. Чрез то заграждают все источники созидавшего язык человеческого ума.
Рассмотрение в составе слов первоначальных частей, коими все наши понятия разнообразятся и делятся на тысячи разных видов, есть нужнейший, важнее, чем обыкновенная грамматика, **ключ,** отверзающий двери к познанию силы, свойств и правил языка.

Предлоги сокращением свом дают разнообразие словам.Так, например, хотя предлог *пере* и *пре* один и тот же, однако *перейти через дорогу,* но *прейти путь жизни; переступить чрез порог,* но *преступить заповедь.* Многие слова, особливо простые, отвергают предлог *пре: перепрыгнуть, перекувыр-нутъся, перекинуть, переиначить, переулок, перевоз;* а другие: *превозносить, пребывание, преимущество, прелесть, пренебрежение* отвергают предлог *пере.*

Равным образом и предлог *воз-вое,* сокращенный из имени *высь, высота,* нередко сокращается и сам, теряя гласную букву и следуя общему правилу: полный увеличивает важность слов, сокращенный уменьшает ее. В словах *возстенал, возник, воскурился, возблистал, воспарил* не может он сокращаться; в словах *вспрыгнул, вскарабкался, вскочил, вздуло, вспучило* не может быть полный.

Сии не разлучные с нашим языком свойства отличают его от многих других, в которых сокращения слов, а особливо предлогов, мало участвуют в их словосочинении. Желающему утвердиться в языке надлежит вникать в коренной его состав, дабы не делать его похожим на чужой и не смешивать в нем высоты с низостью, красоты с безобразием.

Француз, например, судя по своему языку о нашем, не почувствует различия между *исходить* и *выходить;* ибо он и то и другое назовет *sortir,* но русскому не чувствовать разности в выражениях *изшел на брань* и *вышел из бани* было бы не знать языка своего.

В сокращении, равно как и в растяжении слов, корень часто закрывается, и чрез то в слове затмевается первоначальная мысль. Например, в глаголе *обещать,* представляющего предлог *об* и никакого смысла в остальной части *ещатъ,* мы, примечая свойство сокращения слов, легко можем добраться, что он происходит от *обвещать;* оба глагола: полный *обеещатъ* и сокращенный *обещать* выражают в коренном смысле понятие о *вещании,* но в ветвенном или частном первый означает *вещание,* обносимое вокруг чего-нибудь *(обвеститъ* по городу, по всей округе); а

второй, *вещание, обнадеживающее* кого в чем-либо, иначе *дать слово.* В глаголе *сплю* сокращение показывает, что он происходит от *соплю (сопеть),* поскольку одно из этих действий всегда или часто соединено бывает с другим.

Вовлекают нас в ложное мнение, будто бы язык не плод размышлений человеческих, но состоит только из пустых звуков, к которым люди, подобно безсловесным животным, чрез навык прилагают свои понятия; ибо таким именно образом и птицы, и звери разнообразят голос свой и разумеют одни других.

Изменения слов могут быть нам верными руководителями к открытию таинств родословия (словопроизводства). Возьмем, например, выражение *щурить глаза* и спросим: откуда происходит глагол *щурить!* Сокращение нам покажет первоначальную мысль. Буква *щ* есть сокращенное или слитное произношение *сч.* Итак, в сем слове видим мы предлог *со* или *с* (означающий всегда соединение, сближение двух вещей) и корень *чур.* Слово *чур* означает *черту,* предел. Посему *щурить* значит *сочурять,* т.е. сближать, соединять верхнюю и нижнюю ресницы с проходящей посредине очей чертою или пределом, который составился бы, когда б ресницы совершенно сомкнулись. Вот как человек глубоко умствовал и рассуждал при составлении слов!

Дерево слов, стоящее на корне *ПЛ*

Первообразное слово, под которым показаны происшедшие от него ветви, есть в словаре то же, что в родословии первый предок, пустивший от себя поколение, но сам неизвестно от кого рожденный. **Как мысль рождается одна от другой, так и слово происходит одно от другого.** Ясность одних ветвей кидает уже некоторый свет и на мрачность других.

ПОЛ. Возьмем сие слово, означающее *половину* и спросим, почему разумеются под ним:

- все мужчины или женщины;
- берег;
- помост, по которому в доме ходят.

Ответ легок: потому что мужчины и женщины, каждые отдельно, составляют *половину* человеческого рода; потому что река имеет два берега, из которых каждый, следовательно, есть *половина.* Потому что помосты в домах

настилаются из распиленных вдоль *половин* бревна, которые оттого и называются *половницами.*

ПИЛА. (Орудие). Без сомнения, происходит от глагола *пилить,* который значит разделять вещи на две части или *половины.* От слова *половина* был бы он *половинитъ,* а от слова *пол,* вместо *полить* (то есть разделять на *полы* или по *полам),* изменив гласную букву, сделался *пилить.*

ПОЛА, у платья или чего иного, тоже ветвь от слова *пол* или *половина,* поскольку они всегда бывают две одинаковые.

ПОЛЕНО, тоже, поскольку означает отрубок дерева, расколотый (когда он толст) *пополам.*

ПЛАСТ. Без сомнения, от слова *пол* или *половина,* поскольку означает разделение надвое или *пополам.* Почему же, спросят, слово *пластина,* как например, *соболья пластина,* то есть шкура, содранная с соболя, значит больше нечто *плоское,* нежели *половинчатое!* Отвечаю: отнюдь не больше, поскольку снятая с зверя шкура представляет вместе и *плоскость,* и две *половины;* здесь оба понятия соединены в одно и то же. Сверх того, имя *плоскость* (см. ниже сие слово) получило значение от других ближайших к нему ветвей, происходящих от понятия о *половине.* Мало того, *пластырь* принимается за чужеязычное, потому что на других языках *называется plaster,pflaster,emplastre.* Но почему оно чужеязычное, когда на собственном нашем языке означает намазанный мазью *пласт,* т.е. нечто *плоское,* поскольку выпуклое или горбатое не может прикладываться к ранам.

ПОЛЕ. Произошло от *пол, половина;* ибо означает такое пространство земли, которое разделяется всегда на две *половины,* из коих одна приносит, а другая обрабатывается для будущего принесения плодов. Даже слово *пол, в* смысле настланного помоста, дает понятие о Подобной же равнине земли, которую, уподобляя гладкости *пола,* могли назвать *полем.* Выражения *уронить на пол* или *уронить на земъ,* приемлемые за одно и то же, подтверждают смежность сих понятии. Слово *поле,* то есть ровное и безлесное место, пустило свои отрасли, например, *полный.*

ПОЛНЫЙ. Чтобы увидеть происхождение *полный* от *поле* (как имеющие один и тот же корень ил), надлежит сблизить выражаемые ими понятия. Сначала сравним. От слова *поле* произошли *палевый, поляна.* От слова *полный: полно, полнота, наполнить.* Что такое *поле!* Поверхность земли, на которой сеют хлеб. Но в обширном смысле значит оно ничем не прерывную равнину. Рассмотрим теперь смысл слова *полный.* Мы называем сосуд *полным,* когда налитая в

него вода будет вровень с краями. Представим вместо сосуда обширную площадь с глубокой на ней впадиной или долом. Этот дол разрушает в уме нашем понятие о равнине или *поле.* Следовательно, если засыпать сей дол (или впадину), то место сие опять сделается, так сказать, *польно,* то есть вровень с *полем.*

Теперь можем видеть, что *польно* и *польный* перешли в значение *полно, полный* и произвели ветви *наполнить, исполнить.*

В иностранных языках под тем же корнем то же самое сходство примечается: *поле* и *полный* по-латински *planities* и *plenus,* по-французски *plaine* и *plein,* по-итальянски *piano* и *pieno,* по-немецки *feld* и *voll.* В итальянском буква *l* изменилась на *i*, а в немецком *p* на *f* или *v*, точно так, как **из славенского** *полк* **сделалось у них** *folk* **(народ),** *из плуг, plug.*

ПЛОСКО, *плоскость, площадь.* Слово сие, равно как и *поле,* противоположно тому, что горбато или гористо. Отсюда явствует, что оно, с переставкою букв из *польско* (то есть подобно полю равниной) сделалось *плоско.* Латинские *planus, planities, planimetria* (по точному составу слова сего, *плоскомерие);* французские *plat, p1aп, p1ace, p1aпche;* итальянские *piatto, pianura;* немецкие *platt, platz, flach,* под тем же корнем то же самое, то есть *плоскость* или *плоские* вещи означают.

ПАЛАТА, *палаты.* Слово сие в словаре названо латинским. Но почему оно латинское? Где доказано коренное первоначальное его значение? Я открываю латинский словарь: *palata, ряды набитых в землю свай для составления некоего помоста или основания под строящееся здание.* Каким же образом согласить такое объяснение с нашими *палатами!.* Скажут: да на латинском и других происшедших от него языках разумеют под сим огромный, великолепный *palais, palazzo.* Следовательно, мы от них взяли.

Но почему мы от них, а не они от нас? Если мы от них, то зачем же совсем не по их языку говорим *казенная палата, парусинная палатка!* Мужики наши имеют в избах своих *палати* и *полати;* верно, не от латинских мужиков, у которых нет ни *палат,* ни *полатей,* заимствовали сие название. Откуда же его взяли? Без сомнения, от слова *пол* или *поле,* или *площадка,* или *плоскость,* равно как и *полок* в бане, или *полка* при стене, потому что все сии ветви, как исходящие из одного и того же корня, в общем смысле сближаются между

собой. Вспомни старинное русское присловье: *Тот не богат, у кого много палат. А тот не убог, кого любит Бог.*

Но и само латинское *слово palata, выражая ряды набитых свай под основание здания,* не изъявляет ли подобной же мысли? Вершины сих свай составляют некоторую *плоскую* поверхность, или *площадку,* какую называем мы иногда *поле,* иногда *пол,* иногда *полка,* иногда *палаты.* Потому и латинское *palata,* или французское *palais,* или итальянское *palazzo* может происходить от славенского корня.

Знаю множество наших слов, которые, по искажении их в чужих языках, **вводим мы изломанными обратно в свой язык, принимая их за не наши.** Или извлеченные из общего с нами корня чужеязычные ветви предпочитаем своим. Или принимая и вводя в употребление их слова, делаем чрез то корни свои безплодными.

ПАЛАШ. (Орудие). Какое это слово? Скажут, немецкое, потому что по-немецки называется *pallasch*. Но отчего ж не от широкого и *плоского* лезвия своего? Или не от того, что висит при *поле* платья? Или что употребляется во время битв и сражений, обыкновенно происходящих в *поле* или на *полях!*

ПЛЕЧО. Вероятно, от *плоскости* или *площади,* то есть широты, пространства, какое сия часть тела имеет в сравнении с другими его частями, менее пространными и более округлыми.

ПАЛАЧ. Без сомнения, от *плеч,* поскольку должность его состоит в отделении их от головы, почему и называется иначе *заплечник.*

ПЛОТНО, *плотный, плотность.* Могло сократиться из *плоскостно* по тому соображению, что одни только *плоскости* могут слагаться одна с другою *плотно,* горбатые вещи, имеющие кривизны или выпуклости, не лежат между собою *плоскостно* или *плотно,* то есть касаясь всеми своими точками. Многие слова показывают смежность сих понятий. Например, *плошка,* без сомнения, оттого, что сосуд сей *плоский;* под словами *ударить плашмя* разумеется ударить *плоскою* (а не плотною) стороною; но подобное же слово *сплошь* показывает больше плотность или прикосновенность вещей, находящихся одна подле другой.

ПЛАЧУ, *платить, плотина, плотник, плотничать.* Найдя переход понятия от *плоскости* к *плотности,* нетрудно уже удостовериться, что *платить* есть то же, что *плотить,* то есть делать *плотным.* В прямом смысле говорится: *плочу* или *сплачиваю* доски, а в иносказательном: *плачу деньги,* то есть

бездолжное состояние, как бы некую прерванную долгом равнину, сравниваю, *сплачиваю,* привожу в прежний образ. Отсюда два этих понятия сливаются иногда в одном и том же слове: *заплата* на платье и *заплата* долга.

ПЛАТ, *платок, платье, полотно.* От слова *плотность,* потому что нити сей ткани чем *плотнее,* тем она почитается лучше, и наоборот, в противном случае называется *дерюгою,* от слов *драть, дира.*

ПОЛК, *ополчение, полковник.* По всей вероятности, происходит от слова *поле,* поскольку означает собрание людей, обыкновенно ратующих на *полях,* и потому говорится *полевая служба.* В старинных стихотворениях ратных людей или воинов называли *поленица удалая.*

ПЛЕН или ПОЛОН, *пленный, пленник;* тоже от слова *поле,* яко действие, обыкновенно во время сражений *на. полях* происходящее.

ПЛУГ, вероятно, сокращено из *полюг* от *поле,* яко орудие в *поле,* на *полях* употребляемое. Так сокращены *враг* из *ворог, нрав* из *норов, кольчуга* из *колец.*

ПЛЯШУ, *плясать, пляска, плясун.* Без сомнения, от слова *поле,* потому что пляски, песни, хороводы в летнее время и ныне по деревням бывают под открытым небом, то есть на *поле,* зимою же в домах, на *полу;* притом для свободного действования требуют некоторого *поля,* то есть просторного места. Сокращая *полясатъ,* то есть прыгать, скакать по *полю* или по *полу,* стали говорить *плясать.*

ПЛЕШЬ. Представляет на обнаженной от волос голове человека как бы некую сделавшуюся от вырубки леса *площадку* или гладкое *поле.*

ПОЛОСА, *полосатый.* Вероятно, тоже от слова *поле,* поскольку составляет часть *поля.*

ПОЛО, *полый, полость,* без сомнения от слова *поле;* ибо всегда означает в средине чего-либо некоторую пустоту, или *поле,* или *площадку.* Случившееся в лесу безлесное или пустое место, как бы малое *поле, ,* называется *полым* местом или *поляною.* На реке, покрытой льдом, бывающие иногда не замерзшие еще места называются *полыми* или *полыньями.*

ПОЛЮ, *полоть, полольщик.* Происходит от слова *поле* или *полый;* ибо выражает такую работу, когда, очищая какое-нибудь растение от худой травы, делают вокруг него малое *поле,* или *полость,* или пустоту, дабы оно с лучшим питанием соков и воздуха могло расти.

ПЛАВАЮ, *плыть, плыву.* Как ни кажется глагол сей удаленным от сего корня, однако может быть к нему

причислен. Во-первых, море или вода сходствуют с *полем* гладкостью своей и равниною, а потому движение *по полю* могло быть уподоблено и перенесено к движению по воде или морю. Подобная мысль внушила стихотворцу такой стих:

Стремится наш корабль, как конь по чисту полю,
Которому ездок скакать дал полну волю.

Во-вторых, всякое движущееся по воде тело рассекает ее, как бы разделяет на две *половины.* От каждого из сих понятий могло из слова *полеваю* (движусь как бы по *полю)* или *полаваю* (разделяю на *полы)* произойти слово *плаваю.* Сие тем более вероятно, что происходящая отсюда ветвь *плавность* приемлется в смысле, противоположном гористости или шероховатости, и следственно, изображает равнину или гладкость.

ПЛАВЛЮ, *плавить, плавление.* Показывает и коренными буквами, и значением сродство свое с глаголом *плаваю. Расплавить* свинец есть не что иное, как растопить его на огне, привести из твердого тела в жидкое, *плавающее.* (То есть из куска или глыбы - в подобную *полю* равнину, гладкость). Также равно говорится: *сплавить* лес в низ реки и *сплавить* два куска меди; то есть одно препроводить посредством *плавания,* а другое растопить.

ПЛАМЯ, *пламень, пламенный, пыль, пылаю, пылкость.* Имеет связь с понятием о *плавании,* поскольку представляет собой *плавающий* по воздуху, развеваемый им огонь.

ПЫЛЬ, *пыльно, запылить, напылить,* есть также не что иное, как *плавающие,* носящиеся по воздуху самомельчайшие частицы разрушенных тел. *Пылить, пылать и плавать,* конечно, в частных значениях своих имеют великое различие, но вообще *плавание* по воде и *плавание* или летание по воздуху (ибо не говорим ли мы иногда: *Орел плавает,* когда он без махания крылами летит, движется на высоте?), по единству значения, равно представляются нам в глаголах *пылить* и *пылать,* с тою только разницей, что первое относим мы к движению мельчайших частиц, а другое к такому же движению огня, который тоже, снедая тело, превращает его в мелкие частицы, как бы *пыли,* то есть дыма.

ПАЛЮ, *палить, выпалить, пальба.* Неужели неясно, что происходит от *пыл, пламя!* Разве мы не говорим *воспалить* огонь и *выпалить* из ружья, из пушки? В обоих выражениях тот самый *пыл* или *пламя* производится от возжжения, например, пороха.

ПЛАЩ (одежда). Без сомнения, от *плещи* (плечи), потому что на них накидывается, надевается.

ПЛЕЩУ, *плескать, плеск.* Тоже от *плоскости,* потому что *плескать* в ладоши, *рукоплескать* значит ударять рука об руку; но под ладонью разумеем мы *плоскую* сторону руки, от чего и мог произойти глагол *плескать,* то есть ударять *плоским о плоское.* В переносном смысле глагол сей употребляется о воде: море *плещет* и ревет. Перенос сей сделался по уподоблению шума или звука, слышимого от *плескания* руками, с шумом, происходящим от *плескания* или ударения во что-нибудь водою.

ПОЛОЩУ, *полоскать, выполоскать.* Без всякого сомнения от *плещу, плескать,* потому что *полоскание* чего-нибудь водою или в воде с *плесканием* ее неразрывно сопряжено.

ПЛОХОЙ, *плохо, врасплох,* орошать. Откуда слово сие происходит и по какой причине разумеется под ним худость? Я думаю, по такой: слово *поло, полость* означает, как мы уже видели, пустоту. Пустота часто берется за худость. Например, *пустой* человек, *пустая* голова есть то же, что худой, худая. Посему весьма вероятно, что *плохо* могло, сократясь из *полохо,* то есть *поло,* составить ветвь, означающую худость,негодность.

ПОЛОХ, *всполошить, переполошить, всполох бить,* то есть тревогу. Всякая худая весть или слух пугает, устрашает нас: отсюда слово *плох,* то есть худ, растянутое в *полдх,* перешло в значение страха, ужаса, смятения, кои суть последствия худых услышанных нами вестей.

ПЛЕТУ, *тесть, заплетаю, переплетаю.* Глагол сей, надо думать, происходит от понятия о *плотности;* ибо вещи, составляющие что-нибудь сплетенное, приводятся в такое состояние посредством соединения их вместе, и следственно, в некоторую между ними *плотность,* какой они до того не имели. Глаголы *плочу* и *плету* выражают два действия, в первоначальном смысле совершенно одинаковые; под ними разумеется соединение вещей посредством простого сближения их *вплоть* одна с другою; под глаголом *плету* такое же, и тоже *вплоть,* соединение их посредством изви-вания одной из них вокруг другой. Первым образом *сплачиваются* или *плотятся* доски, бревна; вторым *плетутся* волосы, кружева, лапти.

ПЛУТ, *плутовать, плутовка, плутовство, плутни.* Без сомнения, от глагола *плету,* потому что *плут* производит обманы свои посредством *сплетания* лжей, извивает выдумки свои, идет непрямой дорогой.

ПЛУТАЮ, *плутать, проплутать. Плут* (обманщик), конечно, ходит кривыми путями; отсюда глагол обращен на означение движений человека, бродящего туда и сюда по незнанию дороги *(заплутался* в лесу). Происхождение глагола от первоначального *плету* тем очевиднее, что мы часто о том, кто идет тихо, медленно, говорим *плетется нога* за ногу.

ПЛЕВЫ или ПЛЕВЕЛЫ. Вероятно, от глагола *полю, полоть,* потому что означают худую, растущую вокруг хороших растений траву, которую *полют,* то есть выщипывают и выбрасывают.

ПЛАЧУ, *плакать, расплакаться, плакса.* Мне кажется, глагол сей, так же, как и *плюю,* произведен от слова *пол* или *поле.* Слезы текут из очей, и потому говорится *ронять слезы;* но куда же мы их роняем, или куда они падают? В доме на *пол,* вне дома на *поле* или на землю. Сказано: *сеющие слезами пожнут радость.* Если, уподобляя слезы семенам, говорится *сеять ими,* то и глагол *плачу* мог, по такому же соображению, произведен быть от мысли: роняю слезы на *пол* или на *поле.*

ПЛЕМЯ, *племена, племянник, иноплеменство.* Слово также могло произойти от слова *поле* по уподоблению размножения людей размножению семени в *полях.* Отсюда *семя* и *племя* приемлется за одно и тоже: *вем, яко семя Авраамле есть.* (Ин. 8,37).

ПЛОД, *плодить, распложаться, плодовитый, плодоносный.* Вероятно, тоже происходит от слова *поле;* ибо нужнейший для пропитания людей и многих животных *плод,* то есть всякого рода хлеб, рождается и растет на *полях.* Слово *пол* часто сокращается в *пл,* окончание же *од* есть, может быть, изменение *словаядъ* (то есть яства, пища). Так речение *полевая ядъ* могло измениться в *плод.*

ПЛОТЬ, *плотский, воплощение, плотоугодие.* Слово сие, означающее человеческое тело, в противоположность слову *дух* или *душа,* хотя может, происходить и от слова *плотность* по тому соображению, что все части тела нашего тесно или *плотно* соединены между собой; но мне ближе кажется, что оно изменя букву *д* в *т,* из *плод* сделалось *плоть,* от слова *плод,* яко вещество размножающееся и *плодящееся* одно от другого.

ПОЛЬЗА, *пользоваться, полезен.* Сколь ни далек смысл от слова *поле,* однако нельзя отрицать происхождения от него, покуда не сыщется ближайшей к нему мысли. Произрастание на *поле* съестных *плодов* есть

самонужнейшее для человеческой жизни, а потому и слово *польза* могло произойти от слова *поле,* яко доставляет человеку благо.

ПОЛУШКА. Составлено из слова *пол* (то есть половина) и *ушко* (уменьшительное от уха); и притом известно, что в старину ушки звериных кож употреблялись вместо денег.

ПЯЛЮ, *пялить, пялиться, напялить, распяливать, пяльцы.* Сие семейство слов, кажется, происходит совсем от иного начала, а именно от глагола *пинаю,* значащего то же, что и толкаю. Отсюда ветви в настоящем времени *распинаю,* в прошедшем *распял',* от первого будущее *распну,* от *второго распялю,* которое по отнятии предлога превращается опять в настоящее *пялю, пялюсь.* Слова сии, как составом, так и смежностью значения показывают ясно свое происхождение; *ибо распинать* есть то же, *что распяливать.*

ПАЛЕЦ, вместо *пялец* для отличия во множественном числе *пальцы* от *пяльцы,* вероятно, от того же корня, по тому соображению, что *пальцы* можно разгибать, и разгибая или *распростирая,* расширять или *распяливать.* По такому же соображению равнозначащее с ним *перст от* глагола *простираю, прост* сделалось *перст.*

ПАЛИЦА, *палка. Палица* есть такая же ветвь, как и *палка;* обе произошли от глагола *пялить* или *пялиться,* то есть вытягиваться наподобие *палки.* Сюда же принадлежат латинское *pa1o* (свая), немецкое *balken,* голландское, шведское и английское *balk,* откуда и мы, изменив *п в б,* говорим *балка* и называем это немецким словом. Но по корню первоначальную мысль можем отыскать в славенском языке.

ПАЛИСАД, *палисадник.* Слово называют французским потому, что по-французски *palissade*. Но мало ли у нас слов одинаковых с другими языками? Поэтому наши *брат* и *сестра* будем числить латинскими *frater, soror,* или немецкими *bruder, schwester,* и *сын* наш немецкое *son,* и *глыба* латинское *gleba,* и *баня* наша французское *bain,* и тысячи подобных слов? Да полно, все эти слова изначально наши! (Ибо вся полнота смыслов и ветвенных сцеплений их в славянском, ныне и присно, а копии всегда хуже, чем оригинал. - *Изд.)*

Посмотрим, из чего составлено французское *palissade:* из слов palis и *sade:* первое, *palis,* с латинского *pa1o* (свая), на французском означает *кол, колья;* второе, *sade,* с латинского же *sedere,* единокоренного и единозначащего с нашим *сидеть, садить.* Итак, *palissade* (то есть забор, тын, изгородь, частокол), по-нашему значит *палкосад,* или *палосад, палисад.*

ПЕЛЕНА, *пеленка, пеленать.* Без сомнения, от глагола *пялю,* поскольку *спеленание* есть обвитие или, так сказать, *опяление* младенца полотном. Можно также произвести и от слова *плен, пленение,* в смысле связания; но мне кажется, первое проще.

ПЛЕСНЬ, *плесень, заплесневеть.* Легко может быть ветвью от глагола *плеснуть,* потому что *заплесневелое* место, отличаясь цветом от окружающего пространства, действительно походит на то, как бы на него чем-нибудь жидким *плеснуто* было.

Каждое вводимое в употребление чужеязычное слово не только отнимает у разума свободу и способность распространять и усиливать язык свой, но **приводит его в безсилие и оскудение.** Уступая больше и больше сей мнимой необходимости, щеголяя чужими словами, мы наконец перезабудем свои, смешаем остальные с чужеземными, и растеряв собственных слов своих корни и значения, сделаем из славено-россииского языка, из сего подьемлющего главу свою из глубокой древности сторукого великана, такое сухощавое и слабое греко-латино-немецко-фран-цузское дитя, в котором не останется ни ума, ни силы. Навык, конечно, много может над нами, но должно ли покорять ему рассудок? Скажут: одни ли мы употребляем чужие слова; других народов словари наполнены ими.

Новейшие языки не могут служить нам образцами. Они по необходимости должны заимствовать слова свои из других языков; но **наш древний язык не имеет в том нужды. Он может из каждого собственного корня извлекать ветви, сколько ему потребно.**

Вся осторожность должна состоять в том только, чтобы **знать свой язык** и уметь согласно с разумом и свойствами его извлекать сии ветви; ибо **невежественное извлечение собственных ветвей еще хуже испортит его, нежели принятие иностранных слов.**

Младенческое лепетание или детство языка

Младенчествующие народы и самые простые люди одарены чрезвычайным талантом производить слова и много лучше умеют придумывать приличные свойства и названия

вещам, нежели ученые люди, кои, увлекаясь хитростью ума, отступают и удаляются от простоты природы.

> **Примечатель.** А истинная **гениальность** ведь только в простоте девственной, *экологически* чистой, которая сохраняется во младенцах, во младенчествующих в вере, в простом народе коренном, и никогда - в умах опустошенных науками мірскими.

Без сомнения, начало языка и народов уподобляется началу жизни человеческой, то есть детству. Нужда объясняться рождается с нами. Посмотрим на детей: первый глас новорожденного есть глас плача. По прошествии первых страха и печали, начинает он изъявлять удовольствие свое улыбкой. Потом, прежде чем узы языка его разрешатся слабыми *а, ба, ма,* показывает уже он, что в нем рождается внимание, любопытство и желание различать предметы.

Эта врожденная нужда объясняться, кажется, как будто преждевременно сообщает младенцу необыкновенную зрелость ума в уподоблении вещей и составлении слов. Он часто дает видимым предметам собственные свои названия, не слыхав их ни от кого, и названия почти всегда бывают справедливы и даны по особенному его соображению.

Мне случилось видеть младенца (это была девочка), еще не могущего произнести ни слова. Ее принесли к нам, когда мы сидели за столом, и в это время подавали шпинат. Велели дать ей немножко, и кто-то сказал: *это соус.* Она поела и, улыбнувшись, произнесла: *со.* Все подхватили и стали твердить: *соус, соус!* Через несколько дней поехали прогуливаться, и девочка была в карете. Лишь только она увидела первое зеленое дерево, то протянув к нему ручонку, закричала: *со, со!* Мы все, вспомнив шпинат, удивились действию памяти и соображения в столь малом возрасте.

В другой раз случилось мне видеть двух девочек, играющих в куклы. Они сидели близко друг к другу, и одной из них понадобилось сказать подруге, чтобы она со стулом своим от нее отодвинулась. Она сочинила свой глагол, и вместо *отодвинься* сказала: *отсядъ*| -слово, которого я никогда прежде не слыхал и которое так правильно.

Дети представляют образ первобытных людей, то есть младенчествующих народов, язык которых в начале был некое детское лепетание. Но нужда объясняться и сообщать мысли свои друг другу, эта великая наставница, изощряла их ум и делала его способным изобретать слова. Эта способность

заступала у них место знаний и наук, была ученицею природы, и положила твердые и глубокомысленные начала, от коих, как от плодоносных семян, произошли все последующие языки.

Как взрослели языки

Без сомнения, тюрцами первобьггаого языка были две данные человеку способности: чувства и ум. Сперва чувства, такие, как радость, страх, удивление, исторгли из него восклицания: *а, о, у.* Потом гласные стал соединять он с согласными: *ба, да, ма, на, та, ох, ух.* Потом из повторения и сочетания слогов составил родственные и другие имена: *баба, дядя, мама, няня, тятя, охать, хохот, ухо, слух, дух.* Сверх того, подражал он природе: птицы криками своими научили называть их *кукушка, грач, крякуша, гусь, кокош* и означать голоса их звукоподражательными глаголами: *кукует, грает, крякает, гогочет, квокчет.* Разные слышимые им действия в природе таким же образом наставили его произносить *гремит, стучит, трещит, храпит, шипит, сопит, глотает,* ибо каждое из этих действии в слух его ударяло.

Сличая французские слова *glougloter* (кричать, как индейский петух), *glouglou* (шум, какой делает пиво или вино, когда человек пьет его из бутылки), *glouton* (обжора), с русскими *глотать, глоток,* не ясно ли видим в них одинаковое звукоподражание природе? Подобное сходство найдем и в других языках.

Когда таким образом посредством чувств своих составил он многие слова, тогда ум его чрез уподобление одних вещей с другими стал изобретать новые

названия. Например, заметив звукоподражательно тяжелое во время сна дыхание *сапит,* состояние, в котором сие дыхание совершается, назвал с малым изменением *спит.* Иногда к дыханию сему присовокупляется некоторая в горле игра, которую также, подражая звуку ее, наименовал он *хрипеть, храпеть, храпатъ,* и произвел от первого ветви: *хрипун, хрыч, хрычовка, охрипнуть;* от второго и третьего *храпун, храпу га, храпок,* откуда стал говорить: *храпстео, хор оба, храбрость.* Так от одного понятия стал он переходить к другому, смежному с ним, и от каждого из понятий производить семейства слов.

Обращая сие рассуждение на другие языки, то же самое в них примечаем: все они от одинаковых начал истекают и одинаковыми средствами составляются и возрастают. Иначе

и быть не может, поскольку **все народы происходят от первого народа.** Никто из них не был создан особо, с особыми гласоорудиями; всяк заимствовал язык свой от отца своего и передавал сыну. **Цепь сия никогда не прерывалась:** следственно, первого народа первобытный язык должен непременно дойти и до самых последних племен человеческого рода. Открывавшиеся в языках новые понятия, новыми словами выражаемые, не могут опровергать сего рассуждения, поскольку **новые слова всегда примечаются быть ветвями старых.**

Итак, в этом смысле все языки можно назвать одним и тем же языком, который от малых начал, как великая река от малого источника, потек и вместе с народами возрастал и распространялся по лицу земли. Отсюда слово *язык* дает нам два противоположных понятия. Заметим: их совершенное соединение, как и

совершенное разделение, противно рассудку и может вовлекать нас в ложные умствования и заключения. Если мы все языки возьмем за один, то несходство их будет тому противоречить. Если каждый из них возьмем за особый язык, то отвергнем примечаемое из них самих общее начало, разорвем неразрывную цепь постепенного их порождения, и **вместо следов ума человеческого будем видеть в них некое слепое изобретение пустых звуков.**

Итак, не отринем ни того, ни другого. Не станем утверждать, что японский и русский язык есть один и тот же; но не станем и то почитать за несбыточное дело, чтоб в японском и русском могли быть следы, по-казующие единство их происхождения. Иначе мы впадем в такое же заблуждение, как японцы, которые думают, что земля их, изшедшая из глубины вод, есть особая от земли других народов. (См. путешествие Головкина).

Разность между одним и другим языком, конечно, может быть превеликая; но из того не следует заключить, чтоб разум не мог найти в них ничего общего. Напротив, из рассматривания состава языков мы ясно видим, что разность сия не есть особое каждым народом изобретение слов, но постепенное, на очевидных причинах основанное, и следственно, весьма естественное **изменение и возрастание одного и того же языка.Язык** переходит от одного народа к другому больше по изустному, нежели письменному преданию. Отсюда непременно должны последовать изменения в выговоре и письменах.

Во все времена о науке словопроизводства являлись разные толки, и хотя поставлена она в число грамматических частей и есть самонужнейшая, поскольку рассуждает о началах языка, открывающих весь его состав, разум и силу; однако же **оставалась всегда неприкосновенною и невозделанною.** Оттого происходит, что многие, довольствуясь одним навыком употребления слов, почитают ее ненадобною, а другие даже и смешною, заключая то из нелепых словотолкований, утверждающих, например, что иностранное слово *кабинет* происходит от русских слов *кабы нет,* потому что хозяин дома обыкновенно в комнате сей уединяется, и словно *как бы его не было* в доме. Они хороши для шуток и смеха; но я не знаю, какое невежество больше, то ли, которое принимает их за правду, или то, которое по ним заключает о безполезности науки, просвещающей ум человеческий разгнанием мрака слов.

Значение слова заключается в корне, который, по причине многого извлечения из него ветвей, иногда изменяет, иногда теряет свои буквы, так что часто остается при одной согласной, и **только потому приметен,** что при всех своих изменениях и сокращениях не престает изъявлять то же самое, **общее всем языкам коренное понятие,** от которого каждый из них производил свои ветви.

Разноязычное древо, стоящее на одном и том же корне, хотя составляет общее семейство слов, но это семейство в каждом языке есть особое, как числом ветвей, так и значением их. Ветвь чужого языка, в моем не существующая, или иное значащая, **может мне по единству корня столь же быть понятной, как если бы она была моя собственная.**

Дерево слов, стоящее на корне *CT* или *ST*

Дерево сие составлено из восьми языков. Оно стоит на корне *СТ* или *ST,* который им всем есть общий. Корень сей, при особенном значении каждой ветви, не престает во всех языках изъявлять одно и то же главное понятие о *неподвижности* или *непоколебимости,* т.е. о пребывании вещи в одном и том же месте, или в одних и тех же обстоятельствах/Это первое значение получил он от

родоначального глагола *стоять* и передает всем исходящим от него ветвям.

Славенин, получив единожды чрез глагол *стоять* мысль о *неподвижности,* стал сперва разнообразить сие понятие приставливанием к корню различных окончаний: *стоять, стать, ставить, становитъ, стояние, стоянка, стойкость.* Потом присовокуплением предлогов распространяет это разнообразие еще более: *настать, устать, наставить, поставить, постановить, постоянство, пристойность, состояние, пристань, устав.* Затем то же самое понятие относит к неподвижным вещам: *стол, столб, стеблъ, стог, стена, ступень.* Потом переходит к предметам умственным: *стыну, стужа, стыд, наст, пост, старость.* Все они произведены от понятия *стоять;* ибо *стыть,* говоря о жидкости, есть не что иное, как сгущаться, твердеть, и следовательно, из состояния подвижности, уступчивости переходить в состояние *стойкости,* неподвижности: *вода, кровь стынет* есть то же, что *останавливается,* замерзает. *Стужа* есть причина действия, выражаемого глаголом *стыну.* Хотя и не имеет ног, однако мы лучше и охотнее говорим: *стужа долго стоит,* нежели пребывает. *Стыд* или *студ* есть чувствование, изъявляющееся кратковременной *остановкою* крови, кинувшейся от сердца к лицу.

Слово *стыд,* писавшееся прежде *студ,* кажется непосредственно происходит от *студеностъ, стужа',* но это не препятствует ему происходить и от родоначаль-.: ного глагола *стоять,* поскольку *стыть* и *стужа* от него же происходят.

Другое, подобное стыду или стыдливости чувствование, называется от того же корня *застенчивость. Наст* есть имя, произведенное от глагола *стыну, настываю. 11ост* тоже, от глагола *постановляю.* Слово *старость* составлено из двух корней *ст* и *ар,* из которых первый принадлежит слову *останавливаюсь* или *престаю,* а второй - слову *ярость,* означающему (как из многих ветвей видеть можно) жизнь, силу, огонь, свойственные юности, которые с умножением лет уменьшаются, *стынут, престают* быть.

Во всех языках ум одинаковыми средствами извлекал ветви. Мы изображаем семейства слов деревьями. Славенин, например, приставя к корню *ст* окончание *оятъ,* произвел глагол *стоять.* Латинец, итальянец, немец, датчанин, голландец, англичанин, приставя к тому же корню *st* окончания, каждый свое, произвели глаголы: *stare, stehen, staae, staan, stand,* которые все значат одно и то же, что славенский

стоять. Сие обстоятельство доказывает ясно, что все они говорят тем языком, каким говорил отдаленнейший народ, общий их праотец. Если в каком слове корень не изъявляет понятия о неподвижности, то надо полагать тому две причины:

- Слово произведено от иного корня. Например, в нашем языке *струя, струна, страна,* хотя и вмещают буквы *ст,* однако происходят не от глагола *стою,* но от глагола *стру* (простираю).
- Понятие о неподвижности может иногда исчезать в ветвенном, но не исчезает в коренном значении. Например, в глаголе повелительного наклонения *ступай!* скорее представляется нам понятие о движении, нежели о неподвижности; однако по коренному смыслу значит он: *останавливайся на стопе.* В соединении двух противных между собою действий одно из них затмевает друго.е, так что мы под глаголом *ступай!* разумеем более *иди,* нежели *останавливайся.*

Латинские слова ***instabilis*** (нестойкий, непостоянный), ***consistere*** (состоять), ***insistere*** (настоять) точно по коренному и ветвенному смыслу соответствуют нашим словам, и потому нам не трудно видеть в них единство мысли.

Латинское ***obstaculum,*** по составу *противостояние,* а по смыслу *препятствие* (но *препятствие* или *препинание,* оба происходят от *препинаю,* а препинать иначе не можно, как *противостоянием).* Хоть и кажется нам, что мы различествуем с латинцем, выражая одно и то же понятие разными словами *(obstaculum* и *препятствие),* но когда две мысли соединяются в одну, то есть в двух языках означают один и тот же предмет, без сомнения, эти две мысли должны иметь какое-нибудь сходство или связь; ибо без того не могли бы соединяться в том предмете.

Antistitium*,* по составу *предстояние,* а по смыслу *преимущество* (ставить *на переди* есть не иное что, как отдавать первенство или преимущество).

Existere*,* по составу наше не употребительное *из-стоять,* а по смыслу *существовать* (ибо *стоять* значит иногда жить, пребывать). Глагол *existere* сокращен из *ex-sistere,* выпуском буквы *s*; а предлог *ex* соответствует нашему *из* или *от.* И мы часто говорим: *где ты стоишь!* вместо *живешь,* пребываешь. Следовательно, латинское *изстоятъ, existere* говорит: *пребывать от некоего начала;* (но пребывание от некоего начала, или по латинскому составу, *existentia, изстояние,* есть не что иное, как *существование).*

Superstitium, по составу наше неупотребительное *застойство,* а по смыслу *суеверие* (слово составом своим весьма различно с нашим, но которое, однако ж, по единству корня, легко понимать можем; ибо латинцы в языческие времена почитали христианскую мысль о *стоянии,* то есть пребывании *за* пределом жизни, *суетною верою* и потому под словом *застойство, superstitium,* разумели *суеверие.*

Таким образом, всякое иностранное слово, или абсолютное большинство не будут для нас чужды. Мы можем разуметь их не по сказанию от учителя или отысканию в словаре, но по разуму в них самих, в составе их или в корне заключающемуся. Различные языки, чрез приведение их к одному началу, сделаются нам понятнее. Мы будем знать, что такие, например, слова, коих не счесть: *стат или* ***штат,*** *статуя, статут, конституция, институт, станция, инстанция,* не составляют никакого преимущества тех языков пред нашим.

Заговор по-французски и по-английски ***complot.*** Частица их *com* соответствует нашему предлогу *со* (что видеть можно из многих слов, как-то: *cotbiner, comagnon, composition, сочетать, сотоварищ, сочинение);* корень *же plot* есть купно и наш *плот,* в словах *сплотить, плотина, плотно.* Итак, ежели составить слово *соплот,* то оно будет значить то же, что их *complot* (или наш заговор), то есть соединение, совокупление, как бы *сплочение* вместе многих воль.

Иной язык производит от общего корня две и более ветвей, а другой ни одной. Латинец, например, выражает нашу ветвь *стоять* двумя единокоренными ветвями: *stare* и *sistere.* Отсюда двоякие ветви: *constare* и *consistere* (обе значат *состоять,* но первая больше в смысле *сопребывать); adstare* и *adsistere,* изменяемое для слуха в *assistere,* собственно *пристоятъ* или *стоять* при ком, разумея *помогать.*

> **Примечатель.** Вдумайтесь. В языке нашем, а значит, и в жизни, кругом *ассистенты* иноплеменные, *стоящие* надсмотрщиками, вытесняют родных *могучих* (от слова мощь) помощников-соработников.

Француз, напротив, не имеет родоначального глагола *stare (стоять).* Он выражает его особым, ему одному свойственным, от иного корня словом *debout.* Однако, **не имея отца, имеет детей,** то есть производные от *st* ветви *rester, consister, arreter* (писавшемся прежде *arrester).* Француз не выражает нашего глагола *стоять* единокоренною с нами ветвью, но *стойкость, постоянство, расстояние, стоячую воду* называет теми же (т.е. от того же корня) именами: *stabilite, constance, distance, l'eau stagnante.*

Каждый народ производит ветви по своим соображениям. Мы, например, от глагола *стоять,* означающего неподвижность, стали говорить *стыть, стужа, стыд.* Латинец употребляет слова от иных корней.* Однако имеет и от сего корня ветви, нечто подобное означающие: слова его *stupor, stupefacto* (удивление, ужас), *stupiditas* (глупость), от того же самого понятия о *стоянии* (неподвижности) почерпнуты, как и наши *стынуть, стыд,* хотя совсем различное значат; ибо удивление и ужас есть *остановка* (оцепенение).

Немец выражает чувство сие от того же корня словом *starren,* мы в подобном смысле говорим *остолбенеть.* Равным образом и в слове *глупость (stupiditas)* скорее представляется нам *стояние,* медленность, неподвижность, нежели скорость или проворство. О глупом человеке не скажут: *быстр, как река,* но обыкновенно говорят: *стоит, как столб.* Латинец точно по такому же соображению о неподвижности мог от своего *stare* произвесть *stupiditas,* по какому мы от своего *стоять* произвели *стыть.*

Сходство и различие языков часто кажутся в превратном виде. Латинское *dies* и французское *jour* (день) не имеют в буквах ни малейшего сходства, но по происхождению и значению оба суть одно и то же слово. Напротив, латинское *prosto* и русское *просто* числом букв и выговором точно одинаковы, но происхождением и значением совершенно различны.
Латинское происходит от глагола *sto (стою)* и значит *предстою,* а русское от глагола *стру (простираю),* единокоренного с латинским *sterno.*

*В сих иных корнях часто примечаются сословы: немец стужу называет *kalte, kalt,* англичанин и датчанин *cold,* швед *kold,* голландец *koud.* Явно, что все сии слова единокорненны с нашим *хлад, холод.* Латинское *gelidus* (хладный), вероятно, к сему же корню принадлежит.

Отыскание общих корней поведет нас к познанию как своего, так и чужих языков, откроет существующее между ними родство и даст нам светильник, озаряющий те таинства, которые без того останутся сокрытыми во всегдашнем мраке. Тогда во всяком слове своем и чужом будем мы видеть мысль, а не простой звук с привязанным к нему неизвестно почему и откуда значением. Тогда вернее утвердятся грамматические правила, и точнее составится определяющий язык словопроизводный словарь. Тогда не будем мы в нем одно и то же дерево, из одного корня возникшее, рассекать на многие части, приемля ветви его за корни. Не станем, например, *сморкаю* и *мокрота,* или *стою* и *стою* разделять.

В словах *сморкаю* и *мокрота* корень один и тот же. Первое потому, что действием сим освобождаем мы себя от накопившейся в *носу мокроты,* и второе, в коренных буквах *мокр* и *морк* видим одну только переставку их, которая во всех языках весьма часто примечается.

В глаголах *стою* и *стою* виден также переход от одного понятия к другому, одним только перенесением ударения. Проследим за ходом мысли человеческой. Глагол *стать* или *стоять* произвел ветви *достать, состоять,* которые стали означать: первая, получить, ибо предлог *до* показывает приближение, прикосновение к какой-нибудь вещи, и следственно, коснуться до нее или *стать при ней* есть то же, что *иметь при себе* или получить ее. Потому под словом *достаток* стали разуметь получение и обладание многими вещами. Вторая ветвь *состоять* произвела *состояние,* т.е. *стояние* или пребывание в некотором положении относительно имущества, здоровья, чести. Сия мысль породила новые ветви *достояние, достоинство,* из которых под первою стали разуметь вещественное, а под второю нравственное имущество или обладание каким-либо благом. Таким образом глагол *стою,* по произведении ветви *достоинство,* сам, как новая рожденная от нее ветвь, изменился в *стою,* и перешел от понятия о *неподвижности* к понятию *ценности* вещей.

Рассуждая так, мы могли бы удобнее рассмотреть, что наше и что чужое, чего доселе ко вреду и стеснению языка своего часто не различаем. Покажем хоть один тому пример. От глагола *постановляю* произведено имя *пост* (подобно тому, как *рост от расту, мост от мощу).* Таким образом, коренное понятие глагола *постановляю* превратили в ветвенное *пост,* отнеся его определительно к *постановленному* или *установленному* для сухоядения времени. Между тем, мы употребляем *пост* и в значении стражи: *вот твой пост,* то есть место, где ты пребывать должен. В этом смысле почитаем мы его чужеязычным, взятым с францу*зского poste* или с немецкого *post* и употребляем с предлогами *аванпост* или *форпост.* Но оно более наше! Ведь иностранец от того же корня *st* и от того же глагола *поставить (postare)* произвел ту же самую *ветвъ posto.* Так отчего нам не употреблять его как собственное, *передовой пост* вместо *аванпост!* **Так будет по-русски.** Подобно тому употребляем мы неприятельский *стан* (говоря о войсках) и прекрасный *стан* (говоря о теле человеческом).

Говорить об одном слове, скажут, есть мелочь в отношении ко всему языку. Но пусть распространят сии рассуждения на тысячи иностранных слов, употребляемых в нашем языке!

Многие суть **наши собственные, принимаемые за чужие;** многие без всякой нужды предпочитаются своим; многие приводят в забвение или обветшание коренные наши, глубокомысленным умом произведенные ветви; многие принуждают нас составлять из них речи, нам не свойственные.

Нива запускаемая и не возделываемая не может называться безплодною.

Мы приглашаем всех любителей языка сообщать нам свои замечания, если где отыщется словопроизводство. Приглашение наше не относится к тем мнимым критикам, которые доказывают только, что можно, последуя движению страсти своей, ничего не зная, обо всем писать.

Разность в единстве и единство в разности

Для отыскания корней мы избираем славенский потому что он **отец безчисленного множества языков.**

Возьмем еще два слова, близкие значениями, и сравним. Мы увидим, что иностранные слова имеют один с нашими корень. *Сон: somnus, sommeil, sonno, sogno, songe. Сопеть* (произведшее глагол *спать}: sopire, soputo, assoupir. Дремать: dream, dormire, dormir.*

Первый столбец		***Второй столбец***	
Русское	*дрема*	Русское	*сон*
Английское	*dream*	Итальянское	*sonno*
Датское	*drom*	Латинское	*somnus*
Голландское	*droom*	Французское	*sommeil*
Немецкое	*traum*	Датское	*sovn*
Латинское	*dormire*	Итальянское	*sogno*
Итальянское	*dormire*	Французское	*songe*
Французское	*dormir*		

Восемь разных народов употребляют не восемь разных, но два только слова к выражению двух действий природы *сна*

и *дремоты,* столь же смежных между собой, как единозвучие и смысл сих столбцов слов.

Англичанин и немец имеют слова первого столбца *dream, traum,* а второго совсем не имеют; ибо по-английски сон называется *sleep* или *sleepiness,* по-голландски *slaap,* по-немецки *schlaf.* В славенском языке - *слеп, слепота,* по смежности понятий. *Спящему* столько же свойственно *сопеть,* как и быть *слепым,* поскольку во время сна глаза его закрыты, и он ничего не видит.

Самое слово *слепота* имеет начало свое от глаголов *лепить, липнуть;* ибо когда ресницы наши смыкаются или *слипаются,* тогда мы бываем слепы, и следственно, слово *слепота* произошло от *слипота.*

Обратимся теперь к корню *дремать, дрема, dormir, dream.* Сколь ни отдаленно от него покажется нам слово *дурь,* но мы не находим ближайшего к нему понятия. Легко станется, что слово *дрема* изменилось из *дуръма;* ибо *дремание* есть некоторым образом *одурение,* поскольку во время его все способности нашего разума прекращаются.

Англичанин, например, под словом *dormitory* разумеет кладбище; о том, что у нас называют *мертвым капиталом,* говорит он, *деньги, лежащие в дремоте: топеу that lies dormant;* мечтателя, как бы во сне бредящего, называет он *dreamer.*

Могло ли такое случиться, если б сие согласие языков не истекало из одного и того же источника, то есть первобытного языка? Следовательно, каждый должен начала свои искать в нем; ибо познание всякой вещи почерпается из познания начал ее. Разность языков не должна приводить нас в отчаяние найти в них единство, а узнав его, мы узнаем, каким образом произошла их разность.

Что означает слово *язык!*

Немец язык называет *zunge,* но прежде называли, и ныне в некоторых областях называют *gezunge.* В этом слове буквы *ezug* ясно показывают близость его со словом *язык.* Разлагая сие славенское слово, находим, что оно составлено из местоимения *я* и имени *зык,* так что заключает в себе выражение: ***я (есмь) зык,*** то есть звук, звон, голос, гул. Славенское не по ветвенному только или условному значению (как в других языках), но само собою, т.е.

заключающимся в нем разумом, показывает описываемую им вещь. Итак, ***я есть орудие голоса...***

Другие языки также не могли по произволу давать имена вещам; потому надлежит, чтоб и их слова имели какое-нибудь начало. А если нет его в них, посмотрим, не окажет ли славенский язык во всех прочих великого участия?
Возьмем сравнительный словарь и выпишем из него слово *язык* на многих языках:

По-славенски язык
По-иллирийски, сербски язик
По-кашубски ензик
По-польски ендзик
По-богемски гацик*
По-старо-персидски гезуе
По-осетски абзаг*
По-ассирийски абсаг
По-черкес-кабардински бзек
По-германски цунге
По-тевтонски цунгун

*Хотя богемцы и пишут *gazik,* но произносят *iазик* или *язик.*

По-фризски тунг
По-датски и саксонски тунге
По-исландски и шведски тунга
По-английски тонг
По-готтийски тугго

Сии последние далеко отошли от нашего *язык,* но они суть измененные *цунге,* которое, как мы уже видели, сходствует с нашим. Главная разность составляет посторонняя буква *н (п);* но это не что иное, как произношение в нос. Таким образом, видим мы 30 языков или наречий, повторяющих с малыми и весьма приметными изменениями **то же самое имя, имеющее коренное значение свое в одном только славенском языке.**

По-эллински и ново-гречески глосса
По-кубачински гос**

Сие греческое название совершенно сходствует с нашим ***глас*** или *голос.* Следственно, должно быть славенское, отнесенное к понятию о *языке* (члене во рту), поскольку член сей есть равно орудие *зыка* или *голоса.* Но пойдем далее:

По-ново-персидски зубан, зубуниш
По-бухарски зюбан, тил
По-курдски себан

По-индейски джубан
По-индостански джиб
По-авгински жиба
По-балабански шиба

*Ежели от *абзак* отнимем *б,* то *азаг* подойдет близко *к язык.*
**Здесь очевидно выпущена буква л.

Названия сии сходствуют с нашим словом ***зубы,*** и поскольку перенесение одних понятий к другим, смежным с ними, везде примечается, то и могут *наше язык,* греческое *глосса* и персидское *зубан* или *зубаниш,* все три легко быть славенскими, поскольку сей член во рту нашем столь же есть орудие *зыка,* сколь *голоса* и *зубов.* Выше видели мы, что по старо-персидски сходственно со славенским *язык* называли *гезуе,* а в ново-персидском, тоже сходственно со славенским *зубы,* называется *зубан.* Итак, в одном и том же языке персидском было два названия, **оба звуком славенские, и оба по славенскому значению** приличны той вещи, которая ими описуется.

По-пеельски гуобия, гозуан

Гозуан хотя и много различествует со славенским *язык,* однако буквы *азуг,* как ни перемешаны в нем, но еще составляют немалое сходство; а второе *гуобия* оче- ; видно есть славенское ***губы,*** отнесенное, таким же, как и в других языках образом, к разумению под ним орудия губ, то есть *языка.*

По-арабски лизаан, лезан
По-сирийски лешон
По-еврейски лашон
По-халдейски лишну
По-карасински лакша

Сличая слова сии с русским ***лизать,*** французским *lecher,* итальянским *leccare,* немецким *lecken,* которые все означают действие, производимое языком, не ясно ли видно, что одно и то же слово, с некоторыми изменениями в произношении, служило у разных народов, заимствовавших его у общего предка, к изъявлению одного и того же действия? Карасинс-кое *лакша,* при сличении с нашим *лакать,* то же самое подтверждает. Семейство языков, во главе с латинским, именуют язык общим корнем *lingua.*

Есть семья языков, называющих язык *тел, тил, тыл.* Они единозвучны со славенским ***тело,*** которое легко могло быть обращено к разумению под ним языка, отличающегося от общего слова *тело* тем, что не имеет в себе костей.

Заключение. Мы назвали ***язык,*** сей кусок *тела* во рту, как орудие *звука* или ***зыка;*** но ежели бы взяли его за орудие *голоса,* или *зубов* или *губ,* то назвали бы его, как греки, ***голосником*** (глосса), или как персияне, ***зубчиком*** (зубан), или как пеельцы, ***губником*** (гуобия). Равным образом, когда бы произвели имя его от глаголов *лизать, лакать,* то назвали бы его, как арабы, ***лизуном*** (лизаан).

Примечатель. Итак, наше славянорусское слово ***язык*** *-* ***я*** *есмь зык, я есть орудие голоса* -одно среди других наречий, как первоначальное, отцовское, имеет смысловую полноту.

КРАТКИЙ АЗБУЧНЫЙ СЛОВАРЬ,

открывающий происхождение слов

Словопроизводство, то есть открытие в словах того первоначального понятия, от которого они произведены, есть наука, столь же для познания языка необходимая, как в геометрии доказательство. Когда скажут мне, что в треугольнике три угла равны двум прямым, то знание мое основано будет только на доверии к тому, кто мне это сказал; но когда то же самое докажут мне, тогда постигну я сие собственным моим умом, и никто уже меня в том не разуверит.

Так точно и в языке: доколе в слове не вижу я понятия, от которого оно происходит, до тех пор оно для меня чуждо, пустозвучно. Ибо я не знаю, почему означает оно эту, а не другую вещь или мысль. Так мне сказали, и я этому верю. Но когда я сам увижу, какое понятие с каким смежно, как соответствующие им названия одни от других рождались, тогда откроется мне и мысль человеческая, составлявшая язык, и сам язык во всей своей силе.

Тогда я узнаю, где навык исказил его по невежеству, а где здравый смысл изменял немного слова, чтобы, смягчая в них грубое иногда сплетение букв, сделать их благогласными.

БИЛО. Уменьшительное *бильцо,* по старинным лечебникам значит - *пульс,* и происходит от глагола *бить* или *биться,* потому что он *бьется,* ударяет в приложенную к нему руку. Пульс взято с латинского *pulso,* толкаю, стучу; но *толкаю* и *бью* суть смежные понятия. И тогда зачем нам свое бросать, а чужое принимать, и чрез то уменьшать богатство нашего языка, а значит, и ума.

БЛЕКНУТЬ. БЛЕСК. БЛЕДНЕТЬ. БЛЯХА. Всесии слова происходят от прилагательного *белый,* поскольку выражают общее понятие о *белизне.* Каждое из них произошло чрез

сокращение: *бляха* из *беляха, бледнеть* из *беледнетъ* (становиться белым), *блекнуть* из *белек-нутъ* (тоже становиться белым), *блеск* из *белеск* (нечто белое). И в других языках найдем многие от сего корня слова: французские *blanc, blanquette, belle;* латинские *bellus, blancus;* английские *blanc, bleaching;* немецкие *blass, blecken, blech, blitz.*

БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ. Происходить от глагола *боду, бо-сти (бодать),* из которого чрез выпуск *д* (прошедшее время, *бол}* сделано имя *боль:* уподоблено, как бы причина страдания происходила от чего-либо нас *бодущего* или *колющего.* Отсюда род недуга называется *коликою.* Слово свое *колика* называем мы иностранным, но почему оно иностранное? Мало ли у них слов, сходных с нашими? В чем состоит болезнь сия? В некоторой рези или *колотье* в желудке. Мы от *гореть, чесать* говорим *горячка, чесотка;* почему же от *колоть* не будет *колика!*

БОЙ и ВОЙ. Происходят от одинакового начала и столь же сходны звуком своим, сколько по природе своей близки, смежны; где *бой* (битва, сражение), там непременно и *вой* от поражаемых и страждущих, или вообще шум, крик.

БОРОДА. См. Волос.

БРЕВНО. Сокращено из *боревно,* т.е. дерево, выросшее в *бору,* так как слово *бор* означает крупный лес.

БРУСНИКА. (Ягода). Имя сокращенное из *борус-ника,* потому что растет в *бору.*

ВЕДРО. Вероятно, испорчено из водро, от имени вода.

ВЕЧЕР. Без сомнения, изменилось из *ветшер,* от глагола *ветшать* (т.е. стареть, приходить в *ветхость},* поскольку вечер есть последнее время или *ветшание,* старость дня.

ВИХРЬ. ВЬЮГА. ВЬЮШКА. ВЬЮН. ВИХОР. От глагола *вить, вью.* Из *вияхер* (то есть вьющий) чрез сокращение сделался *вихрь.* Потому *вьюга* (непогода), что снег от ветра кружится, *вьется.* Потому *вьюшка,* что на нее навивают нитки или что иное. Потому *вьюн* (род водяного червя), что, будучи длинен и тонок, изгибается, *вьется.* Потому *вихор* (клок волос кудрявый), что закорючен, *завит.*

ВИШНЯ. От глагола *висеть, вишу.*

ВЛАДЕТЬ, ВЛАСТЬ. Сокращено из *володеть, во-лодею,* т.е. *волю свою дею,* делаю.

ВОДА. Вероятно, происходит от глагола *веду,* поскольку реки течением своим всякую плавающую на них вещь несут, *ведут,* влекут.

ВОЛК. (Зверь). Некоторые производят имя сие от глагола *волоку,* потому что волки часто таскают, *увлекают* из стада овец. Но мне кажется, ближе происходит оно от имени *вой,* поскольку говорится: *волк воет.* Итак, из причастия *воющий* легко могло сделаться имя *воик* (по сербски *вук),* и потом изменив букву *и* в *л,* стали говорить *волк.*

ВОЛОС. Изменившееся из *вылаз,* от глагола *вылезаю* (т.е. выхожу, вырастаю), равно как и *борода* от подобного же глагола *бреду; ибо лезу* и *бреду,* оба означают шествие, движение. Под словами *волосы лезут* разумеется, что они совсем выходят вон из головы.

ВОНЗИТЬ. См. Нога.

ВОРОБЕЙ. Сокращенно *врабий.* Происходит от *вороб,* т.е. хищение, хищник. *Пустить войска на вороб* (Нестерова летопись), т.е. на грабеж, на разорение неприятеля.

ВЫСПРЕННОСТЬ. Составлено из слов *высота* и *парение.*

ВЕНЕЦ. Иначе *венок.* Без сомнения из *виенец,* от глагола *вию, вить.*

ГАДАТЬ. Происходит от слова *год,* означающего:

• Вообще время: *и все множество людий бе молитву дея вне, в год*
фимиама (Лк. 1,10), т. е. во время жертвоприношения.

• Приспевшее или наставшее время, иначе называемое словом *пора,* как-то: *пора* ехать, *пора* спать. *Жена егда рождает, скорбь имат, яко прииде год ея.* (Ин. **1(6,**21), т.е. пришла *пора,* наступило время родин.

• Известное, определяемое солнечным движением время: *один год, два года.* Отсюда ветви: *погодить, перегодить* (дать пройти некоторому времени), *пригодится* (т.е. придет год, пора, время, в которое то, что теперь кажется нам не надобно, будет надобно). Отсюда же *гадать* (изменившееся из *гадать),* т.е. вопрошать о будущем, неизвестном времени. Также и другие ветви: *угадать, выгодатъ, выгода, погода, годно, негодно, угодить.*

ГВОЗДИЧКА. См. Гвоздь.

ГВОЗДЬ. Имя, изменившееся из *хвост,* поскольку гвоздь состоит из так называемой *шляпки* и *хвостика,* из которых нижняя часть принята за целое, и от слова *хвост* или *хвостик* сделалось *гвоздик, гвоздь.*
Напротив, *гриб,* образом своим точно похожий на *гвоздь,* получил название свое не от нижней, а от верхней части: *гриб* от слова *горб,* поскольку его шляпка обыкновенно бывает *горбатая.* Вот почему цветок, по подобию с гвоздем,

называем мы *гвоздичка,* тогда как богемцы и чехи тот же самый цветок называют *гребичек* (грибочек).

ГЛУБИНА. Сокращенное от *голубина:* вода на глубоких местах имеет цвет *голубой* или *синий* и потому всегда говорится *сине море;* цветы синий и голубой близки между собой.

ГНЕЗДО. Сложное имя из глаголов *гнету* и *зижду,* ибо это действительно такое *здание,* которое птица, как во время делания, так и во время сидения на нем, сперва, утаптывая, *созидает,* и потом, сидя, *гнетет.*
Сравните с другими языками: *nest* (английский, немецкий), *naesta* (шведский), *nidus* (латинский), *nido* (итальянский), но другие языки не показывают его коренного значения, а славенский показывает,

ГОЛУБИКА. (Ягода). По *голубому* цвету своему.

ГОЛУБЬ. Дикие голуби, иначе называемые *вяхири,* всегда бывают *голубого* цвета. Прочие получили по ним свое название.

ГОЛОД. От слова *голо,* т.е. пусто. Частица *од* изменилась из слова *ядъ* (яства, пища), так что из *голоядъ* стало *голод.*

ГОРОХ. (Овощ). На малороссийском наречии *грох,* потому что сухой *грохочет,* т.е. катаясь или сыпясь, делает шум, *грохот.*

ГРАНИЦА. В некоторых старинных книгах писали *храница* от глагола *хранить:* какая-либо отделяемая от других земля или область *хранится.*

ДИТЯ и ТИТЯ. В сих двух словах приметны как близость звуков, так и смежность понятий; ибо *дитя* (младенец) питается всегда от *тити* (груди) матери своей.

ДЕНЬ. Откуда слово сие происходит? Наверное, от глагола *дею* (т.е. *делаю),* ибо всего ближе, после мысли о ночном покое, бездействии, встречается мысль о делах, трудах, отколе из *деяние* пору или время сперва назвали *дейня, дейнъ,* а потом сократили в *день.*

ДОЛГ. Так это слово пишется у нас, а в других славенских наречиях dug, *dlug*. Корень здесь *дуг.* Ибо мы имеем слово *недуг - немощь,* а *дуг -мощь* (сила), *дюжий* (крепкий). Отсюда по изменению корня мы говорим: *долгу на мне столько-то,* и предлог здесь *на* показывает, что мы под словом *долг* разумеем некое возлежащее на нас бремя.

ЕДА. *Еда может слепец слепца водити!* (Лк. 6,39). Сокращение из *егда* или *когда.*

ЕДВА. Составлено и сокращено из слов *есть диво.* См. *Чуть.*

ЖНУ. ЖМУ. См. *Мигать.*

ЗАМОК и ЗАМОК. Понятие о *замке* перенесено к понятию о *замке* по тому соображению, что в старинные времена *замки* (здания, домы), являя род крепостей или твердынь, строились обыкновенно на горах и обносились вокруг стеною или оградою с воротами, которые по ночам запирались. Отсюда, сходно с глаголом замыкать, произошли имена *замок* и *замок.*

ЗАНОЗА. См. *Нога.*

ЗВЕЗДА. Некоторые составляют слово сие из *свет зда;* под словом *здо* разумеется крыша, кровля дома. Хотя словопроизводство сие весьма согласуется со смыслом, однако есть другое, простейшее, и потому вероятнейшее. Слово сие в других славенских наречиях пишется и говорится *hwesda (звезда).* И так легко могло у нас из *гвезда* сделаться *звезда.* Слово же *гвезда* могло произойти от *гвоздь,* поскольку в ясную ночь небо бывает усыпано звездами - как бы светлыми, сияющими *гвоздями.*

ЗЕМЛЯНИКА. (Ягода). Потому, что низко растет к земле.

ЗЕРНЕТКА. По-иностранному *пилюля.* От *зерно,* походит на круглое зерно.

ЗМЕЯ. В некоторых старинных книгах вместо *змея* написано *змлея,* из чего явствует, что слово сие, означая ползающую брюхом по земле тварь, сперва из *землея* сократилось в *змлея,* а потом в *змея.*

ЗЕНИЦА. Слово сокращено выпуском из него буквы *р*: вместо *зреница* (от глагола *зрю)* стали говорить и писать *зеница,* иначе *зрачок.* Отсюда же простонародное *зенки,* вместо *зренки* или *зрачки.*

ИНОГДА. По старинному *оногда.* Сокращенное из слов ИНАго ГоДА, или ОНАго ГоДА (с изменением буквы а в о).

КЛОНИТЬ. Происходит от слова *коло* (колесо). Из *колоню,* т.е. привожу в образ *кола* или *колеса,* чрез выпуск буквы *о,* сделалось *клоню;* ибо все то, что мы гнем, сгибаем, приемлет вид колеса, то есть округлости.

КЛУБНИКА. (Ягода). От слова *клуб,* потому что крутостью образа своего подобна *клубу,* шару.

КЛУБ. Клубок, тоже от слова *коло,* сокращенное из *колоб* или *колуб* в *клуб* и означающее круглость, шар. Мы стеснили его значение, говоря только *клуб* дыма или *клубок* ниток, *клубень* да *клубника;* но иностранцы под тем же словом *globe, globus* разумеют шар вообще, а особливо

земной. Мы взяли их *глобус,* а свое *клуб* бросили, относя только к ниткам.

КОГДА. Слово сокращено из слов КОеГо гоДА; ибо под словом *год* или *година* разумеется время, пора.

КОГТИ. См. Нога.

КОЛОКОЛ. Получил название оттого, что в прежние времена, когда не было еще их медных, употреблялась медная жердь, иначе называемая *кол,* по которому другим подобным же *колом* ударяли. От сего ударения *кол о кол* утвердилось имя *колокол.*

КОРА. См. *курносый.*

КОРОТКО. *Или кратко.* Происходит от кора.

КУРНОСЫЙ. Первая часть слова *кур* есть не что иное, как сокращение, имеющее одинаковый корень и значение со словом *короткий, краткий,* первоначально происходящим от слова *кора.* Многих иностранных языков слова *corto* (итальянский), *court* (французский), *kurtz* (немецкий), *kort* (датский) того же корня.

ЛГАТЬ. *Ложь, лгу* происходят отлежу, *лягу (лагаю,* в соединении с предлогами, как-то: *полагаю, слагаю). Лгать,* с предлогом *солгать,* есть не иное что, как *солагатъ,* сокращенно *слагать* (то же, что *складывать);* ибо *ложь* состоит в *слагании* (складывании, соплетении, выдумывании) небылиц.

ЛОБЫЗАТЬ. Сокращенно лобзать. Отдельно взятое *ызать* пустозвучно, напротив, сокращенное из слов *лоб лизать* точно выражает совершаемое действие. Отсюда глагол *лобзаются* в просторечии заменяем мы иногда глаголом *лижутся.* Равнозначащее с ним *цалую* или *целую* изъявляет точно ту же мысль, происходя от имени *чело* (то же, что и *лоб)* с изменением *ч* в *ц. Целую* говорит то же самое, что и *лобжу,* т.е. *лоб лижу.* Сие подтверждается и тем, что мы часто любовь или почтение наше изъявляем целованием в чело или лоб (так прикладываемся к мощам, или прощаемся с мертвыми, или отец ласкает сына); и второе, под словом *целование* разумеем приветствие, которое делается с преклонением *чела.*

ЛУК. Известное произрастение. От слова *лука* (изгиб, дуга), по причине кривизны боков его. Отсюда же *лук* (орудие для метания стрел), *луч, лукошко, лукоморье, лукавый, лукавство* и проч.

ЛЬЗЯ. (Также и отрицательное нельзя) происходит от глагола *лезу,* в старину употреблявшегося в одинаковом значении с глаголом *иду.* Из слов *лезе* и *нелезе* (то есть *идет*

и *не идет,* и ныне употребляемых в смысле *годится* или *не годится, можно* или *не можно)* вышли словальзя и *нельзя.*

ЛЕЧИТЬ. Изменен и сокращен из глагол (облегчать); ибо и поныне понятие о *легкости* соединяется с понятием об *уменьшении болезни.* Мы обычно говорим: *ему сделалось легче,* вместо *он стал выздоравливать.*

ЛУНА. По причине сияния луны во время ночи происходит *от луч.*

ЛЯПАТЬ. Ляпнуть. Происходит от слова *лапа,* т.е. ударять лапою.

МАЛИНА. (Ягода). Потому, что *из малых* одна от другой отделяющихся частей составлена.

МЕДВЕДЬ. Слово составлено из имени *мед* и глагола *ведать,* по причине, что зверь сей великий охотник до *меду,* и следственно, всегда ищет, *проведывает,* где он.

МИГАТЬ. Означает частое *сжимание* ресниц. Сравните: *мигаю, мжу* или *мижу,* а также *мжение* или *мигание.Глагол мжу* есть не что иное, как переставка глагола *жму,* ибо означает то же самое, т.е. соединение, сближение, смыкание. Оба глагола произвели особые свои ветви. От *жму* произошли *сжимаю, прижимаю, жать,* а от *жать,* в свою очередь, *жатва, жну;* глагол *мжу* произвел *межа, смежность, между, мигаю, миг.*

МОРКОВЬ. Вероятно, от прилагательного *маркий,* потому что имеет красно-желтоватый цвет, что-нибудь белое удобно марающий.

МЫСЛИ. Составлено из местоимения *мы* и существительного *ели* или *слы* (более употребляемого с предлогом *послы, посол).* Ибо ничего нет приличнее, как называть *мысли* наши *послами.* Действительно, кажется, ум посылает их для представления пред ним образа тех вещей, о которых он рассуждать хочет.

МЫШЦА. Слово произошло отимешшом/ь (сила); ибо человеческая *мощь* или сила состоит более в руках. *Измощца* (трудного для произношения) сделалась *мышца,* в просторечии *мышка.*

МЕСТО. Ветвь происходит от глагола *стою, стоять* (от корня *ст).* Она составлена из слов *мое стояние* (пребывание), сокращенных сперва в *мое сто,* а потом в *место,* с обращением от собственного лица на всякое другое. Подобным же образом составлены и от того же корня произведены слова/гост, *пост, наст.*

МЕСЯЦ. Слово происходит от наречия *менше* (меньше), по сравнению сего шара с солнечным.Из имени *менсец* (т.е.

меньший) сделалось *месец* или *месяц.* Латинское то ж самое слово *тепш,* от того же наречия *ттш* происходящее, удержало в себе букву *п,* но итальянское *тезе,* так же, как и наше, выпускает ее.

На многих языках понятие о светиле (месяце) и о том, что есть мало, меньше, выражаются сходными между собой словами.

Сравните: *mensis* - *minus* (лат.);
тепо - *тese* (итал.);
тois - *тoins* (франц.);
тinder - *тond* (нем.).

МЯТА, (трава). Лист ее мягок, сморщен и кажется смятым.

НАПРАСНО. Слово употребляется в двух смежных, однако несколько различных смыслах, как например: *напрасно* (тщетно, по-пустому) *ты на меня клевещешь,* возводить напраслину. Или: ***напрасно*** (т.е. нечаянно, внезапно) ***Судия приидет и коегождо*** (т.е.каждого) ***деяния обнажатся*** (молитва). Оно испорчено из *напраздно* (богемцы пишут его без порчи, *naprazdno),* поскольку *праздность* означает пустоту, тщетность, бездейственность, безполезность.

НАУКА, с ветвями *учить, учение, учитель, научаться.* По смежности понятий и близости выговора букв *ких* могло измениться из *науха,* ибо главным образом приобретается посредством .уха или *слышания.* Навык хотя и делает для нас дикими слова *наушиться, ушитель* вместо *научиться, учитель,* однако рассудок не может не согласиться, что *научиться* есть *наслышаться,* и что *учитель* есть не иное что, как *внушитель* или наставник ума нашего чрез нашивши.

НИЖУ и НИЖУ. Оба происходят от слова *низ.* Одно пустило ветви: *низать, нанизать* (ибо нанизываемые на нитку вещи обыкновенно одна за другою опускаются к *низу).* От другого ветви *низить, понизить, унижать.*

НИТЬ. Вероятно, происходит от слова *низ.* Из глагола *низить* сделалось существительное имя *нить,* в просторечии *нитка,* по тому соображению, что когда ее прядут, то она, последуя веретену, тянется к низу.

НИЦ. Происходит от слова *низ,* поскольку *пасть ниц на землю,* значит, упасть вниз головою, а не вверх подняться.

НИЩИЙ. Тоже от *низ,* т.е. *низчий,* или *низший.*

НОГА. Во множественном *ноги* и *нози,* вероятно, происходит от слова *низ.* Чрез изменение букв легко могло из *низи* (т.е. нижние части тела) сделаться *нози* и *ноги.* Отсюда

уменьшительное *ножки* (тоже нижние части у стола и стула). Отсюда же *ногти* и *когти,* поскольку вырастают из *ноги.* Буква *к* заступила *н* для отличения звериных и птичьих *когтей* от человеческих *ногтей.* Но оба сии слова из одного корня. Сравните: *орлиные когти,* но: *мала птичка, да ноготок остер.* Буква *к* сменила *н* потому, что *когть* твердостию своею, а особливо у больших зверей, ближе, чем *ноготь,* подходит к тому, что называется *кость.*

Поскольку *ноготь* или *коготь,* подобно другим частям тела, никогда волосами, шерстью и перьями не покрывается, то отсюда произошло слово *нагота* с прочими ветвями, а от *наготы* сделалась ***наглость,*** дерзкий, не прикрытый никакой благопристойностью, поступок.

Слово *нож;* отсюда же происходит, потому, что нижняя его часть, черенок, представляется нам как бы некою *ножкою,* за которою держат его в руке. Сравните: черенок листа - *ножка,* стебелек. От слова *нож:* произошел глагол *вонзить* (сокращенный из *вонозитъ* или *воножитъ,* т.е. воткнуть нож), и также слово *заноза* (нечто, как бы нож, воткнувшееся).

НОЗДРИ. Составленное и сокращенное из *нос* и *диры.* По-богемски *дирки до носа,* по-немецки *nasenlocher.*

НОЧЬ. Сокращено из отрицательной частицы *не* и слова *очи,* так что из *не очъ* (т.е. нет очей) сделалось *ночь;* ибо ночью человек не видит, как бы не было у него глаз.

НЕКОГДА. Сокращено из слов НЕКОего ГоДА.

ОБЕДНЯ. В словах *всенощная, заутреня, вечерня* видим мы, что молебствия сии по порядку времени, в какое совершаются, названия свои получили от *нощь, утро, вечер;* следовательно, нет сомнения, что и слово *обедня* составлено из имени *день* и предлога *об,* как бы сказать, *ободенная,* т.е. днем или в течение дня совершаемая.

ОБЕД. Отнимем предлог *об,* тогда остальное *ед* покажет, что слово происходит от *еда* (есть, ем).

ОМУТ. От наречия *мутно;* ибо предлог *о* показывает со всех сторон окружение, а вода на глубоком месте, окруженном мелководьем, обыкновенно кажется *мутнее, темнее.*

ОПЕНКИ. Род грибов. Без сомнения от *пень,* растут на пнях.

ОРЮ, *орать.* Слово сие через переставку букв из *рою* сделалось *орю.* Значение его не переменилось, но только из общего стало частным, *т.е.рою* плугом землю для посева хлеба. Действие сие означается другим тот же смысл

имеющим глаголом *пахать,* который также, для отличения частного от общего, из *пихать* сделался *пахать;* ибо когда *мыроем,* то вместе и *пихаем.* От *орю* произошло имя *рало,* которому надлежало бы называться *рыло* (от глагола *рыть),* если б рылом не назван был нос у свиньи, которым *онароет* землю.

ОЧУТИТЬСЯ. Иные думают, что он ветвь от глагола *чуять,* но несправедливо; ибо тогда выражение *как ты здесь очутился!* - будет значить: *как ты здесь почуял или почувствовал себя!* Но приличен ли такой вопрос *нечаянному* появлению? Не согласнее ли с рассудком *очутиться* производить от *чудо,* тогда: как ты здесь *очутился* (по корню *очудился)* будет, согласно с внезапностью появления, значить: *какое чудо, что ты здесь!*

ПЕНЬ, ПЕНЬКА, ПЕНЬТЮХ. Слова, происходящие от глагола *пинаю.* Первое потому, что *препинает* путь; второе потому, что *пенька* при выделывании ее из конопель наполнена бывает как бы маленькими изломанными *пнями;* третье потому, что глупый или непроворный человек уподобляется *пню.*

ПЕПЛ. В просторечии *пепел,* а в старинных книгах *попел,* очевидно составлено из предлога *по* и существительного *пыл,* то есть остатки от вещи, истребленной *пылом* или *пламенем.*

ПЕРО, ПЕРИЛА, ПРАЧКА. От глагола *пру, переть,* поскольку птица, летя, *опирается* перьями о воздух. *Перила* тоже служат к *опиранию* об них.

Прачка, моя или стирая белье, бьет вальком или *попирает* его.

ПЕСКАРЬ. Потому что водится на *песчаном* дне.

ПИТЬ и ПЕТЬ. Здесь как в звуках, так и в понятиях смежность, поскольку *пью* означает действие *впускания в гортань* какой-либо жидкости, а *пою* выражает *испускание из гортани* голоса.

ПИШУ. *Писать.* Происходит от глагола *пинаю,* поскольку действие писания сопряжено неразрывно с действием *пинания* (толкания) пером в бумагу. Буква *н* выпускается и вместо *пиншу, пинсатъ,* говорится *пишу, писать.* Многие слова на иностранных языках от того же понятия происходят.

ПЛЕЖУ и ПОЛЗУ. Оба глагола составляют один и тот же; оба сложены из слов *пол илежу,* или *пол илезу,* сокращенных в *плежу* и *ползу* (ибо *ж* и *з* всегда меняются местами). Действие их совершенно одинаковое: змея *плежит* или *ползет,* значит то же, как бы растянув слова, сказать:

пололежит или *пололезет,* т.е. ; *по полу* или *по полю лежа или лезя,* движется.

ПЛОТЬ. (Тело). Происходит от глагола *плотитъ, стачивать* (т.е. соединять одну часть плотно с другой), поскольку всякий составтела так соединен, сложен вместе. Впрочем, может быть и от глагола *плодить* (с изменением буквы *д* в *т),* потому как всякое тело плодится.

ПЛЮЩУ, ПЛЮЩИТЬ. Происходит от слова *плоско,* так как значит *делаю плоским.* Из *плосчу* изменилось в *плющу.*

ПЛЮЮ. Сокращено из *полюю,* т.е. извергаю | мокроту изо рта на *пол.*

ПЛЯСАТЬ. Происходит от *пол* (т.е. помост) или| *поле,* или же составлено из одного из сих слов и неупотребительного более глагола*ясать* (т.е. сиять, блестеть), от которого, однако ж, произошли слова яснеть, *ясный, ясно.* Таким образом, слово сие говорит: на полу (т.е. на помосте в горнице) или на поле (т.е. на какой-либо открытой площадке) выказывать себя, прельщать, блистать, *ясать* искусством своих телодвижений.

ПОДРАЖАТЬ. Я причисляю его к корню *ражу, разить, раз,* то есть удар, оставляющий по себе какой-нибудь знак или черту. Отсюда слова: *разражать, поражать, выражать, заражать, образ,* которые изъявляют мысль о напечатлении знака, остающегося после раза или удара.

ПОЛТОРА. Слово составлено из двух слов. Первое *пол или* половина имеет свое значение; но что значит второе *тора*!* Оно неизвестно в языке, а между тем долженствует что-нибудь значить; ибо без того слово *полтора* будет безсмысленно, потому как непонятно, какую оно половину означает. Итак, ясно, что *тора* не окончание, но слово *вторый,* от которого первоначальная буква *в* отброшена, так что из *полвтора* сделалось *полтора* (то есть половина второго или один с половиною). Таким же образом говорим полтретьего (т.е. два с половиною), полчетвертого (т.е. три с половиною) и так далее.

ПОРОХ и ПРАХ. Невзирая на различие в значении, в языке составляют они одно и то же слово; ибо хотя мы под словом *порох* разумеем некий особенный *прах,* возгорающийся и вмещающий в себя великую силу огня, однако и в обыкновенном смысле говорим: *глаза напорошило.*

Заметим: *пыль,* сослов слова *прах,* единокорнен со словами *пыл, поломя, пламя,* синонимами огня.

В иностранных языках то же самое примечается: латинское *pulvis,* немецкое *pulver,* итальянское *polvere,*

французское *poudre* все означают как *прах,* так равно *порох* и *пыль.* Впрочем, вероятно, что слово *порох* было первоначальное, сократившееся для возвышения слога в *прах,* подобно *как молоко, норов, корова* сокращены в *млеко, нрав, крава.* Слово же лорах по-видимому, составлено из предлога *по* и глагола *рушить;* ибо означает самомельчайшие частицы, в какие превращаются хрупкие тела по совершенном *их разрушении.* Буква *ш* сменяется иногда буквой *х (рушиться, рухнуться).* Итак, из *порух* (т.е. остающееся *по разрушении)* легко могло с изменением буквы *у* в *о* сделаться *порох* и *прах.*

ПОРЧУ, ПОРЧА. Портить, испортить. Слово сие со всеми ветвями происходит от глагола *реку, рещи,* от которого сперва произошло слово *порок,* а от него 1 *порочу* (т.е. из хорошего делаю худым), сократившееся в *порчу.*

ПОСТ. То же, что *постановление, установление.* Следовательно, составлено из предлога *по* и окончательных букв *ст,* сокращенных из глагола *стоять, ставить.*

Само слово *пост* употребляем мы в двух значениях, говорим *великий пост* и *передовой пост,* из которых первое называем русским, а второе французским, и вместо своего прилагательного *передовой* приставляем к нему иногда французское, иногда немецкое, называя то *аванпост,* то *форпост.*

Может ли при такой смеси слов процветать язык? Полезно ли славенский превращать в греко-татаро-латино-французско-немецко-русский язык? А без чистоты и разума языка может ли процветать словесность?

ПОЧТА. Слово сие называют французским, и действительно, производят из него французско-немецкие слова *почтальон, почтмейстер.* Но почему оно французское? У французов нет даже и буквы *ч.* Они под именем *poste* (происходящим от глагола *poster,* единокоренного и единозначащего с нашим *поставить* или, лучше сказать, от общего с нами и многими другими языками корня *ст,* изъявляющего понятие о *стоянии,* пребывании на одном месте) разумеют как *почту,* так и то, что мы в подобном же смысле называем *заставою.*

Так почему слово *почта* не мое, русское? Почему не мог я произвести его от своего глагола *почить, почию* (т.е. мешкаю, останавливаюсь для перемены лошадей)?

ПОТУХАТЬ и УТЕШАТЬ. Слова сии, невзирая на великую разность их значения, от одного и тоже корня происходят, и

потому означают смежные между собою понятия. Можно сие приметить из сличения колен и ветвей, от них производимых; ибо *утешить* есть не иное что, как *утишить* взволнованные печалью чувства. На одном из славенских наречий *tacheti* значит купно и *утешать,* и *утишать. Потушить* огонь или гнев также есть привесть их в *тишину,* в спокойствие, в бездействие.

ПРЕТИТЬ. Прещу, запрещаю. Вероятно, происходит от корня *пин* или *пят* (пинаю, пята) чрез глагол *препинать, препятствовать, препятить,* выпуская из сего последнего слог *пя.*

ПУКЕТ, ПУКЛЯ. Слова сии почитаются иностранными, принятыми в наш язык, потому что французы говорят *boucle, bouqet.* Но что значат они в общем или первоначальном смысле? Нечто *пуклое илираспучившееся* (т.е. противное тощему, сжатому). Для чего ж не могут они быть нашими, произведенными от русских, тот же корень и смысл имеющих слов, таковых как: *пук, пучок, пучиться, пучина, выпуклость!* Почему *купля* (от *купить)* наше, а *пукля* (от *пук,* или *пучиться)* не наше? Почему *обет* (от *обещаю}* наше, а *пукет* (от *пук* или *пучок)* не наше? Если мы не станем размышлять о языке своем, то конечно, из богатейшего и обильнейшего покажется он нам скудным.

ПЕНА. От глагола *пинаю;* так как делается от безпрестанного *пинания* (толкания, биения) волн между собою или в берег.

ПЯЛИТЬ, ПЕЛЕНА, ПЯЛЬЦЫ. Все сии слова происходят от глагола *пинать,* по следующему изменению *букв: распинаю* впрошедшем многократном *распинал,* в единократном же *распял.* И так очевидно, что сие последнее произвело и *пяльцы,* и *пялить,* и *пелена,* выражающие в частных смыслах то же действие, какое разумеется под словом *пинание.*

ПЯТА. Глагол *пинаю* произвел равнозначащие глаголы *препинаю,, препятствую,* а от сего последнего произошло имя *пята,* так как задняя часть ноги не позволяет, препятствует человеку удобно двигаться в ту сторону, где она. От слова *пята* произошел глагол *пятиться,* и слово *пятно,* которое от собственного значения, *пнутое,* то есть вдавленное *пятою* место, перешло к значению всякого напечатленного чем-либо знака. В некоторых славенских наречиях *пятно* называется *пнутка,* то есть знак *пнутого* ногою, или чем-либо иным места.

РАСПУТСТВО. Слово сие неправильно пишут и говорят, производя вместе с другими словами, таковыми *какраспутие, распутица,* от слова *путь;* но оно происходит не *отраспутие,* а от *глагола распускаться, распуститься,* и следовало бы писать его, как прежде; *жизнъраспустная,* а *не распутная.* Поляки правильнее нас пишут: *zicie rozspustne I bez ladu.*

РАТНИК. *Рать, ратовать.* Сие семейство слов потеряло в языке нашем отца своего, сохранившегося в других наречиях. Это слово*рат,* которое заменили мы словом *копие.* Впрочем,дога происходит *отрыть, ако-пие* от *копать,* глаголы имеющие одинаковое значение.

РДЕТЬ. Почему *рдеть* значит *краснеть!* Потому что происходит от слова *руда* (то есть кровь, которая всегда бывает красного цвета). Вместо *рудетъ, заруделся,* сокращая, говорят: *рдеть, зарделся.* Отсюда слова, тот же красный цвет означающие: латинское *rubrum,* французское *rouge,* итальянское *rosso,* немецкое *rote,* датское *rod,* наше общее с ними *роза*.

РЕДКО. Слово, вероятно, произошло от слова *ряд,* так что вместо *рядко* стали говорить и писать *редко.* (Буква я в произношении слышится иногда как *е:* например, вместо *ряды,* в *рядах,* мы часто произносим: *реды,* в *редах).* Мысль, подавшая повод к названию, та, что *слову ряды* всегда сопутствует понятие о некоторых пространствах или промежутках, находящихся между ними. Отсюда слово *рядко* (т.е. промежуточно, раздельно, не сплошь), изменясь в *редко,* утвердилось в сем значении.

РОД, со всеми своими ветвями *родственник, родиться, родитель.* Без сомнения, происходит от слова *руда,* означающего *кровь,* так как всякое живое существо родится от крови, и без нее существовать не может.

РОСА. Мы видели в слове *порох* первоначальное происхождение. От него произошел двояко произносимый глагол *порошить* и *поросить,* из которых первый относится более к сухим мелким частицам: *песком глаза напорошило,* а другой к мокрым или влажным: *на дворе поросит,* т.е. идет самый мелкий дождичек. (Отчего позднее стали говорить *моросит - изд.).*Отсюда глагол *порошить* произвел слово *по-роша,* а глагол *поросить* слово *роса,* пустившее от себя ветви *оросить, орошать.*

РОТОЗЕЙ. В сем слове окончание *зей* есть сокращение глагола *зевать.*

РЫКАТЬ. РЖАТЬ. РЫГАТЬ. РУГАТЬ. Все сии слова, яко близкие значением, происходят от одного и того же корня;

ибо рыкать ирычать говорится о голосе сильного животного, например, льва или быка. (Буква *к* удобно изменяется в *ч: река, речка, реку, речешь.) Ржать* говорится о таком же голосе лошадином. *Рыгать* изъявляет, хотя не столь громкое, но подобное же испускание некоего звучного дыхания из гортани. *Ругать* есть не иное что, как извержение из горла подобных *рыканию* или *рычанию* бранных слов. Отсюда вместо *ругать* часто говорится *изрыгнуть на кого гнев свой.*

РЫЧАГ. *Орудие ручное,* и потому происходит от *сяоварука.* Слово сие *изручаг* изменилось *врычаг,* и оттого происхождение его затмилось.

РЯБИНА. Ягода и по ней дерево. Потому, что ягода сия морщится и оттого *кажется рябою.*

САД. САЖА. СЯЖУ. САЖЕНЬ. Все слова сии происходят от *сидеть, сижу.* Потому *сад,* что в него *сажают* деревья, или семена разных растений. Потому *сажа,* что частицы дыма *садятся,* прилипают к стенам трубы. Глагол *сяжу* (со всеми своими ветвями *осязаю, посягаю, присяга),* вероятно, отсюда же происходит; ибо означает хватаю, прикасаюсь к чему рукою или иначе, кладу, *сажу, насаждаю* на что-либо мою руку, и чрез то получаю чувство, называемое *осязанием.*

Под словом *присяга* в первоначальном смысле разумеется приложение или *присажение* руки или уст моих к вещи священной. Отсюда слово *сажень* (в прежнем правописании *сяженъ),* так как, когда что меряют, то прикладывают, или *сяжут* ею, *присаживают* к земле.

СВИНЬЯ. Зверь сей более всего приметен тем, что имеет длинное рыло, которым, ища себе корму, часто роет землю, то есть *сует* в нее нос свой, и потому от глагола *совать, сую,* вместо *суинъя* назван *свинья.* (По-английски и шведски *swine,* по-датски *swiin,* по-немецки *schwein,* по-голландски *zwiin).*

СЕРГИ. В церковных книгах *усерязи* (т.е. *наряд ушей).* Из *усе* (уши) сократилось оно в *се,* а из *рязи* (ряжу, наряжаю) в *рги.* Кто в сем искажении узнает коренное значение его? Подобные сокращения или изменения слов, отторгнув многие из них от корня, сделали их первообразными, то есть неизвестно откуда происходящими.

СЕРДЦЕ. Слово, происходящее от понятия о *средине,* так как находится *посреди* груди. Оно через перестановку *буквре вер,* из *средце* сделалось *сердце,* равно как и *средина в* дереве называется не *средне-вина,* но *сердцевина.*

СИНИЦА. (Птичка). По *синему* цвету перьев.

СКОПЕЦ. Испорчено из *скепец,* от старинного глагола *кепать* (т.е. рубить, сечь, резать). См. в летописях такие выражения, как *головы саблями поскепаны.* Отчего, изменя буквы *ск* в *щ,* пошли ветви *щепоть, щепка.*

СЛОЙ. Без сомнения, от глагола лить, *лию,* ибо означает скопление или *слияние* одного ряда вещества над другим; например, *слой* чернозема над *слоем* глины.

СЛУГА. Произошло от слова *слух,* произведшего ветви *послушание, послушный* (т.е. повиновение, повинующийся). Отсюда из *слуха,* т.е. *слушающий,* преклоняющий *слух* свой к исполнению повелений другого, сделались, изменяя букву *х* в *г,* слова: *слуга, служитель, служить, служба.*

СЛЕПОТА. Слово происходит от глагола *липнуть, слипаться,* относя его к ресницам очей; ибо когда они *слипаются,* тогда глаза не могут видеть. В других языках, английском, немецком, по той же причине и под сими же словами *sleep, schlaf,* разумеют сон.

СМОРКАТЬ. Происходит от имени *мокрота,* чрез переставку букв *измокръморк.* Может быть, из *смокротатъ* (т.е. выпускать мокроту) сократилось в *сморкать, насморк.*

СМОРОДИНА. От *смрад, смород;* так как черная смородина испускает сильный и довольно тяжелый запах.

СНОХА. Сокращено из *сыноха,* т.е. сыновняя жена, по подобию слов пономариха, кузнечиха.

СОЛОВЕЙ. Сокращенно *славш* (птичка). От *имени слава,* по превосходству над другими, пения своего.

СОЛОМА. Сокращенно *слома.* От глагола *ломаю,* примечая, что она по тонкости своей удобно *сламывается.*

СОБОР, СОНМ. Оба слова (со всеми от них ветвями: *собрание, сборище)* происходят, первое, от глагола *беру,* второе от равнозначащего с ним *емлю* или *имаю.* Прежде вместо *собираются* говаривали *снемлются, соемлются.* Отсюда из *суем* сделалось *сейм;* а от *сойм, соимище* (изменяя букву *и* в *н,* подобно как в глаголах *съемлются* и *снемлются)* стали говорить *сонм, сонмище.*

СОПЕТЬ и ХРАПЕТЬ. Звукоподражательное тяжелому дыханию, какое человек испускает во время сна. Сие дыхание слышится иногда, как произношение букв *со,* или дребезжание в горле букв *хра,* и потому говорится *сопение, храпение.* Может быть, в составе сих слов соучаствует также и глагол *петь,* то есть вместо *петь со* или *петь хра,* стали говорить слитно: *сопеть, храпеть.*

СПЛЮ. В неопределенном *спать.* Без сомнения, от *соплю.* Смежность сих двух понятий очевидна, так как человек или иное какое животное, когда *спит,* тогда и *сопит.*

СТАРИНАРЬ. Происходит от слов *старость, старина.* Мы не употребляем сего названия. Оно взято в одном из славенских наречий: *starinar,* любитель древностей, собиратель старинных вещей. Следовательно, это тот, кого называем мы чужестранным именем *ан-тиквариус,* выражающим точно ту же мысль: латинское *ante,* соответствующее нашему *пред, перед,* означает *прежде бывшее,* т.е. старь, старину (подобно, как и мы в таком же смысле от своего слова *пред* говорим *предки).*

Для чего вместо чужеязычных невразумительных слов не брать собственные свои (если какое из них у нас не придумано) из славенских наречий? Неужели последовать тем, которые отделяя русский язык от сла-венского, запрещают употреблять славенские слова? Они слово *старинаръ* (невзирая на значение его, выражающее то же, что и латинское *антиквариус)* сочтут, по окончанию на *аръ,* славенским. По их мнению, можно говорить *пескарь,* это по-русски, а *старинаръ* нельзя, это будет по-славенски, противно вкусу. Я видел (едва веря глазам моим) маленький словарик славенского языка! В нем слово *зодчий* названо славенским и объяснено по-русски, *архитекто!* Основываясь на подобных толкованиях, вкус наш будет таков же, как и знание наше.

СТРУЧОК. Шелуха, в которой растет горох или бобы. От глагола *простираюсь, струсь,* так как обыкновенно бывает продолговатый, *простертый.*

СУЕТА. Очевидно от глагола *соваться, суюсь.*

ТОГДА. Сокращено из двух слов ТОГо гоДА.

ТОПОР. Происходит от глагола *тяпать,* то есть ударять. Из *тяпаръ* (ударятель, рубитель), сделался *топор.*

ТОПЫРИТЬСЯ. Нередко относят его к ветвям глагола *топать;* но по какому соображению к действию *топырения,* говоря о птицах, присоединяют понятие о *топанье!* Ясно, что здесь корень не *топ,* но *пыр,* от имени *перо.* Начальный слог *то,* может быть, отрывок от цельного слова, например, от глагола *толстеть,* тогда полное выражение *толстеть перьями* (т.е. распускать, расширять их) покажет точный смысл сокращенного выражения *топыриться.*

ТЕЛО. Кажется, происходит от старинного глагола *тытъ, тыю,* значащего толстеть, тучнеть; и тогда из *тило или тыло* (т.е. нечто тучное, плотное) сделалось *тело.* Сие подтверждается вторым со словом, *плоть.* Но может также происходить и от глагола *тлеть, тлею,* и тогда из слова *тля* или *тло* вышло *тело.* Сие последнее столь же вероятно, по сравнению *тленности* тела с *нетленностью* души.

ТРУД. Происходит от *тру, тереть,* поскольку всякое сильное *трение* сопряжено с некоторым усилием, напряжением.

УЖИН. *Ужинать.* Происходит от слова *юг,* означающего по течению солнца вечер. По сей причине слово *вечеря иужин* (изменившееся из *южин)* приемлются в одинаковом значении.

УХА. Похлебка из рыбы. Происходит от глагола *ухаю,* значащего то же, что обоняю. Итак, в слове.у;ш заключается мысль: яства, *издающие запах.* Сперва под таким именем разумелась всякая горячая похлебка, а потом стали разуметь одну только рыбную.

ЦАПЛЯ. (Птица). От глагола *цапать,* т.е. хватать; ибо питается хватанием маленьких рыб, и потому иначе называется *рыболов.*

ЦАРАПАТЬ. Произошло через переставку букв из *цапая рою* в *царапаю.*

ЦЕПЕНЕТЬ. Происходит от имени *цепь. Цепенею* значит *становлюсь цепью,* т.е. все части членов моих связуются, *сцепляются* между собою, перестают действовать особо и порознь, и чрез то превращают меня как бы в некое неживое, неподвижное существо.

ЧАС. Без сомнения, от *часть,* так как означает *часть* суток.

ЧЕЛОВЕК. Слово сие кажется составленным из двух цельных, без всякого изменения, слов *чело* и *век;* но сии два слова, порознь взятые, не дают ни малейшего понятия о *человеке.* Итак, надлежит думать, что оно испорчено из какого-нибудь иного слова. В некоторых славенских наречиях пишут и говорят *цловек.* Буквы *ч,цис* удобно заменяются одна другою; а потому *цловек* легко могло измениться из *словек* от имени *слово;* и тогда название *человек* (от *словек,* то есть *словесник)* будет действительно отличать свойство его от безсловесных тварей.

ЧЕПУХА. Вероятно, от слова *цепь,* по старинному *чепъ,* то есть сцепление, сплетение нелепостей, небылиц, вздоров.

ЧУТЬ. Слово нередко причитают к ветвям от глагола *чую,* но это несправедливо. Слово *чуть,* по коренным буквам *чудь,* происходит от имени *чудо,* как то все выражения, в коих оно находится, показывают. Каким образом к речам, например, *чуть не упал* или *чуть не проговорился,* приложить понятие о *чуянии,* то есть чувствовании, которое с ними нимало не клеится? Напротив того, *чудо что не упал, чудо что не проговорился* ясно показывают, что *чуть* ставится вместо *чудо.*

Богемцы говорят: *оп тпе prosil, diw mi ruce ne libal,* т.е. *он меня просил, диво мне рук не лобызал.* Слова *диво* и *чудо* значат одно и то же. Отсюда, если в выражении *диво мне рук не лобызал* вместо *диво* поставить *чудо* или *чуть* или *едва,* смысл выражения не переменится. Следовательно, *чуть* и *едва,* как употребляющиеся в одинаковом значении, должны непременно и происходить от слов, одинаковое понятие изъявляющих. Не ясно ли: слово *едва* есть сложное, сокращенное из слов *есть диво.* Сокращение тем удобнее могло сделаться, что простой народ и поныне глагол есть сокращает в одну гласную *е.* Так из *е диво* произошло *едва.*

ШЕРОХОВАТОСТЬ, от *шароховатый,* т.е. не гладкий, имеющий на своей поверхности какие-либо горбы или шишки. Происходит от слова *шар.*

ШЕРШАВЫЙ. Происходит от *шерсть:* ибо, говоря о человеческих волосах, под именем *шершавые* разумеем короткие, всклокоченные, подобно *шерсти* животных.

ШЛЕМ. *Шелом.* Вероятно, происходит от *холм,* имея по возвышенности своей некоторое с ним подобие. Буква *х* легко могла измениться в *ш.* По-немецки согласно с нами шлем называется *Не1т,* а холм (или остров) *Но1т.*

ЩЕГЛЕНОК. (Птичка). От глагола *щеголять,* так как имеет разноцветные красивые перья.

ЩУРИТЬ, *щурю.* Происходит от *чур,* т.е. рубеж, предел или *черту* (слово от сего же корня произведенное). Отсюда вместо: не ходи далее за предел или черту, говорим мы сокращенным образом: *чур далее не ходить, чур не играть.* Слово *щурить* произошло от *сочурятъ* (сзаменой букв на *щ),* то есть сводить зеницы очей к проходящему по средине глаза пределу, *черте* или *чуру.*

Азбучный и словопроизводный словари

Каким образом сохранится словопроизводство, или иначе сказать, родословие, когда одно и то же поколение разделится на множество других? Может ли одна и та же река течь из десяти источников? Азбучный и словопроизводный словари совершенно между собой противны. Азбучный разрывает всякую между словами связь; словопроизводный, напротив, отыскивает ее со строгим исследованием.

Азбучному нет никакой надобности до начала и происхождения слов; он показывает только ветвен-ное их значение, не заботясь, из какой мысли оно породилось. Словопроизводный, напротив, открывает в ветвенном значении коренное, и таким образом восходит к самому началу созидавших язык мыслей человеческих. Первый

нужен для случайных справок о словах, второй для познания языка **во всем его пространстве.**

Отче, отец, отечество

ОТЕЦ. *Ат, ата, отец (или отец), атер, фатер, патер, падре, пер.* Французское слово *pere* (отец), сократясь из латинског *pater*, хотя и потеряло коренной слог *at,* но в произведенных от него ветвях *patrie* (отечество), *paternel* (отеческий) опять к нему возвращается. Отсюда можно видеть, что как ни различны французское слово *patrie,* или латинское *patria,* со славенским *отечество,* но они составляют две отрасли, от одного и того же корня произросшие; ибо корень их есть слог *ат* (at), от коего произошли и *отец, и pater.*

От начала первых времен, когда отца называли *ата,* между сим словом и словом *отечество* прошло несколько веков. Из многих доказательств явствует, что все нынешние народы называют *отца* тем же самым словом, каким Адама называли дети его, внучата и правнучата. Слово *Адам* есть соединение слогов *ад* и *ам,* из коих каждое означало, как и ныне во многих языках, *отца.*

Одни народы под тем же названием разумеют Бога, под каким другие - *небо;* третьи - *отца;* но имена сии часто сливаем мы в одно понятие: в восклицании, например, *о небо*\| Или в молитве *Отче наш иже еси на небеси,* под словами *небо* и *отче* разумеем Бога.

СВЯТЫЙ, *святость.* Относя понятия о *светлости* к Божеству, из имени *свет* произвели мы слово *свят, святый.*

Один корень, разные смыслы: у нас *мужество,* у них *гуманизм*

МУЖ. Во многих языках *муж* и *человек* приемлются одно за другое. Мы, например, говорим *знаменитый муж* вместо *знаменитый* человек. Малороссияне вместо *муж:* говорят *чоловик.* Слоги или корни *муж:, ман, мар,* при всех изменениях своих во всех языках изъявляют одинаковое понятие, то есть означают почтенного летами или женатого человека (как-то в славенском муж, в немецком *тапп)* или только женатого (как-то, во французском *tari,* в итальянском *tarito),* или просто человека.

Сие согласие между многими языками показывает, что *слоги муж, ман, мар* суть не особые и различные корни, но один и тот же. Славенскоежуж, изменяясь постепенно в *муус, оммоуц, менш, ман,* произвело имена: *гомо, омм, гоман.* (Буква *г* или иностранная *h* не во всяком языке выговаривается: француз произносит *отте,* а пишет *Нотте).* Очевидно, что латинское *homo,* французское *hотте,* хотя чрез сокращение и потеряли коренной слог *муж,* удержали из него только букву *т.* Впрочем, в других их ветвях этот корень снова примечаем: в производных от *homo* именах *humanitas, humanite* (человечество). Здесь опять видим коренной слог *тап.* Имена *мужа* и *человека* в иностранных языках, коренными слогами своими *тап, таг* не показывают, какою заключающейся в них мыслью подали они повод к составлению этих имен. **Следственно, коренные слоги не суть их собственные, но вошедшие к ним из другого языка.**

Напротив, **славенское *муж* совмещает в себе коренное значение;** ибо происходит, имеет начало свое от глагола *могу, мочь,* пустившего от себя ветви *мощь, могущество.* Название *муж,* происходя от сей мысли, свойственно человеку *мужеского* пола, поскольку он отличается от женского телесною *мощью* (то есть крепостью, силой), и, одаренный словом и разумом, господствует над всеми животными. Слово *мускулы* (по-нашему *мышцы)* вошло в язык с латинского *тusculus* или французского *тшsc1es;* но они ведь тоже происходят от нашего слова *муж,* поскольку означают те составы в нашем теле, посредством напряжения которых рождается в нас сила. Ломоносов, олицетворяя подземный огонь, сказал о нем:

Напрягся мышцами и рамена подвигнул,
И тяготу земли превыше облак вскинул.

Во всех наречиях следы славенского языка

Каким образом, видя повсюду следы славенского языка, усомнимся, что не он есть самый древнейший? Другие языки должны прибегать к нему для отыскивания в нем первых своих начал. Возьмем немецкое словоуойг (год). Немец, испытуя один свой язык, не

найдет первоначальной в сем слове мысли. Когда же прибегнем к славенскому языку, то увидим, что корень *яр* означает свойство огня или солнечную теплоту; ибо многие произведенные от сего корня ветви, как-то: *жар, вар, пар, ярость,* это показывают. На многих славенских наречиях весну называют яро, по причине теплоты воздуха, откуда и мы произвели *свое яровое, ярка, ярко.*

Ясно, что немецкое *jahr* есть славенское *яро*, с тою разностью, что **немец, взяв часть за целое,** разумеет под сим год, а не весну, подобно как из славенского *зима,* взяв одну часть времени за другую, сделал он ***sommer*** (лето). Весна по-немецки называется *frhjahr или fruhling.* Слово *fruhjahr* - есть сложное из слова *fruh* (рано) и *jahr* (год), следовательно, значит *ранний год.* Посему и *слово fruhling* должно также быть сложное; слово *ling* не имеет в немецком языке значения, и потому, вероятно, есть испорченное славенское *лето,* так *что fruhling значит раннее лето.*

Итальянец весну называет *primavera.* Слово *prita* означает первая, следовательно, и приставленное к нему *vera* не есть окончание, а должно быть имя, о котором словом *prima* говорится, что оно первое. Но в итальянском языке слово *vera* не имеет значения. Мы видели, что в славенском *языке яро* (откуда и немецкое *jahr)* означает то время года, когда солнечный зной наиболее господствует.

Итак, очевидно, что итальянское *vera* есть славянское *яро,* к которому слово *prita* (первая) приставлено: действительно, весна есть первое начало жаркого времени.

Немецкий язык был некогда славенский

Птица *рябчик* по-немецки называется *rabhun.* Слово *hип* означает курицу. Неоспоримо, что в сем сложном слове часть его *rab* есть прилагательное, означающее род курицы. Но в немецком языке оно ничего не значит, а потому значение надлежит искать в славенском, где птица эта, по *рябости* или пестроте перьев своих, именуется *рябчик.* Вот почему немец *рябчика* называет *рябою курицей*

Немецкое *stein* значит *камень.* Но слово сие есть славянское *стена.* Объясним причину, по какой два народа одно и то же слово, от общего предка, употребляют в разных значениях. Камень, один, составляет иногда целую гору или скалу, бока которой часто бывают так утесисты, что представляют зрению вместе и камень, и стену. Такое

соединение двух понятий в одном предмете подает повод переходить от одного к другому.

Немец, славенское слово изменив в *stein,* хотя и стал разуметь под ним не *стену,* а *камень,* однако прежнее значение не совсем истребил. Отсюда печную трубу называет он *schornstein.* Слово сие очевидно составлено из *schorn* и *stein.* Не ясно ли, что это славенские слова *черн* и *стена,* поскольку означают *черную стену,* или стены, закоптелые от дыма. Без знания славенского языка каким образом из понятия о *камне* (stein), соединенного с каким-то неизвестным в немецком языке словом можно сделать понятие о трубе? *schorn,* без сомнения, слово славенское: немец, не имея буквы *ч,* не может иначе сказать *черн,* как *шорн,*

Немец под словом *gatte* разумеет *супруга,* мужа. В старинном русском языке находим мы название *хотя,* тоже означающее супруга или мужа. Между *gatte* и *хотя* главное различие делает буква *g,* но она есть точно такое ж гортанное произношение, как *h* и *ch.* Следовательно, *gatte* может легко быть одно и то же с славенским *хотя,* но славенский имеет начало свое от *хотение* (желание, вожделение), подобно, *как милый от умиления души.* Немецкое, напротив, без славенского не может быть истолковано.

Примечатель. Родные слова, как добрые пастыри. Воистину, дух правды дышит и вещает где хочет. И наши живые слова сами проводят сравнительный анализ меж собою. Находят повсюду родных и близких корешков, но на роскошных улицах европейских наречий, удивляясь, едва узнают толпы некогда своих, а ныне совсем опущенных и отвязанных безпризорни-ков бессловесных.

Немец говорит *kaufen,* голландец *koopen,* датчанин *kiobe,* русский *купить.* Покажем единство этих слов. Наша *у* часто выражается иностранными *аи.* Букву *р* сами немцы часто смешивают с *f* итак: разность между этими словами только в том, что немец к корню *kauf* или *kaup* или *kup* приставил окончание *еп,* а русский к тому же корню окончание *ить.* Но окончания не составляют существенного значения слов.

Итак, немецкое *kaufеп* есть одно и то же с русским *купить.*

Наше *купить* происходит от слова *купа.* Первоначальное значение его *купить,* т.е. собирать в *купу.* Корень *куп* изменен в *коп,* и сделано слово *копить,* и с перенесением ударения на второй слог *(купить)* слово стало означать

смежное *понятие: приобретать вещи платою за них денег; ибо приобретать* есть не что иное, как копить или купить, т.е. собирать их в *купу.* Такой же переход от одного понятия к смежному можем мы видеть и в иных ветвях, как например, в слове *скупость,* которое раньше писалось *скупство, и* следовательно, в первоначальном смысле означало *скопство, скопление, совокупление.* Отсюда *скупой* тот, кто любит *копить* или *купить* или *совокуплять.* Итак, мы показали источник мыслей, которого немец в слове своем *kaufen* показать не может.

Немецкий язык был некогда славенский, и хотя стечением времени весьма изменился, однако ж многие следы его в себе сохраняет; и для отыскания первоначального в словах своих смысла имеет в славенском, как в праотце своем, великую надобность.

Из военного дневника государственного секретаря А.С. Шишкова 1812-14 годов. Я поехал за Государем и нагнал его в *Комметау.* Местечко на Богемской границе, верстах в восьмидесяти от Дрездена. Имя сие испорчено из славенского, как то можно видеть из надписи, начертанной на воротах его: ***Homutovo* (т.е *Хомутово).*** Нынешние названия многих немецких городов и местечек суть имена, искаженные из славенских слов: из ***Хомутово Комметау,*** из ***Липецка Лейпциг,*** из ***Кралев-градец Кениг-гретц,*** из ***Болеслав Бунслау,*** из ***Борислав Бреслау,*** из ***Будисын Будисин*** или ***Бауцен.* В** историческом описании сего последнего местечка повествуется, что построитель его дал ему имя *буди сын,* по той причине, что жена его в это время была беременна, и он желал появления сына.

Русское *купа,* в словах *копить, копна* (на других славенских наречиях *kupa, kopa),* голландское *hoop,* шведское *hop,* датское *hob,* немецкое *kuppe* и *haufe,* при разных правописаниях есть одно и то же, по сугубому сходству букв и значения. Славенин скажет: мой корень *куп* или *коп* смеживает понятия *копить* и *копать,* поскольку действие *копания* (земли, песку) производит; на ровном месте яму; а где яма, там выкопанная из нее земля должна непременно составлять некоторую *купу* или *копу* (нечто *совокупное, накопленное,* или как в немецком и других языках говорится: *haufe, hoop, hop и hob.* Но поскольку в тех языках не сохранилось славенское *копать,* а выражается славенским же от иного корня словом *graben* (от *гребсти),* то и **прервалась у них связь мыслей,** существующая у нас между словами *купа* и *копать,* и не существующая более между их словами *haufe* (купа) и *graben* (копать).

Посмотрим еще, как иностранцы толкуют происхождение слов. Без верного путеводителя, то есть древнего языка, подобные изыскания часто ошибочны.

НОЧЬ, ношь. *Nacht, naht, nagt, natt, night, notte, noche, nuit, nuccht, nayt, noig, neut, nos, nox, nax, noy.* Без. сомнения, есть одно и то же слово, с некоторым в произношении различием повторяемое. Ибо иначе как в стольких языках сохранило бы единство начальных букв? Немец Аделунг толкует сие слово от греческого *noxos,* сличая с латинским *niger,* черное. Вот как и трудолюбивейшие исследователи слов не могут без знания славенского добираться до коренного их значения! От какой коренной мысли произошло греческое *noxos,* известное нам только по ветвенному значению *(ночь, темнота),* остаемся мы в том же неведении, в каком и прежде были. Итак, прибегнем к славенскому языку.

Греки и латинцы не имели буквы *ч* и потому не могли славенского *ночь* написать и произносить, как *пux, nox.* Другие языки тоже заменяли нашу букву *ч.* Из славенского слова явствует, что оно составлено из отрицательной частицы *не* и множественного числа имени *очи,* т.е. из *не очъ* (нет очей) сократилось в *ночь.* Вот его происхождение! Пусть на другом языке покажут мне коренное значение ближайшее, чем *нет очей,* тогда я поверю, что не другие языки взяли его с славенского, но славенский от одного из них.

Верхушка французская, а корешок наш: ***гвардия охраняет гардероб***

Француз говорит *garder* (хранить или стеречь), *garde* (страж или стражи), итальянец тоже, *guardare, guardia.* Спроси их, откуда слова сии получили значение - в своих языках ответа не найдут. Слово *garde* есть, так сказать, верхушка, оставшаяся от дерева, скрывающего корень свой в древнейшем языке. Поищем то дерево в нашем славенском.

Славенина сама природа научила говорить *гром,* откуда, через сношение и уподобление одного понятия с другим, произвел он слова *гора, горожу, город* или *град.* Словами *огораживаю* и *ограждаю* и словами *охраняю* или *берегу* или *стерегу* (откуда и слово *страж: стража),* невзирая на разность корней их, изъявляются одинаковые или весьма сходные действия; ибо *ограда* или *ограждение* есть то же, что *стража,* поскольку *стража* есть некоторым образом ограда, и *ограда* есть некоторым образом *стража:* то и другое делается или ставится для сохранения места или чего иного. Отчего, почти

повторяя одно и то же, говорим: *береги, стереги, охраняй.* Итак, славенин, начиная от корня, то есть от самой первой мысли своей, переходя от одного понятия к другому, не прерывая течения одной и той же мысли, дойдет до слов *ограда, ограждение,* смежных со словами *охранение, сбережение, стережете. Но не так* иностранцы, тот же корень имеющие.

Славенин говорит *град* и разумеет под ним то, что француз под словами *cite* или *ville;* француз говорит *garde* и разумеет под ним то, что славенин под словом *стража.* Первое, между словами *град* и *garde* нет иной разности, кроме переставки букв *ра* в *ar.* Второе, смежность понятий между словами *град* и *стража* могла французу дать мысль под славенским *град,* измененным в *garde,* разуметь *стражу;* ибо в коренном смысле *ограда, огород, ограждение* есть то же, что *град* или *сограждение.*

Многие другие слова, в разных языках, то же подтверждают. Мы под словами *огород, ограда* (происходящими от *горожу),* разумеем обгороженное или огражденное место. Датчане, немцы, шведы, англичане, латинцы, итальянцы, французы под словами своими *guard, garten, gard, yard, hortus, orto или giardino, jardin,* явно один и тот же корень имеющих, разумеют то же самое, т.е. *огород* или *обгороженное* место. Голландец сад или огород называет *tuin:* без сомнения, славенское *тын,* т.к. *тын* есть тоже *ограда* или *ограждение.* Итак, славенин может, чрез открытие в языке своем корня, видеть, каким образом текущая из него мысль, переходя от одного смежного понятия к другому, порождает стебль и ветви общего многим языкам древа. Он доберется до коренного значения, как своих, так и чужих колен и ветвей; но иностранец без славенского языка встретит великие в том затруднения и препятствия.

Например, француз, исследуя один свой язык, никаким образом не может добраться до того, чтоб слова свои *garde* (ограда в смысле стражи) и *jardin* (огород, в смысле сада) почитать от одного корня происходящими, как то показывают славенские слова. Славенин дойдет до значения их по лестнице, начиная от корня *гр,* и переходя к коленам *гора, горожу, город, огород;* но француз (как, разумеется, и другие языки) при словах *garde* и *jardin* остановится. В языке его название *гром, гора, город* произведены от разных корней *tonner, montagne, ville,* и следственно, ни между собою, ни со словами *garde* и *jardin* не имеют никакой постигаемой мыслями связи. **Таким образом, слова сии, будучи**

отторжены от корня, становятся неизвестно откуда произошедшими.

Дерево французское от них начинается и производит свои ветви, например, *regarder* (смотреть или глядеть). Мы хотя такого глагола не произвели от корня *гр,* однако по связи колен нашего дерева можем видеть, почему француз под словом *regarder* разумеет *смотреть.* Собственный язык нам объяснит. Глагол *смотреть* в выражении, например, *смотри на меня,* значит просто *гляди;* но в выражении: *смотри, не попадись в беду!* значит то же, что охраняй, *ограждай* себя, *остерегайся,* то есть имей зрение свое *оградою, стражем* своим! **Вот преимущество славенина: он по корням языка своего может доходить до коренного смысла чужеязычных слов, неизвестного тем самим, кто употребляют их!**

Покажем еще один тому пример. Француз говорит *(гардероб).* Слово сие они сами в словарях определяют: *комната для поклажи платья, белья.* Мы имеем подобное слово *ризница,* но стесняя обыкновенно смысл слов наших, дабы после, нуждаясь ими, принимать чужеязычные, употребляем его в особенном смысле, говоря только о хранилище *риз* (лишь священнические одеяния). Не хотим также говорить *одеждохранилище,* и, приписуя нехотение свое бедности языка, объясняемся французским *гардероб.* Я говорю французским, но француз составил это название из славенских слов, и, следовательно, **говорит по-русски.** Каким это образом? - возопиют против меня и французы, и русские. (Может быть, последние еще больше первых). Вот каким, милостивые государи, если угодно вам без гнева меня выслушать. Мы уже видели происхождение французского *garde,* изменившегося из нашего *град,* и значащего у них *ограду, ограждение* (или по смежному понятию *охранение, хранилище).* Рассмотрим теперь слово ***robe*** (платье). Итальянец под тем же словом *roba* тоже разумеет одежду. Если спросить у них: что, собственно, по коренному своему смыслу значат их слова *robe, roba?* Они не найдут объяснения, кроме: так говорится.

Но посмотрим наше семейство слов, на этом корне основанных: глагол *рубить* произвел *слоъарубец* или *рубчик* (знак, оставшийся от посечения или порубления), а от сего произошли *имешруб, рубище* (т.е. толстая ткань или одежда, имеющая *рубцам* подобные нити: *извне убо царскими одеждами одеянна, внутрь жерубы власяными.* Пролог, 12 *апреля); рубаха шшрубашка,* оттого, что швы ее, *какрубцы,*

откуда и говорится *обрубить* платок, то есть обшить его по краям. Теперь мы можем смело и безошибочно заключить. Французское *robe,* итальянское *roba* и славенское дуб, *рубище, рубаха,* как единством букв, так и единством значения, совершенно сходны. **В других языках не видим мы происхождения сих слов, а в славенском видим.**

Почему же при стольких доводах сомневаться можем, что французское *garderobe* не происходит от славенских *град* и *руб?* Мы уже видели, что *garde* произошло от нашего *град,* и говорит то же, что наши, от этого же корня произведенные *ограда, ограждение,*или по иному корню, *охранение* (ибо что *ограждено,* то и *хранимо).* Мы видели, что слово их *robe* говорит то же, что наши *руб, рубаха, рубище* (в общем смысле, одежда, платье). Итак, какое ж сомнение остается: сложное их *garderobe* - славенское *ограда рубое,* т.е. *хранилище одежд!* Пускай без славенского языка попытаются они с подобною же ясностью вывесть значение слова своего.

Стоять лежанием

Немец говорит *lager* и мы за ним также *лагерь.* Немец, читая наши книги и находя в них свое слово, скажет: русский язык так беден, что не может выразить слова *lager* и принужден его от нас заимствовать. Он прав, и везде в наших выражениях найдем подтверждение тому, что мы, составляя их по его языку, говорим: *разбить лагерь, стать лагерем.* Но откуда немец произвел слово свое *lager!* От глагола *liegen* или *legen;* но глагол сей один и корнем, и значением с нашим *лягу, лежу, положу, полагаю.* Итак, он под словом столько же своим, сколь и нашим, *lager,* разумеет нечто лежащее. Мы не произвели слова сего от *лежу,* но от *стою* и говорим *стан.* Глагол наш *стоять* есть единокоренной с немецким *stehen.* Таким образом, корень у нас общий; одни только окончания различны. Но не окончания, а корни содержат в себе значение, по корням должно судить о разуме слов. Почему немецкое, от славенского же происходящее *lager* предпочитаем мы нашему *стан!* И для чего умствуя не по-своему, а по-немецки, вместо *стоять станом* или *становать* говорим *стоять лагерем,* то есть по разуму слов, ***стоять лежанием!*** Навык, конечно, ко всему может приучать, но там надлежало бы от него отвыкать, где он во время отсутствия рассудка укоренился.

Граница **на замке**

Немецкое ***schrank*** значит *поставец* или *шкап,* в котором для сохранения ставятся или кладутся какие-нибудь вещи. Следовательно, по употреблению он не иное что, как *хранилище.* Немецкий язык не показывает, откуда слово сие произошло. Поищем коренного значения в славенском языке. Немец произносит *шранк;* но буквы *ch* выговариваются иногда как наше *х* (например, в словах *1achеп, tachеп);* итак, без всякой перемены букв может оно произносимо быть и *схранк;* тогда выйдет по-славенски *схранка, сохранна, хранилище;* но что иное их *schrnk* как не *хранилище!.*

Немец говорит ***granze*** (граница, межа, рубеж, предел), и он же в одинаковом смысле употребляет глаголы *be**granz**en,* от *granze* и *be**schrank**en,* от *schrank* (ограничить, обмежевать). Из сего явствует, что слова их *granze* и *schrank,* невзирая на великую в ветвенном значении разность *(граница* и *шкап)* должны в коренном смысле иметь сходство.

Мы уже знаем, что их *schrank* от нашего *сохранять.* Теперь рассмотрим *granze.* Немцы и мы за ними говорим, что наше слово ***граница*** взято с их языка: но чём они то докажут? А я, напротив, утверждаю, что их *granze* взято со славенского и вот мои доказательства. Славенское *граница* (по-настоящему *храница)* происходит от *хранить,* равно как и слово *хрань* (произносимая *грань).* Слова эти означают пределы всякой поверхности или площади земной *(граница),* пределы тела, особливо драгоценных камней *(грань).*

Мысль весьма естественная, поскольку всякие пределы суть, конечно, *хранители* того, что в них содержится. Таким образом, пределы тела справедливо называем мы *гранями,* а пределы поверхности *границами* (правильнее, *хранями* и *храницами).*

Немецкий язык не сблизит слов своих *schrank* и *granze,* не выведет, почему глаголы *be**schrank**en* и *be**granz**en* значат одно и то же. Славенский, напротив, сближает их и показывает как происхождение от одного корня или понятия *(хранить),* так и единство коренного их значения (невзирая на великую разность ветвенного).

Но когда слово на одном языке вместе с ветвенным значением показывает и коренное, а на другом коренного не показывает, то неоспоримо, что слово принадлежит первому из языков, славенскому.

Кто кого везет:

кучер коляску,* или *коляска кучера!

Немец говорит *kutsche* (коляска), *kutscher* (возница). Кто из нас усомнится, что слово *кучер* немецкое? Но почему оно немецкое, когда на других языках и всех славенских наречиях означает одно и то же? Коляска называется:

По-немецки	kutsche, kalesche
По-итальянски	cocchio, ca1esso
По-французски	coche, caleche
По-английски	coach
По-польски	cozh, cotch
По-богемски	kocj, kotcj
По-словацки	coc
По-сербски	kutscha

Какому ж языку принадлежит слово *кучер!* Не тому ли, в котором докажется, что имя сие дано согласно со свойствами называемой им вещи? В нашем языке находим слово *коча* или *коч,* на северном океане употребляемое судно, с одною мачтою и палубой. Хотя у нас *коч* употребляется только в значении некоторого водоходного судна, однако видно, что оно также и сухопутную повозку или коляску значило; ибо от него произошли слова *кочевать, кочующий* народ, т.е. такой, который живет не в домах, но в *кочах* (в кибитках, повозках, наподобие подвижных изб) и переезжает в них с места на место. Сверх того, другие, вероятно, от сего же корня слова *кочка, кочан, куча, куща* показывают нечто возвышенное, округлое, похожее на *кочу,* т.е. шалаш или маленький домик. Таким образом видим, что слово *коч* или *коча* в нашем языке не чуждое и означает то же самое, что и в других языках и славенских наречиях.

Наши означающие повозку слова: *колесница, коляска, колымага,* в сложных словах *колка (одноколка);* по некоторым славенским наречиям, *колица* или *колча.* Таким образом, *коляска* или *колесница* или *колка* означает вещь, имеющую *колеса;* а *коло* или *колесо* корнем своим показывает круглость; ибо все происходящие от него ветви *(коло, около, око, околица, околичность, кольцо,* коловратность) суть имена вещей круглых или содержащих в себе понятие о круглости. Примеры выпускания одной буквы из слов, при извлечении ветвей из корня, часто встречаются. Так и здесь легко могло от слова *коло* произойти *колица* или *колча,* а от *колча* сделаться *коча.*

Итак, в славенском происхождение слова *коча* весьма вероятно доказывается, чего другие языки с равной

вероятностью, конечно, вывесть не могут. Притом же они при названиях *kutsche, cocchio, coche, coach,* ту же самую вещь называют и *kalesche, ca1esso, caleche, ca1ash.* Имена явно единокоренные с нашим *коляска,* происходящим от *коло, колесо,* которое в их языках не называется этим именем.

Следовательно, когда мы говорим *коляска* или *колесница,* то знаем, что эта вещь имеет *колеса,* и что *коло* или *колесо* по корню своему означает нечто круглое. Напротив, немцу, итальянцу, французу, англичанину употребляемое ими с малыми изменениями то же самое слово *коляска* не дает ни малейшего описания вещи, которую они неизвестно откуда происходящим именем называют.

Следовательно, чтоб иметь о словах своих такое же ясное понятие, какое мы о своих имеем, **должны они начало их искать в славенском языке, или остаться при одних условных значениях,** не зная причины, по какой ту или иную вещь называют. **Неведение вовлекает во многие ошибочные в языке своем суждения.** Я не спорю, что мы слово ***кучер*** взяли с немецкого *kutscher,* но немецкое *kutsche* и *kutscher* есть славенское *коча* и ***кочаръ.*** Вольно нам собственное слово брать от других и называть не своим. Вникая глубже в славенский язык, мы много подобных примеров найдем.

Куда *клонит* славянин

Славенин говорит ***клоню*** *(клонить),* латинец *clino,* итальянец *declinare, inclinare,* француз *decliner, incliner,* англичанин *to decline, to incline.* Отсюда на всех языках пойдут ветви *declinazione, inclinazione, declinaison, inclination, склонение, склонность,* из коих каждая, сохраняя корень *клн* или *кл (clп),* сохраняет и главное, то есть общее всем понятие о *кривизне;* ибо ничто наклоненное не может быть *прямо.* На каком языке можно яснее усмотреть причину, по которой корень *клон* или *clin (кл)* во всякой происшедшей от него ветви сохраняет кривизну? Без сомнения, тот язык, в котором это откроется, должен быть праотцем других, поскольку из него течет первоначальная мысль. На славенском языке многие от сего корня слова, как-то: *око, коло или колесо, кольцо, колено* означают всегда или круглые или согнутые вещи.

Следовательно, глагол *клоню* (разумеется, и все его ветви), как корнем своим, так и значением показывает сродство с вышеозначенными словами, и вероятно из *колоню* (т.е. сгибаю наподобие *кола* или *колеса)* сокращено в *клоню.* Итак, понятие о *кривизне,* общее всем разноязычным ветвям, **влечет начало**

свое в славенском языке, в нем едином корень сей примечается.

Может ли ничто родить смысл?

Мы, употребляя в книгах наших слова ***радикс, радиус,*** почитаем их латинскими *(radix, radius),* но они скорее наши, чем латинские. Рассмотрим их. ***Radix*** по латыни в собственном смысле значит *корень у дерева,* в иносказательном же *корень числа* (в арифметике). ***Radius*** значит луч, также и прутик или розга, в геометрии же приемлется за полупоперечник круга. Отнимем у обоих слов окончания *ix, ius,* существенная часть их останется ***rad****.*

Я вопрошаю: по какому рассуждению или соображению латинец, приставя к звуку *rad* (ничего в языке его не значит) окончания *ix, ius,* тоже ничего не значащие (поскольку окончания без корня не составляют смысла), стал под одним из сих слов разуметь *корень,* а под другим три разные вещи, *луч, розга и полупоперечник!* **Могут ли два ничего составлять нечто, или два пустозвучия произвесть смысл?** И может ли неизвестность значения корня открыть смежность понятий между ним и его ветвями? Или каким образом в словах *radix, radius* подвести под одну мысль все означаемые ими разные вещи: *корень, луч, розга, полупоперечник?*

Но посмотрим, чего не можем узнать из латинского, не узнаем ли из славенского. Славенский язык имеет тот же самый корень *рад (илнрод),* пустивший от себя ветви *родитъ, раждаю, родина, порода, радимец.* Итак, полагая, что корень сей есть общий обоим языкам, перенесем понятие, содержащееся в славенских словах, к латинским. Латинское *radix* значит *корень дерева;* но что ж иное *корень дерева,* как *не род* или *родоначальная* причина его? Не от корня ли оно родится? И вообще *radix* (корень) не означает ли начала или *рождения* всякого происходящего от него растения или вещи? Следовательно, латинец в корне своем *rad,* хотя и не сохранил общего понятия, выражаемого славенским *род (илирад),* однако в том же значении перенес его к частному понятию о дереве, и оно сделалось условным, ветвенным, и не может показать, от какой первобытной мысли получило смысл свой.

Но обратимся к истолкованию по разуму славенского языка. Славенин произвел слово *корень* от *кора,* поскольку он действительно есть не иное что, как уходящая в землю древесная кора, на многие сучья расползающаяся и держащая дерево. Латинец *radix* произвел от славенского *родить,* но как наш глагол, пустивший ветвь сию, истребился из языка его, и

заменился глаголом *generare,* то слово *radix* и осталось не имеющею корня ветвью.

Дабы лучше понять словопроизводство, сделаем на время славенина латинцем.

Забудем ненадолго наше *корень* и скажем славенину, чтоб он ветвь сию назвал, как латинец, от глагола *родить или раждаю.* Тогда, без сомнения, мог бы он ее назвать *родиц или радиц* (т.е. *раждающии),* ибо в том же смысле говорим*родица* в слове *Богородица* (т.е. Бога *родшая),* и ежели бы сделать из него сложное слово *древородиц,* то всякий почувствует, что *древородиц* означает то же самое, *что корень.* Таким образом славенское *радиц* было бы точное латинское *radix* (итальянское *radice).*

Пусть латинец покажет нам, какое подобие корень дерева *(radix)* имеет с лучом *(radius)?* Но прибегнем к славенскому языку, он лучше объяснит нам начало и смысл всех слов, как на латинском, так и на других языках.

Radius значит:

- *Луч,* т.е. свет исходящий (и следственно, *раждающийся)* от солнца.
- *Полупоперечник круга,* т.е. подобный же луч, исходящий (и следственно, *раждающийся)* из средоточия, центра.
- *Розга* (иначе прут или лоза), тоже исходящая, и *следственно, раж дающаяся* от корня или от стебля дерева, почему и в нашем языке таковые отрасли называются *рождием.*

Таким образом, разбирая все истекающие из этого понятия слова, можем находить, что ни одно из них не уклоняется от разума славенского языка.

Славенин, хотя и не употребляет их в своем языке, но по единству корня может проницать их значения, то есть по глаголу *родить, раждаю* чувствовать мысль, какую имели иностранцы, когда стали говорить: латинец *radix,* итальянец *radice,* француз *racine,* англичанин *root,* разумея ***корень;*** латинец *radius,* итальянец *raggio,* француз *rayon,* англичанин *ray,* разумея **луч**. Отсюда произошли уже непосредственные их ветви, таковые как итальянское *radicale,* французское и английское *radical* ***(коренный);*** итальянское *radioso* или *raggiante,* французское *radieux* или *rayonnant,* английское *radiant (сияющий, блестящий,* ***лучезарный}.***

Английское слово ***root*** ближе всех показывает происхождение свое от славенского ***род****.* Итальянец тоже произносит свое ***радиче*** близко к славенскому ***родич,*** *т.е.раждающий.*

Немец называет *луч* словом ***strahl,*** голландец *straal,* датчанин *straale,* от славянского ***стрела;*** ибо воображая луч

стремящимся от светила, мы видим в нем подобие *стрелы,* которая и сама происходит от *простираюсь, стремлюсь.*

Познание чрез наш язык тех в иностранных языках начал, которые им самим неизвестны, послужат нам как в своем, так и в их наречиях. Оно поведет нас, как здесь, так и в других случаях, к разрешению вопроса: латинское *radix (корень), французское rayon (луч),* английское *roo1 (корень)* разные ли суть или одно и то же слово, различно произносимое? Ответ: **одно и то же;** ибо во французском *rayon* корень *ra* очевидно сокращен из *rad,* как показывают в том же языке однозначащие с разными окончаниями слова *radieux, rayonnant* (лучезарный). В английском - тоже, ибо изменение букв *a* в *o* и *d* в *t* легко делается. **Коренное значение сих разноязычных слов отыскивается в славенских словах *родить, род.***

Что острее: игла, уксус или угол?

ГНЕЗДО. *Nest* (нем., голланд., англ.), *naesta* (швед.), *nidus* (лат.), *nido* (итал.), *nid* (франц.). Немцы производят свое *nest* от глагола *nahen* (шить), но это неверно. Славенское ***гнездо*** составлено из двух слогов *гне* и *здо,* из которых первый есть отрывок от глагола *гнету,* а второй имя (такое же, как *здание},* произведенное от глагола *зду* (т.е. зижду, созидаю); ибо птица или зверь, делая *гнездо* свое, скорее *гнетет,* утаптывает, *зиждет* его ногами и носом, нежели шьет. Итак, славенин не имел надобности заимствовать сие слово из других языков. Что ж до немецких *neste1* (снурок или веревочка) и *netz,* или по другим языкам: *nett, net, nati, neat* (сеть, сетка), то и здесь очевидно, что слова сии, равно как и *nahen* (шить) и *nade1* (игла), произошли от славенского *нить, нитка;* ибо она употребляется как для сшивания, так и для завязывания чего-нибудь или плетения ниток.

ИГЛА. *Nate1, naedi, needle, naild, naa1, na1, neula, nek1a:* все сии имена, на разных европейских языках, по сходству *нитки* с *иглою,* могли произойти от славенского ***нить,*** так как по-нашему, производя имя *иглы* от сего слова, назвать ее *нитеница* или *нителъница,* разумея, что она всегда во время шитья влечет за собой *нитку.*

Название на немецком языке нитки *гтгп* не мешает сему производству: ибо часто примечается в языках, что коренное слово, пустив от себя ветви, само исчезает или заменяется иным словом. Немецкий ученый Аделунг имя *zwirn* производит от числа *zwei* (два), по той будто бы причине, что

нитку *сдваивают.* Но она не сдваивается, а *свертывается* (крутится, сучится), и потому скорее их *zwirn* могло произойти от славенского *свернуть* или *свить;* ибо к понятию о нитке ближе действие *свертывания, свивания,* нежели *сдваивания.* Мы по такому же соображению от глаголов *вертеть, сопрягать* произвели имена относящихся к ним вещей: *веретено, веревка* (ибо она делается посредством свертывания, свивания), *пряду, пряжа..*

Немцы *иглу* называют *пade1,* а ежа (известного зверька) - *ige1* (по-голландски *egel).* По какой причине немецкое слово так сходно с русским *игла!* Можно ли приписать это простой случайности? Нет. Какая случайность там, где причина так явственна? Тело зверька покрыто *щетинками-иглами.* Отсюда явствует, что немецкое *ige1* взято не от их *пade1,* но от славенского *игла.*

Посмотрим теперь вообще, **какое семейство слов произошло от слова *игла,*** или, лучше сказать, **от корня *игл*** или *иг,* который во всех произошедших от него наших и чужеязычных ветвях показывает главное понятие о чем-либо *остром.* В латинском *acutia,* остроконечность; *acus,* игла; *acre, acutus,* острый *(ig, ag, ac* суть изменения букв, потому смысл не меняется). *Acer* - тоже острый или кислый (здесь понятие об остроте перенесено к понятию о кислоте, по : той причине, что кислота щиплет, как бы острыми иглами колет язык); *acutare,* острить; *aquila,* орел (по причине *остроты* клюва его). Во французском языке *aigu,* острый; *aiguille,* игла; *aiguillon,* жало; *aig1e,* орел (по той же причине, как латинское *aquila,* английское *eag1e).* В немецком, английском, голландском, датском, шведском многие ветви от сего корня находим.

УГОЛ в нашем языке отсюда, кажется, происходит, поскольку, хотя и называется иногда тупым, но всегда конец имеет острый: *angulus* (лат.), *aпgo1o* (итал.), *aпgle* (франц.), *ecke* (нем.).

УКСУС, по той же причине остроты частиц своих: *acetит* (лат.), *aceto* (итал.), *essig* (нем.).

Апартаменты по-нашему *стойло*

Посмотрим, как в итальянских словарях толкуется их слово ***stanza****.*

- Горница, покой, комната; по-французски *chambre, appartament.*

• Некоторая часть песни, называемая иначе *strofa,* а по-французски *stance, strophe, coup1et* (станс, строфа, куплет).

Последуя иностранцам, приемлем мы в язык **слова их, происходящие от корней наших славенских слов.** Мы уже видели, что все ветви, производимые из корня с/и, как наши, так и чужеязычные, изъявляют понятие о *стоянии* (то есть неподвижности, непоступности, пребывании на одном и том же месте). Следовательно, итальянское *stanza* (горница, комната) означает по коренному смыслу (*st*)» вещь *стоячую,* неподвижную, подобно, как наши от того же корня происходящие слова *стойло, стан, столб,* тоже означают по коренному смыслу *стоячие,* неподвижные вещи. Итальянец потому горницу называет *stanza,* что она неподвижна, и что в ней *стоят* или живут люди. Латинец под *stabulum* разумеет иногда *гостиницу* или *постоялый двор.* (Заметим, что глаголы *стоять* и *жить* по смежности понятий часто употребляются в одинаковом смысле, например: *где ты остановился? - стою у красного моста,* т.е. живу, пребываю).

Мы для понятия *горница* или *покой* не произвели слово от корня *ст,* но произвели от него подобную же ветвь, *стойло,* т.е. отгороженное место для стояния скотины. Итак, итальянское *stanza* и наше *стойло* суть две ветви одного корня *(стоять, stare),* но по ветвенному значению различны: ибо хотя обе означают место для *стояния* (пребывания), но у них для *стояния* людей, а у нас для *стояния* лошадей.

Примечатель. Высоким, небесным смыслом исполнены славянские слова *горница* и *покой:* они напоминают нам о горнем мире, о жизни после смерти. Не имея в своих языках вообще никакого высокого стиля, евроум вынужден был опуститься и определить свое пребывание (апартаменты) в стойло.

Пойдем далее искать единства и разности языков. Итальянец под тем же словом *stanza* разумеет род стихотворения *(стансы),* в котором стихи разделяются на несколько частей. Ясно, он потому называет и горницу, и часть стихов *stanza,* что в горнице стоят (живут), а стихи имеют *разстановку,* т.е. не сдвинуты вместе, стоят отдельно одни от других.

Француз для выражения того же самого употребляет три слова *stance, strophee, couplet* (станс, строфа, куплет). Все эти понятия по какому-нибудь подобию должны сходствовать между собой. Славенский язык нам это, без всякого

сомнения, покажет. В слове *strofa* (строфа) коренной слог *rof* или *roph* единозвучен со славянским *ров, рв, рыв, рыт* в словах *ров, рвать, вырывать, рыть.* Многие иностранные слова от сего корня показывают подобное славенскому значение: французское *rompre* (изломать, изорвать), латинское *ruere,* немецкие *rupfen, ausraufeп* (вырывать). Следовательно, и здесь, по единству значения слов *stanza* и *strofa,* должно полагать, что если первое из них *означает разстановку,* то и второе, по корню своему *rof,* значит нечто подобное, *т.е.разрыв* или *отрывок;* ибо *что разстановлено,* то и *оторвано* одно от другого.

Французское *coup1et* происходит от глагола *couper,* соответствующего нашим *слоъамрубить, резать, сечь,* а по-старинному *кепатъ** Значит, при одинаковом значении и корень одинаковый *(соир, кеп).* Сообразим теперь все три слова: *stanza, strofa, coup1et.* Переложим их на такие славенские, которые имели бы те ж самые корни: *разстановка, перерывка, перекеп (переруб).*

Примечатель. А мы сегодня из этих иностранных *обрывков* и *обрубков* не только поем *куплеты;* но и едем в *купе, купируем* собакам хвосты, делаем *купюры* в своих научных трудах.

---

* Глагол *кепатъ* вышел из употребления, а потому и нет у нас слова *перекеп;* но от него сохранились и сегодня ветви *щепатъ* (лучину) вместо *скепатъ, щепки* вместо *скепки,* т.е. срубки или срезки.

От *буйвола* к *буффало*

БУЙВОЛ. *Buffe1* (нем.), *buff1e(анг.), buf1e* (фр.), *buffa1o* (итал.), *bufапо* (испан.), *budalis* (латин.). Если б знали немцы славенский язык, то увидели бы, что их *buffe1,* равно как и все других языков названия, не что иное, как испорченные повторения славенского слова *буйвол.* Оно составлено из двух слов *буй* и *вол,* из которых одно прилагательное, а другое суще-ствительное имя, и каждое имеет свое значение: *буй* (откуда ветви *буйство, буйный, буян}* значит дикого, необузданного, зверонравного, а *вол* есть большой бык. Каким же образом славенское *буйвол,* заключающее в себе полный смысл как-о звере, названном сим именем, так и свойстве его, могло происходить от слов других языков *buffe1, buffalo, bubalis,* **не выражающих полного смысла,**

но заключающих только ветвенное значение? **Не славенское слово от них, но они от него пошли;** приставленный в них к слогу *bu* или *buf* (бык, вол) слог *fel , fa1o,* изменившись из имени *вол* (vol), потерял свое значение и сделался простым окончанием.

Ни холодно, ни жарко

ХОЛОД и ТЕПЛО немец называет словами *kalt* (у древних немцев *kald, chalt)* и *wart,* сличая его с греческим *фермос* или персидским *karm.*

Посмотрим, не ближе ли подходят они к славенскому языку: переставим в словах *kalt,* или *chalt,* или *kald,* только буквы *a1* в *la*; тогда будет чистое славенское *хлад* (*chlad*); а когда одно из сих слов столь очевидно и совершенно сходствует со славенским, то весьма вероятно, что и другое должно с ним сходствовать. Немецкое *warm,* не ближе ли к славенскому *вар* (означающему *горячую воду},* чем греческому *фермос,* или персидскому *karm,* которые и сами по корню *er, ar,* вероятно, принадлежат к общеязычному семейству слов, означающих теплоту, как-то славенские: *жар, вар, пар, ярость, яро,* латинские *ardere, ardore.*

ЛЮБОВЬ. По-эллински любовь называется *эрос,* а весна *эар*, из чего видно сближение сих понятий. Весною вся природа, от слона до червя, от кита до снетка и от кедра до малейшей былинки, все плодится, распускается, дышит любовью. На некоторых славенских наречиях весну называют *яро,* и у нас есть от него ветви *яровое, ярка.* Отсюда греческие *эар* и *эрос* сходствуют с нашими *яро* и *ярость.* Латинское *amor* сюда же принадлежит, суть сложное из *am,* сокращенного из *anima* (дух, душа) и *or,* сокращенного из славянского *яро*

.

Устройство или конструкция?

СТРАНА, СТРОИТЬ. Немец от глагола *stromen,* единокоренного и единозначащего с нашим *стремиться,* который в обращении к воде значит *течь, литься* произвел имя *strom* (река, течение, быстрина). Под тем же корнем не один немецкий, но и другие многие языки имеют разные слова: немецкое *strasse,* итальянское *strada,* английское *streat,* немецкое *strahl* (луч), *streben, bestreben* (стараться о чем-либо), английское *stranger,* французское *etranger* (чуже-странец). Все эти слова и ветви от них, хотя и означают

разные предметы, но могут быть подведены под одно общее им понятие, от которого произошли. Оно изъявляется общим корнем *str (стр),* означающим *стремление* или *простирание,* иногда прямое, иногда расширяющееся во все стороны.

Немецкое *stroтeп* (течь), *strot* (течение); но *течь, течение* есть то же, что *стремиться, стремление.* На разных языках *strasse, strada, streat* (улица); но улица есть не что иное, как *простертые,* а *простертые, простирание* есть *стремление* (движение) в какую-нибудь или во все стороны.

Немец под словом *strahl (strale,* итал.), кроме луча, разумеет также и *стрелу.* А потому глагол его *strahler,* хотя по значению соответствует нашему неупотребительному лучить, светить (*die sonne strahlt,* солнце светит); но по составу своему единокорнен с нашим *стрелять, а* значением смежен, поскольку луч уподобляется стреле. Испускание луча от светящегося тела совершенно сходствует с испусканием стрелы из лука.

Немцы под словом *streben, bestrebeп* разумеют домогаться чего-либо, *стараться* о чем-либо; но домогательство, *старание* есть *устремление, простирание* желаний своих к чему-нибудь.

Итальянец, англичанин, француз говорят *straniere, stranger, etranger* или *estranger* (чужеземец, иностранец) Мы от того же корня произвели слово *страна,* поскольку *страна* есть не что иное, как *пространство* земли, происходящее от глагола *струсь, простираюсь.* Слово *иностранец* изображаем оттого же корня ветвью.

Наши ветви *строю, строить, строение, устройство, строй* суть купно и латинские, итальянские, французские, с подобным значением: *struere* (лат.), *construere, construsione* (итал.), *coпstruire, construction* (франц.). Иные кажутся не принадлежащими к сему корню, например, французское *detruire* (разрушить). Однако, невзирая на некоторую разность в составе и значении сего глагола, оно к сему же семейству принадлежит. Слово *destruction (разрушение),* от него образованное, букву я удерживает; хотя и переводим мы слово сие *разрушением,* но по корню соответствует оно нашему *расстройство,* которое то же, что *разрушение.* Тот же самый глагол *detruire* по-итальянски пишется *distruggere,* т.е. сохраняя корень *str.* Сравните: в английском *distract* (рассеивать, распространять), *district* (район, округ).

По свойству нашего языка приличнее говорить *расстроенное здоровье* и *разрушенное здание;* но ежели и

наоборот сказать: *разрушенное здоровье* и *расстроенное здание,* то мысль оставалась бы та же.

В нашем языке от сего же корня произведены еще ветви: *струна, стручки.*

Итак, все эти слова, как наши, так и чужеземные, невзирая на разность, имеют один корень ***(str)*** и происходят от одного и того же первоначального понятия *простираюсь.*

Теперь, при несомненном доказательстве, что от корня сего произошло дерево с разноязычными ветвями, исследуем, в котором из языков сей корень находится. Сличая, например, немецкое *stroтеп* (течь), итальянское *strada* (улица), французские *destruction* (разрушение), *etranger* (чужеземец), хотя и находим в них одинаковый корень *(str),* но едва ли возможно подвести их под одно начало. В нашем языке, напротив, начиная от глагола *тру,* породившего глаголы *стру, простираю,* все происходящие от сего корня и понятия ветви, наши и чужие, последственно связуются и объясняются.

Воск превратился в ваксу

ВОСК. Немецкое слово *wachs,* по-голландски *wasch,* по-английски и шведски *wax,* по-датски *vox,* по-русски *воск.* Единство этих слов, или лучше сказать, одного и того же слова, очевидно; разность состоит лишь в переставке букв.

Отсюда мы из своего *воск,* переставя буквы по образцу немецкого произношения *wachs,* или английского *wax,* сделали слово *вакса.*

Но которому же из языков оно, собственно, принадлежит? Без сомнения, тому, который качество сей вещи сблизит с данным ей наименованием. *Воск,* сказано в Академическом словаре, есть вещество *вязкое.* Отсюда тотчас видеть можно, что воск (подобно другим от того же корня *вязать* ветвям, как *вязко, вязнуть)* по вязкости качества своего назван сперва *вязк* или *вяск,* а потом *воск,* поскольку буквы *з и с, я* или *а* и о, легко одна вместо другой произносятся. Напротив, немецкие слова *klbrigkeit, zahigkeit,* соответствующие русскому *вязкость,* не могли подать повода к произведению от них имени *wachs.*

КУСОК. Немец отделенную от целого частицу называет *stuck,* швед - *stucke.* По-нашему *кусок,* или уменьшительно *кусочек.* Но мы сверх сего названия говорим еще *штука, штучка,* почитая слово сие немецким, тогда как оно славенское.

Немецкое *stuck,* шведское *stucke,* датское *stykke* как составом своим, так и единством букв соответствует славенскому *стык,* т.е. *соткнутая* (то же, что срубленная или срезанная) часть с целого. Наше слово *кусок* от сего же понятия произошло, и, хотя употребляется без предлога,

однако и с предлогом *откусок* значило бы то же (т.е. откушенная или отторженная, оторванная часть от целого).

Немецкие слова *stecnen* (колоть), *stock* (палка), *stossen* (толкать) идут от корня *тык,* произведшего славенский глагол *тыкать* и многие от него ветви: *ткать, тычка, точка, тын.* Как ни далеко отошел *stossen* от *тык,* однако другие немецкие наречия сближают их: голландец вместо *stossen* говорит *steeken,* датчанин *at stikke,* в которых корень *teek, tik* весьма уже недалек от *тык.* Первоначальное же понятие глагол *тыкать* сообщает всем происшедшим от него разноязычным ветвям. Хотя немецкие слова *stechen, stock, stossen* выражаем мы разными понятиями, *толкать, колоть, палка или посох;* но *толкать* и *колоть* суть действия, неразрывно сопряженные с действием *тыканья.* Палка служит для опирания, но *опираться* об нее нельзя иначе, как *утыкаясь* в землю.

КОНВЕРТИРОВАТЬ, КОНВЕРТ. *Вертеть, vertere* (лат.), *to convert* (англ.) *convert* (франц.). Хотя чужеязычные слова *convertir, convert* и выражаем мы иными, не похожими на них словами *обратить, обращен, превратить, переворотить,* в которых ни нашего корня *верт,* ни их того же *vert* не видно; изменился (а именно в *ворот, врат, вращ),* их же остался постоянным, *vert.* Их ***convert*** коренными буквами прямо исходит из нашего ***вертеть,***

Примечатель. Взяв у нас коренное слово, по нищете ума, наплодили от него слов у себя и запустили *наверх,* в самое приличное общение. Между тем в славянорусском слово *вертеть* пустило ветви, в основном, низкого стиля, означающие хитрость, изворотливость, лукавство. И теперь, когда еврособ-щники поднялись за наш счет, а мы опустились - воспринимаем, например, *конвертируемую валюту,* как нечто сверхнадежное, тогда как нет на свете ничего более *верченого, вертлявого, вертопрашного.* Не верите? Спросите у родного языка, он все расскажет. *Не душа вертится, мошна. Вертит языком, что корова хвостом. Увертывайся, как знаешь. Приходится вертеться, коли некуда деться. Жить вертко, а помирать терпко. Вертун, вертушка, вертел.*

Говорим *славяне,* разумеем *слава.* Говорим *слава,*

разумеем *слово*

Имя славян славилось за несколько веков до существования Рима, и прежде, нежели греки сделались известны между людьми. Славенский язык имел свои древнейшие наречия, из коих у некоторых были письмена от самых первых времен сего божественного изобретения. Всякое славенское наречие понятно всем славенским народам, и все славяне, при малом внимании, разумеют праотеческий язык свой. Русское наречие, общее, ближе всех других подходит к нему. Наречие сербское, второе между наречиями славедскими по своей чистоте.

Слово* и *слава суть смежные понятия. Второе произошло от первого, поскольку *слава* рождается и возрастает через *слово,* почему вместо *славный* и говорится иногда *пресловутый.* По сей причине полагать должно, что имя ***славяне*** сделалось из *славяне,* то есть *словесные,* одаренные *словом* люди.

Славяне, называвшие себя *славянами* или *словаками (словяцы* равнозначащее с *языцы)* то есть говорящие, разумели под сим именем всех одного с собою языка, единоземцев.

Имя ***немцы,*** означающее *немых,* **не умеющих говорить,** сначала дано было славянами всем вообще иного языка народам, которых повстречали они на западе; но впоследствии стали разуметь под ним собственно *немцев.*

Известно, что во времена Карла Великого многие в Германии славяне мало-помалу до того исказили язык свой, что совсем ему разучились. Отсюда возник немецкий язык. Словари немецкие представляют на всех страницах обломки исковерканных слов славенских.

Славенский язык заключает в себе все первоначальные звуки, какие только есть во всех европейских языках, тогда как иностранные азбуки с безуспешным усилием выражают письменами своими **сей всеобщий коренной язык.** Отсюда происходит, что даже начиная от греков и римлян в бытописаниях всех царств, повествовавших что-либо о славянах, мы, вместо славенских имен, по большей части, находим одни только странные, непонятные и поистине варварские названия. Наша азбука дает нам ключ к разбиранию их, от времен самых древнейших.

Неоспоримым памятником великих познаний величают язык славенский. В словах его видна связь мыслей, переходивших из одного понятия в другое, смежное с ним.

Ни один язык не представляет нам в производстве слов такой непрерывной цепи соображений, какую находим в нем. Возьмем без выбора какое-нибудь слово; исчислим не все, но лишь малую часть его ветвей, и посмотрим в других языках, например, во французском, так ли, как в славенском, текут они из одного источника:

Руда	le sang
Рудник	une mine
Рудословие	metallurgie
Род	la race
Рождение	la naissance
Родильница	la accoucher
Родитель	la pere
Родительница	la mere
Родственник	un parent
Родоначальник	la souche
Родословие	la geneologie
Родник	une source
Рождіе	les rameaux
Рожь	le seigle

Из сего малого примера уже видеть можно, что **один язык составлен умом размышлявшим, а другой не имел надобности размышлять,** заимствуя слова свои из других первоначальных языков.

Имея такой памятник, достопочтенный по своей древности, величию и **природному** совершенству, славянин, защищая себя, всегда может отвечать:

Варвар я здесь, поелику никто меня не разумеет.

О простоте славенского писания

Славенская азбука выражает одною буквою те звуки, которые другими азбуками не иначе выражаются, как соединением вместе двух или трех букв (даже иногда четырех), из коих каждая имеет свой звук, особый от того, какой издают они в совокупности. Например, французское *char* состоит из букв *c* (произноси *це)* и *h* (произноси *га),* а вместе выговариваются они как наша *ш.* Буква их *g* в слове *cnarge* произносится как наше *ж,* а в слове *garde* как наше *г.* Эти худости могли бы уменьшиться **общим принятием славенских букв.** Но помышлять о приведении того в исполнение есть такое же выше человеческих сил предприятие, как бы покушаться влететь на луну.

Те из славян, которые, оставя свою, **пишут язык родной чужою азбукой, сделали тройное неблагоразумие:** *во-первых,* портят ею свои слова; *во-вторых,* оставя свое собственное, променяли хорошее на худшее; и *в-третьих,* утверждают нелепое о себе мнение иностранцев, показуя им язык свой в самом безобразном виде. Ибо самые имена славенских букв не могут,

без крайнего искажения, быть написаны иностранными буквами: чтоб сказать *буки, земля, живете, червь,* надобно написать *боуки* (boyki), *земглия* или *цемглия (zemglia), цсцивиете* (zsciviete), *тсгерв* (tsherw); или чтоб сказать, например, *защищение,* нужно из девяти букв сделать пятнадцать: *zaszcziszczenie* (как пишут поляки), так скомканных вместе, что никакой чужестранец не в состоянии их прочитать.

Те славяне, которые отреклись исповедовать веру свою на собственном языке, суть на самом кривом пути, ведущим их к тому, что некогда перестанут они быть славянами. *Имеяйуши слышати, да слъшит*

Славенская азбука имеет столько разных знаков или письмен, сколько числит первоначальных звуков в пространном слов своих море. **Письмена сии не теряют, не переменяют никогда установленного своего произношения,** ни в каких сопряжениях или перемещениях.

Оттого естественно происходит, что **славенское письмо всегда без изменения верно,** и когда кто единожды узнал азбучные знаки, тот уже одновременно научился и безошибочно читать всякое на сем языке писание.

Прочие языки спутаны, двусмыслены, и в сравнении с славенским, лишены достаточного в письме совершенства. Буквы римской азбуки во всех европейских языках остаются без всякой самостоятельной силы выговора. Сей безпорядок правописания приводит все в смешение...

Зачем вместо азбуки алфавит?

Азбука наша (по другим наречиям, буквица) письменами или буквами своими, по порядку читаемыми, **составляет некоторый полный смысл,**

содержащий в себе наставление тому, кто начинает их произносить, напоминая и твердя юному ученику о важности своей и пользе обучаться языку. Она говорит: *аз, буки, веди, глагол, добро, живете, земля, иже, како, люди, мыслете, наш,*

он, покой, рцы, слово, твердо, то есть: я есмь нечто великое, ведай, глаголание добро есть, живете на земле и мыслите, наш это покой, рцы слово твердо.
Даже первое преподаваемое у нас юношам основание, буквы, стали называться не по-нашему, так что иностранцы, как бы в насмешку, пишут: *Б, letter de l'alphabet Russe, appelee anciennement* ***буки****, et maintenant бе. (Б,* буква русского алфавита, раньше называемая *буки, а* теперь *бе).* **Вот до каких в словесности успехов достигла наконец Россия: из *буки* сделала *бе*!** Скоро слово *азбука* будет для нас чуждо, непонятно, потому что имена *аз* и *буки* со временем истребятся и *абесея* их будет для нас вразумительнее. Также и в складах наших произойдет великое преобразование: нам уже нельзя будет по-прежнему складывать слов *былъ, ходилъ, дядя, человѣкъ, буду, щитъ,* потому что в чужих *абесеях* нет наших букв *еры, херъ, я, червь, у, ща.* Может быть, напоследок привыкнем по их буквам говорить: *біл, годіл, діадіа, тшеловіек, боудоу, стщит.* Я недавно читал книжку, в которой сочинитель, называющий себя русским, советует нам для пользы языка бросить свои буквы и принять чужие. Это похоже на то, как если бы кто хозяину каменного дома советовал срыть его и построить деревянный из колышков и драничек. Горе языку нашему, если подобные мысли будут распложаться!

И что тогда будет с моим опытом словопроизводства? Может статься, иной назовет меня мечтателем, иной загрубелым в старине, третий пристрастным к *славянщизне.* Но что мне до них? Мое желание быть, сколько могу, полезным языку родному и Отечеству; а там судить обо мне вольному воля, спасенному рай.

Дерево слов, стоящее на корне *МР*

МРУ. Звук *мр,* состоящий из сих двух букв, кажется естествен чувствам нашим, когда мы голосом изъявляем что-нибудь противное или неприятное. Этот звук словно потрясает губы и язык наш. Взгляд на камень, на дерево, на цветок, на ручей не производит над душою такого сильного действия, как взгляд на мертвого человека или животное. Здесь ужас, соединенный с боязнью, отвращением, потрясая чувства наши и сообщая сие потрясение языку, понуждает

его произнести звук *мр,* от которого произошли потом ветви: *мру, умираю, мертвый, смерть.*

Соединив единожды с этим корнем понятие об ужасе, вселяемом погасанием жизни, человек начал всем прочим подобным явлениям давать на том же корне основанные имена, от первоначального смысла.

Святослав перед сражением сказал своим воинам: *ляжем ту костьми, мертвые бо не имут срама.* Употребляется также в иносказательном смысле: подобный мертвому. *Помышляйте себе мертвых быти греху, живых же Богови. (Почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога -* Рим. 6,11).

Мертвая тишина, спать *мертвым* сном. Мореплаватели под словами *мертвыйякоръ* разумеют самый тяжелый, который, как последнюю надежду, бросают в море для удержания корабля в бурю, когда прежде брошенные якоря не могут остановить его. *Мертвые* дела, навлекающие на грешника вечное мучение или жизнь, худшую *смерти: Кровь Христова очистит совесть нашу от мертвых дел.* (Евр. 9,14).

Мертв, лишен жизни: *кто мертв, тот уже не оживет.*

Где молния мертва, где цепенеет гром,
Иссечен изо льда стоит прозрачный дом.

Природа в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку,
На вышине и глубине. (Державин)

Мертвец, мертвый человек, бездушное тело: *погребсти своя мертвецы.* (Лк. 9,60).

Приду читать с тобой знакомых мертвецов
живые разговоры. (Пушкин).

Мертвечий, мертвецу принадлежащий: *почто сия мертвечія кости носите!* (Пролог, 27 ноября).

Мертвостъ. Общее состояние всего, что мертво, лишено жизни, дыхания. *Всегда мертвостъ Господа Иисуса в теле носяща, да и живот Иисуса в теле нашем явится.* (2 Кор. 4, 10). Иногда же берется за престарелость, как бы лишенную уже жизни: *Мертвостъ ложесн Сарриных* (Рим. 4, 19), т.е. безплодность от глубокой старости.

Мертвенный. Носящий семена смерти, и потому всю жизнь, до последнего часа, как бы помалу, постепенно умирающий: *Дал еси Адаму плоть мертвенну.* (3 Езд. 3,5).

Присно бо мы живие в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится в мертвенной плоти нашей. (2 Кор. 4, 11). *Да не царствует убо грех в мертвенном вашем теле, во еже послушати его в похотех его.* (Рим. 6,12).

Мертветь. По причине сильного страдания или поколебания душевного изменяться в лице, принимать образ, вид мертвого:

Язык коснеющий мертвел в его устах. (Шатров).

Морить, морение. Приключать смерть, приводить в истощение, изнурение. *Морение Гермогена голодом в темнице не поколебало твердости духа его. Морить пустыми рассказами,* наскучить.

Мор, моровая. Смертоносная болезнь, от которой многие заражаются и умирают; зараза, язва. *Мор есть наказание Божие. Моровая язва.*

Уморить. Лишить жизни худым лечением, голодом, тяжкой работой. *Вдовицу и сираумориша.* (Пс. **93,**6).

Смерть. Кончина, конец жизни, разлучение души от тела, говорится: *претерпеть, вкусить, попрать с.^ерть. Христос на кресте смерть претерпел. Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти. (Есть некоторые из здесь стоящих, которые не вкусят смерти* - Мф. 16, 28). *Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ.* (Канон Пасхи). Иногда представляем смерть как некое могущественное существо: *смерть пришла.*

Без жалости все смерть разит.
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мірам она грозит. (Державин).

В другом месте:

Смерть мужа праведна прекрасна,
Как умолкающий орган,
Как луч последний солнца ясна
Блистает, тонет в океан.

Смертный. Подверженный, естественно подлежащий смерти (о человеке). *Человек после падения своего соделался по телу смертным, но душу имеет безсмертную. Род смертных.*

В деснице Божьей царства м!ра.
И жребий наш в руке Его.
Держава, посох, меч и лира
Даются смертным от Него. (Шатров).

Влекущие за собой смерть, достойны смерти (о явлениях, вещах, подверженных или неподверженных чувствам): *смертная вина, смертное преступление. Ни единыя вины*

смертныя обретше, просима у Пилата убиты его. (Деян. 13, 28). *Смертная болезнь,* неисцелимая, неминуемую смерть приносящая. *Его лее Бог воскреси; разрешив болезни смертныя.* (Деян. 2, 24). *Сень смертная,* т.е. глубокий, как бы смерти посвященный мрак или *тень.Седящим в стране и сени смертной, свет возсия им.* (Мф. 4, 16). Под именем *смертного греха* разумеется такой грех, который отгоняет от души благодать Божию, и тем, отлучая душу от Бога, от источника жизни ее, наносит ей смерть, т.е. мучительное, хуже смерти существование.

Смертность*:* общая участь всего живущего. Тебе, говорит Державин Богу, угодно было:

Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! В безсмертие Твое.

Безсмертие*.* Свойство существа, не подверженного смерти: *Царь иарствующих, и Господь Господствующих, един имеяй безсмертие.* (1 Тим. 6,16). Означает также и всегдашнее пребывание в памяти потомков: *Ломоносов приобрел безсмертие своими сочинениями.*

Обезсмертить*.* Сделать или сделаться безсмертным: *предался еси распятися, да обезсмертвиши честною Твоею кровию покланяющияся Тебе* (Служба во святой и великий четверг), *и даст* (Христос) *тебе веселия райская, и цвет юности твоея обезсмертвит.* (Четьи-минеи, 19 марта). Румянцев, Кутузов, Суворов воинскими подвигами себя обезсмертили.

Творец ли оскудеет в силах
Умерших обезсмертить нас?
Услышат спящие в могилах
Трубы Архангеловой глас. (Шихматов).

МЕРЛУХА, *мерлушичей мех.* От глагола *мру, мереть;* ибо мехи сии составляются из *умерших* или *уморенных* ягнят, прежде, нежели они родятся.

СМРАД (в просторечии *смород).* Все мертвое сгнивает, а сгнивающее издает противный запах: итак, зловоние есть необходимое следствие лишения жизни. Отсюда названия *смерть* и *смрад* происходят от одного корня, и столь же близки значением, сколь звуком. Отсюда ветви *смердеть, смердящий.*

Смердеть*,* испускать от себя вонь, смрад: *глагола Ему* (Иисусу) *сестра умершаго Марфа: Господи, уже смердит, четверодневен бо есть.* (Ин. **11,** 39).

Смердящий, испускающий зловоние: *како можеши воззрети на мя, или приступити ко мне, аки ко псу смердящему?* (Молитва Ангелу-хранителю).

Возсмердеть, начать испускать смрад: *возсмердеша и согнишараны моя.* (Пс. 37,6).

СМЕРД. Ясно, что сие презрительное имя, какое давали самому черному и неопрятному народу, произошло от глагола *смердеть.*

СМОРОДИНА. От слова *смород, смрад,* поскольку так называемая черная *смородина* имеет, хотя непротивный, но весьма сильный дух, или *смород.* Прочие: красная, белая смородина, хотя и не пахнут, получили имя свое по черной смородине. Некоторые почитают сие название сложным из слов *самородина,* однако это неверно, поскольку она не больше сама родится, чем всякая другая ягода.

МЕРЗОСТЬ. Когда человек дал зловонию название *смрад,* тогда надлежало ему дать и другое название действию, какое сей дурной запах в чувствах наших производит. Он из того же корня, по смежности понятий, извлек ветви *мерзость, мерзкий, мерзко.* Ветви сего колена, сохранением коренного звука *мр* напоминают, что они через *смерть,* перейдя в *смрад,* выражают естественно сопряженное с ним понятие о *мерзости;* то есть чувств, рождающихся в нас посредством зрения от вида *смерти,* посредством же обоняния от *смрада.*

МРАК. Человек, видя в мертвеце подобного себе человека с закрытыми очами, легко мог себе представить, что мертвый не видит тех предметов, какие он, живой, видит. Дабы означить сие состояние незримости вещей, он, полагая тому виновницей *смерть, от* глагола *мру,* переменив окончание, сделал имя *мрак,* откуда произвел ветви *мрачность, мрачный, помрачить.*

СМЕРЧИЕ, смерч. Главная при сем названии мысль должна быть взята от *мрака,* в чем удостоверяет нас слово *смерч,* точно означающее *мрачность,* какую называемые *смерчами* водяные столбы, *помрачая* горизонт, на море производят.

МОРЩУ. Морщины на лице показывают старость, ветхость тела, приближение к смерти; изъявляют *мрак* печали, погасание игривости, веселья. Здесь также сохранен корень *мр,* как и в коленах *мру, мрак.* Из естественного состояния *морщиться* (то есть от старости покрываться морщинами) глагол сей через уподобление перешел в

значение: *становиться мрачным,т.ъ<* гневным или печальным.

СМОРЧОК. От того, что *сморщился,* весь в *морщинах.*

МОРОШКА. Вероятно, также от морщин, потому что ягода сия выпуклыми частицами своими показывает сходство с морщинами.

СМУРЫЙ. Говорится *смурый* кафтан (т.е. темного цвета) и *пасмурная* погода (т.е. темная, мрачная): из сих выражений ясно видно, что мысль заимствована от слова *мрак.*

ХМУРЮ. Глагол *нахмуриться* значит сделать сердитое, печальное, *мрачное* лице: ясно, что мысль сего колена заимствована также от слова *мрак,* потому и корень *мр* сохранен тот же самый.

МУРАВЕЙ или МРАВИЙ. Имя, вероятно, дано по темноте цвета его.

МУРАВА. Мысль в ветвях сего колена, по всей видимости, почерпнута от слова *мрак.* Сколь ни различны *муравей* (насекомое), *мурава* (трава), *муравить* (наводить на глиняную посуду некоторого цвета глянец), и хотя понятие о *мраке* исчезает уже в них; однако сличая их с подобозвучными же словами *смурый, пасмурно, хмуриться,* в которых понятие о *мраке* гораздо ощутительнее, надлежит думать, что и они одинаковый корень с ними имеют. Легко могло статься, что муравей назван по *смурости* цвета своего; *мурава* тоже, по сравнению цвета ее с другими цветами; *муравить,* наводить подобную *мураве* краску.

МУРЛЫЧУ. Показывает ворчание, порой суровое и угрюмое: *кошка мурлычет, медведь мурчит.*

МОРГАЮ, *маргаю.* Вероятно от того, что чрез частое смыкание ресниц глаза не так ясно видят, и чрез сие делается в них некоторый *мрак.* Между *мрак* и *моргаю,* когда мы исключим гласные буквы, делается почти совершенное единство: *мрк, мрг.*

МАРАЮ. Значит, черню, привожу какой-нибудь ясный или светлый вид в *мрачный,* помраченный; несомненно, происходит от *мрак.* Слово *мара,* в нашем языке неизвестное, но в польском и других славенских наречиях существующее, означает *мечту, призрак, привидение.*

Отсюда в языке нашем находим мы следы: *кикимара,* воображением созданное существо, подобное греческим сиренам. (Прибавка *кики* есть растение с толстым стеблем вышиной в человека). *Обморочить, заморочить, обморок; он меня обморочил,* то есть обманул, ослепил, навел на меня *морок, мрак.* Простонародное *маракую* значит разумею не

много, то есть вижу вещи не совсем ясно (в некоторой *море, мороке, мраке).*

МОРКОВЬ. Вероятно, от глагола *мараю* (вещь *маркая)* по причине, что овощ сей, имея в себе багряный сок, может, особливо на одежде белого цвета, делать красные пятна, *марать.*

МОРОЗ, *мраз.* Человек составил слово сие по тем же рассуждениям, по каким и слово *мрак.* Он приметил, что сильный хлад в подобное же, как и смерть, приводит состояние: то есть жидкое и движущееся, как бы отнимая у него жизнь, претворяет в окостенелое и неподвижное. Взял мысль от глагола *мру,* и переменив у корня окончание, сделал из него *мраз* или *мороз,* находя в действиях сильной стужи, что она приключает *мор, умирание.* Отсюда произвел ветви *морозить, заморозить, отморозить.*

МОРЕ. Человек не одним ужасом, сопряженным с отвращением, поражается. Его изумляют и смущают также великие расстояния, неизмеримые пространства. Вид смерти ужаснул и потряс чувство его; но вид необъятного взорами разлияния вод привел душу его в такое же удивление. Итак, взирая на морские бездны, на сию беспредельную пучину, потому ли, что столько удивлен был ею, сколь и образом смерти, или потому, что не полагал на сем пространстве вод никакого обитания и жизни, назвал его *морем,* от понятия, заключающегося в корне *мор, мру, умираю.*

Ломоносов так рассуждает о могуществе Божием:

Кто море удержал брегами,
И бездне положил предел?

Он же так описывает бурю:

Меж морем рушился и воздухом предел,
Дождю на встречу дождь с кипящих волн летел.

Слово *море* в иносказательном смысле: *утопать в море зол.*

Морские *рыбы, звери,* т.е. живущие в глубине морей. *Морские сражения, битвы. Морское чудо,* некое необычайное и страшное животное, например, кит:

От севера стада морских приходят чуд,
И воду вихрями крутят, и к верху бьют.
(Ломоносов).

Поморие, приморие, страна или земля, по морскому берегу простирающаяся; иностранцы из *поморие* сделали *Померания. Погублю оставшия живущие на приморий.* (Иез. 25,16).

МОРЖ. (Может быть, сперва *мореж).* Оттого, что *морской* зверь.

МРЕЖА или МЕРЕЖА. Рыболовная сеть, бросаемая в море или в воду, невод: *ввержитемрежи ваша в ловитву.* (Лк. 5, 4). *Извлече мрежу на землю полну великих рыб.* (Ин. 21, И)- Иногда употребляется иносказательно, как слово *сеть.*

И ангел мстящею рукою
Да оскорбит врагов моих,
Что зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих.
(Ломоносов в преложении псалма).

МІР. То же самое удивление, по какой человек назвал великую пучину вод *морем,* подало ему повод подобное же неизмеримое пространство воздуха назвать *міром,* т.е. ветвью от той же мысли и корня.

• Весь свет, вся вселенная со всеми содержащимися в ней светилами, небом и землею: *Бог сотворил мір. Создание міра. От начала міра доселе.* (Мф. 24,21).

• Земной шар: *проповестся Евангелге сие во всем міре,* т.е. по всей земле. (Мк. 14, 9); *показа ему вся царствия міра,т.е.* все области, державы земные. (Мф. 4,8).

• Люди, населяющие землю: *ащемгр вас ненавидит* (Ин. 15,18). *Спаситель міра, Христос. Ходить по міру,* т.е. просить у людей милостыни,

• Общество, собрание жителей какого-либо селения: *Выбран міром в старосты.*

• Люди, живущие по плоти: *не туда иди, куда манит тебя мір, но куда зовет Христос.*

• Состояние во время жизни и по смерти. О корыстолюбивых людях, грабителях чужого имущества сказано:

Когда век срочный изживут,
Тогда простясь с земной мечтою,
В мір жизни ничего с собою
Из міра смерти не возьмут. (Шатров).

Мірской, свойственный живущим в міре: *мірские заботы, страсти.*

Спаси неопытность мою от преткновений,
Да буду невредим среди м!рских волнений.

Премірный, небесный, высоко в горний м!р воспаряющий, возносящийся: *горнейшая премгрных умов, и многообразных херувимов высшая.* (Ирмос гласа 4, песнь 9).

Міробытие, существование м!ра от сотворения: *міробытие продолжается более семи тысяч лет.*

Міродержавие, управление всем міром, всею вселенною: *міродержавіе единому міродержавцу Богу возможно.*

Міродержание, міролюбив, прилепление к земным или мірским услаждениям и страстям: *попечение о телеси, похоть греховная и лукавое міродержание: близ бо сущия Бога сия не творят.* (Соборная летопись).

МИР. Со смертью неразрывно сопрягается понятие о тишине или спокойствии; отсюда говорим о мертвом, *покойнике.* Итак, человек мог легко, для выражения понятия о тишине, взять слово из понятия о смерти, то есть вывести из корня *мру* ветвь *мир,* означа ею покой, тишину, подобие смерти.

Мир, согласие, дружба между государствами и людьми. *Воюющие державы заключили мир. Со всеми человекимир имейте.* (Рим. 12, 18), т.е. не ссорьтесь, живите в любви и согласии. *Принять или отпустить с миром,* т.е. с лаской и доброжелательством. *Мир дому сему, мир вам:* желаю вам счастья, благополучия. *Мир праху твоему, добродетельный муж:*

Спокойство царствуете градах,
И мир простерся над водами. (Ломоносов),

т.е. военные морские силы воюющих держав не разрушают тишины, не гремят более на морях.

Как кормчий глубине предавшийся не дремлет,
Монарх и мир и брань умом своим объем лет. (Петров).

Да будет век его державы
Век мира, век свободы, славы. (Шатров).

Благопримирительный, примиряющий всегда во благое, т.е. к доброму концу или последствию. *Господь и во бронях милосерд и благопримирителен.*

Мирный, *мирное время, мирный договор, мирный знак.*

Уже простертой к вам рукой
Дарует мирные оливы. (Ломоносов).

Мирник, то же, что мирный, живущий в тишине, никому не враждующий: *мирницы есмы, не суть раби твои соглядатаи.* (Быт. 42,11), т.е. мы люди мирные, а не соглядатаи (по-иностранному, шпионы).

Миероподатель, мироначальник, говорится о Боге: *Господь, яко един мироначальник, дарует мир.*

Мирствоватъ. Быть с кем, или с самим собою, в мире, тишине, в согласии: *Мирствуйте в себе (*1 Сол. 5, 13), т.е. будьте мирны между собою, или сохраняйте в самих себе душевное спокойствие, мир.

Мироватъ: быть с кем в миру, в согласии; *лестно мирующе с ним* (летопись), т.е. находясь с ним в приятном согласии. *Остави нас мировати* (летопись), т.е. оставь нас быть в мире.

Миротворитъ, миротворствоватъ. Творить мир. Восстанавливать тишину, спокойствие. *Намизаяй оком с лестию, собирает мужем печали; обличали же со дерзновением, миротворит.* (Притчи **10,**10). То есть, тот, кто говоря худо про другого или мигая на него, льстит нам, тот делает зло, сеет между людьми вражду; а кто всякому смело говорит правду, тот водворяет согласие и мир. *Ложь рождает вражду, а правда миротворствует. Блдженни миротворцы, яко тии сынове Божий нарекутся.* (Мф. 5,9).

Смирный, тихий, кроткий спокойный. *Смирное дитя, смирная лошадь.* В старинных книгах под названием *смирного платья* разумелось темноцветное, печальное: *а за телом благоверного государя царевича шел отец его в смирном платье.*

Смиренный, укрощенный, обузданный:

Воззри на Дон и край Понтийский
Смиренный мстительным огнем. (Ломоносов).

Тихий, кроткий, не превозносящийся: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать.* (1 Пет. 5, 5). *Смиренное моление.*

И глас возносит к ней смиренный. (Ломоносов).

Также в иносказательном смысле:

С полудня веет дух смиренный. (Ломоносов),

т.е. тихий, приятный.

Смирять, укрощать, приводить кого в покорство, обуздывать пылкость страстей:

Тогда постом я и мольбой
Смирял себя... (Ломоносов).

Смиряться, укрощать самого себя: *Смиряяйся вознесется.* (Лк. 14,11).

Смириться, сделаться покорным, послушным: *смиритеся пред Господем, и вознесет вы.* (Иак. 4,10). Иногда значит то же, что примириться: *шед прежде смирися с братом твоим.* (Мф. 5,24).

Смирение, укрощение пылкости духа и страстей, обуздание самого себя: *виждь смирение мое и труд мой.*

Без веры угодить всесильному нельзя,
И к царству в небесах смирение стезя. (Шихматов).

Души благое умиленье,
Сокровище простых сердец,
Святое нежное смиренье.

Смиренномудр, кроток, благоразумно, без возносчивости, без мечтательности мудр. *Он благочестив и смиренномудрей.*

Усмирить, укротить.

Он россам возвратил старинное наследство,
Злодеев истребил и усмирил соседство. (Ломоносов).

Как метка стала маркой

Дерево с корнем *МР* уже было отпечатано, когда отыскались еще два колена, а именно ***марка*** (метка, знак) и ***мерять,*** со всеми многочисленными его ветвями. Я нашел сделанную мною выписку из немецкой книжки о дрезденских рудокопных заводах.

Сочинитель ее говорит, что рудокопство началось в те времена, когда в стране сей обитали славянские народы, и что слово *die marke* (марка) не есть собственно немецкое, но славенское, происшедшее от глагола *марать;* ибо когда они отмеривали какое-нибудь расстояние, то обыкновенно означали конец сей меры *намаранным* на нем знаком или меткою, и называли это *маркою.* Отсюда немцы, французы и

другие некоторые языки, употребив слово сие в том же значении, произвели из него глаголы *terkeп, tarqиer* (метить, замечать). Что до нас, то мы, приняв слово сие за французское, уже и ветви из него извлекаем по их складу: *маркировать, маркер,* чрез что наши собственные *метить, метчик* остаются как бы не значащие того, неупотребительные.

Но обратимся к слову *мера.* Когда *марка* происходит от *марать,* то *к мера* (уменьшительное *мерка}* отсюда же имеет свое начало, поскольку пределы ее тоже нередко означаются чем-нибудь *марким. Марка* в переносном смысле значит и *метку;* ибо *намаранное* что-нибудь для замечания, естественно, соединяет *марку* и *метку* в одно понятие. На других языках мера называется сходно с нашим *мета, метка: tata, taete, tat, mitta, tett.* Еврейское *tarak* значит выжечь пятно; следовательно, и наше *марать* ту же мысль в себе содержит: ибо выжженное огнем всегда бывает черное, *маркое.*

Наше родословие

Единственный путь к познанию разума

Восстающие против словопроизводства, единственного пути к познанию разума языков, могут возопиять против нас, но превеликое множество наших догадок так ясны и верны, что разве одно только невежество или упрямство не захочет принять их за очевидные доказательства. Однако лучше из десяти открытий в одном погрешить, нежели девять оставить во мраке и неведении.

Словопроизводный словарь, наподобие, как в родословной от праотца семейства, показывает происшедшее от него поколение, от коренных или первообразных слов (то есть тех, до начала которых добраться невозможно), иследует произведенные от них ветви.

Слова всех языков покажут нам, что всякое из них имеет свое начало, то есть мысль, по которой оно так названо. Сам рассудок подтверждает это. Ибо человек, будучи существо одаренное разумом, не мог представлявшимся ему новым предметам давать имена как-нибудь, без всякого

размышления. Нет! Он давал их по соображению с теми, имена которых были ему уже известны. Вот почему всякое слово сверх ветвенного значения, заключает в себе и коренную мысль, от коей получило оно свое название.

Навык обыкновенно приучает нас к одному ветвенному значению, так что мы коренную в нем мысль забываем, или не обращаем на нее внимания. Например, при словах *закон, забор, корабль* представляем себе только вещи, под сими словами разумеемые, не рассуждая о происхождении их от слов *кон, беру, кора.* Но без таких рассуждений язык не покажет нам составлявшего его ума человеческого и будет как бы некое случайное сборище слов, без всякой цепи и связи составленное.

Не только в нашем, но и в чужих языках видно, что люди умствовали одинаково. Например, латинское *ferocitas* по-нашему *зверство.* Слова различны, но происходят от одинаковой мысли: наше от *зверь,* а их тоже от */era,* зверь.

Француз говорит *vouloir* (хотеть), *enterrement* (погребение). В словах наших не те корни, какие в их, но мысль в них та же: их *vouloir* происходит от *volonte* (воля), а наше *хотеть* от *охота.* Мы хотя от нашего *воля* не говорим по их *вопить,* но говорим *изволить,* то. же, что *хотеть.* Их *enterrement* происходит от слова *terre* (земля), а наше *погребение* от *гребу;* но если б мы и по их выражению сказали *вземление,* то не значило бы оно то же, что *погребение,* то есть зарытие в землю? Я мог бы показать тысячи подобных слов. Словопроизводный словарь открыл бы нам состав и богатство нашего языка. Разбор во всех других языках тех слов, которые от общего с нашим корня происходят, позволил бы нам разуметь их основательнее, и **даже лучше самих говорящих ими народов,** потому что они без славенского языка во многих семействах слов своих не могут находить породившего их праотца.

Исследование языков **возведет нас к первобытному языку** и откроет: как ни велика разность их, но она не от того происходит, что каждый народ давал всякой вещи свое особое название. Но большею частью, одно и то же слово, переходя из уст в уста, от поколения к поколению, постепенно изменялось, так что напоследок сделалось само на себя не похожим, пуская изменяющиеся ветви. Каждый народ по собственному соображению и свойству языка своего рассуждает. Употребляя общее слово, один часто разумеет под ним не ту ж самую вещь, какую другой, имеющую, однако, близкое с ней сходство и значение. Например, мы

под словом *смерть* разумеем лишение жизни, а голландец под своим *smart* разумеет болезнь или мучение, сокращающее жизнь.

До некоторых слов легко можно добираться, а до других нет. Например, о словах *берег, блюдо* нетрудно при глаголах *берегу, блюду* догадаться, что *берега* реки или моря *берегут,* хранят в себе воду; а *блюдо* подобным же образом *блюдет* или хранит накладенную в него пищу. Однако слова *петух, кортик, вишня* считают коренными, тогда как они очевидно происходят от *петь, короткий, вишу.* А до таких слов, как *сноха, блоха, бдеть* невозможно доходить без некоторых отысканных или случайно открывшихся сведений. Богемское слово *сыноха* (synocha) даст нашему слову *сноха* происхождение от *сын,* поскольку означает *сыновнюю* жену. Польское слово *pchla* (а по другим наречиям *blcha)* покажет нам, что наша *блоха,* невзирая на великое изменение, происходит от глагола *пхать,пихать* (по-польски *pchac),* поскольку в сем насекомом всего приметнее то, что, *пхая* себя ногами, высоко скачет. Богемцы слово свое *bditi* (бдеть) производят от *buditi* (будить), и справедливо: ибо *разбудить* есть не что иное, как сделать *бдящим,* то есть не спящим. Словари славенских наречий и старинные книги весьма нужны для отыскивания принадлежности ветвей к коренному слову.

При отыскивании в слове первоначальной мысли нужно смотреть, нет ли в нем выпуска или вставки, или изменения букв, сокрывающих его происхождение. Например, слово *когда* чрез выпуск букв сокращено из *коего года,* слово *тогда* из *того года.* Здесь ясным образом приметно сокращение, но не так в других словах. Например, что значит *булава!* Орудие с железным на рукоятке яблоком или головкою, обитое кругом гвоздями или шишками, для сильнейшего ударения. Вникая в значение, стану я рассуждать: слог *бу* во многих выражениях показывает *удар: по дереву бух топором, камнем бухнул в стену,* т.е. ударил. Слог *лава* ничего не показывает, но невозможно, чтоб он был простое, ничего не значащее окончание. Отсюда заключаю, что слово сие, по отнятии, для легчайшего выговора, начальной буквы *г,* сократилась из *буглава* (то есть голова, которой *бухают,* ударяют) в *булава.*

Названия *рычаг, коромысло* изменились из *ручаг, короносло.* Перемены делались иногда разумом, составлявшим язык, иногда навыком, портившим его. Разум обогащал, извлекая из корней великое число ветвей, разделяя ими обширность одной и той же мысли на многие

текущие из нее рукава и истоки, и соглашая, когда можно, журчания их с легкостью для произношения и приятностью для слуха. Навык, напротив, утверждался в одном частом их повторении, не заботясь о смысле и благозвучии. **Навык есть невежество, противоборствующее рассудку, но** участвование его в составе языка так велико, что истреблять его везде и повсюду было бы то же, как соскабливать веснушки и рябины с испорченного ими лица.

Самый невежественный и вредный для языка навык состоит **в употреблении чужих слов вместо своих собственных.** Это приводит язык в оскудение, препятствуя извлекать ветви из его корней и отнимая у тех, которые прежде извлечены, способность расширять свое значение и силу. Привыкнув к чужеязычным словам *архитектура, астрономия, религия, сенат, солдат, журнал, интерес, орфография, трон, скипетр, каскад,* мы не находим уже в своих *зодчество, звездословие, вера, дума, ратник, дневник, корысть, правописание, престол, жезл, водопад,* той силы значения, какую приписываем чужеземным названиям.

При частом употреблении их наши слова, как не поливаемые цветы, вянут, сохнут, не распускаются. Мы не смеем вместо *курьер, капрал* говорить *гонец, урядник.* Слово наше *воевода,* столь знаменательное и богатое смыслом, не значит ничего пред словом *фельдмаршал,* составленным из немецкого *feld* (поле) и французского *targher* (ходить). Даже и в тех словах, которые имеют точный состав с иностранными, как например, *философия* и *любомудрие,* свое почитаем мы меньше значащим.

Мало того: слова их от одного с нашими корня произведенные, и скорее наши, нежели их, предпочитаем своим, как-то: *битва* и *баталия, бойница* и *батарея,* в которых корень *бит* и *бот,* произведший глаголы у нас *бить, у* них *battre,* есть один и тот же. Еще и этого мало: мы не смеем вместо латинского *globus* или французского *globe,* употреблять наше слово *клуб,* и нет в этом никакой надобности, потому что имеем другое равнозначащее ему слово *шар.* Однако ж говорим за ними, не по-своему *клуб,* но по их *глоб* или *глобус,* невзирая на то, что наше *клуб* имеет коренное значение: оно сокращено из *колуб* и происходит от слова *коло,* означающего *круглостъ.* Тогда как они своему *globe* в языках своих не отыщут начала иначе, как прибегнув к славенскому языку. Подббных примеров можно показать великое число. Вот чему учит учитель наш, навык! Должно признаться, что по великому его участию в языке трудно ему

не последовать; но надлежит, по крайней мере, беречься, чтоб, не слепо ему вдаваясь, попускать все больше возрастать и делать из языка нашего кучу языков.

Часто язык наш необдуманно разделяют на славенский и русский. Мы сие название даем языку по имени народа, назвавшегося *славянами.* Но неужели народ сей до принятия имени был немой, безъязычный? Неужели с того только времени стал иметь язык или переменил его на другой? Нет! Он продолжал говорить тем же языком; но по разделении сего народа на русских, поляков, чехов язык стал называться по их именам: русский, польский, чехский. При всех именах **он был и есть один и тот же общий всем.** Вот первое о языке понятие. Второе: язык хотя один и тот же, но у разных народов больше или меньше изменяется и получает имя наречий. Польское наречие отошло всех далее .от нашего, так что мы уже и разуметь его не можем; но русское не есть наречие славенского языка, а тот же самый язык.

Если под славенским языком станем мы разуметь различие Священного Писания с светскими книгами, то каким же языком назовем язык Игоревой песни, летописцев, старинных царских грамот, народных сказок, песен? В них язык, или языки, гораздо различнее, нежели между священными и светскими книгами. Не сочтем ли мы того русского совершенным невеждою, кто скажет, что он романы и комедии понимает, а того, что поют и читают в церкви, не понимает?

Если под именем славенского языка разуметь важный, высокий слог, а под именем русского простой и средний, так это иное дело. Кто не знает, что *великолепная риза* и *сермяжный зипун* есть столько же славенское, сколь и русское; но одно из них составлено из высоких, а другое из простых слов.

Ни один язык так не отличается возвышенностью слога и слов, как наш. Латинец, например, или другой кто, скажет *отец наш* (pateг nosteг), но не может сказать *отче наш.* Француз говорит *счастлив человек* (heureuer l'homme), но не скажет *блажен муж.* Он не имеет, или имеет несравненно меньше нашего, сложных слов: говорит *подобен Богу* (semblable a Dieu), но не скажет *богоподобный,* говорит *хороший голос, добрая весть* (une voix agreeable, une bonne nouvelle), но не скажет ни *благогласие,* ни *благовестив.* У него нет двояких, одно и то же значащих слов, из коих одно возвышенное, а

другое простое: он равно *око* и *глаз* называет *l'oeil; чрево* и *брюхо, 1e ventre, чело* и *лоб, 1e front.*

У него нет ни увеличительных, ни уменьшительных, ни почтительных, ни ласкательных имен: он говорит *рука* (1а main), но не может сказать ни *ручинщца,* ни *ручка,* ни *ручонка,* говорит *большая мать* (1а grand mere), но не может сказать ни *бабка,* ни *бабушка.*

В глаголах с предлогами язык их несравненно скуднее нашего. Мы скажем *добавлять, забавлять, убавлять, пробавляться* или *подарить, задарить, надарить, отдарить.* Он все сии глаголы должен объяснять прибавочными словами и другими от разных корней глаголами.

Он не имеет и десятой доли тех слов, какими означаем мы голоса животных: *блеет, мычит, кукует, грает, каркает, квакает, клекочет, курлычет, чиркует, стрекочет, токует...*

Часто в ветвенном значении слова своего не найдет он коренной, породившей его мысли и должен отыскивать ее в другом языке.

Цепи или деревья слов, одно от другого происходящих, **подобны у него мелкому лесу,** из многих низких и маловетвенных дерев состоящему, тогда как **наше древо,** очевидным образом на одном и том же корне стоящее, **изобильно тысячами раскинувшихся от него ветвей.**

Таковая в языках разность должна непременно производить разность и в свойствах их. Сильный навык и чтение французских книг отвлекли и много отвлекают нас от свойств языка нашего и чувствования красот и силы его. Отсюда, вместо услаждения и приятности, **родилось в нас какое-то отвращение от высоких слов и мыслей: мы** стали называть их славенскими, переиначивать и избегать, разделять один и тот же язык свой на два, из коих один, важнейший и богатейший, почитать как бы чуждым, а другой, под именем русского, располагать и приближать к французскому, подражая с раболепным благоговением свойствам его. Для чего вносить в язык чуждые, часто по началу наши же собственные, но уже переиначенные на чужой лад ветви? При утрате красот своих, наполняясь чужеязычностью, он становится сам на себя не похожим.

Отсюда все благозвучные и знаменательные слова наши, как-то: *великолепие, велемудрие, присносущный, злокозненный, благобытностъ, громовержец, низринуть, возблистать',* также и нарочно для отличения от простых несколько измененные: *огнь, древо, брег, еленъ, крава, вран* стали мы называть славенскими, неупотребительными. Не

мудрено, что юношество наше, не приучаемое никогда к чтению священных книг, наконец совсем отвыкнет от силы и важности языка родного. Не знаю, что из сего последует. Но ежели мы красоты подобных мест, как: *Господь рече, да будет свет, и бысть,* или: *видех нечестиваго, высяшасяяко кедры ливанския, мимоидох, и се не бе,* не станем чувствовать - горе народу!

Всякое слово состоит из двух или трех частей, то есть из корня и окончания или из предлога, корня и окончания. Предлоги, хотя не все, но многие суть сокращения или отрывки от существительных имен и .глаголов. То же самое скажу об окончаниях. Язык везде это показывает.

Возьмем окончание на *ость* или *сть,* оно сокращено из глагола *есть,* приставленного к корню. Из всех слов это явствует: *благо* есть *благость, люто* есть *лютость, твердо* есть *твердость, любезно* есть *любезность.* Окончание на *е* или *ие* показывает еще большее сокращение или отрывок из глагола *есть.* Сокращение сие даже и ныне в простом народе употребительно. Спросите у простолюдина: *есть ли у тебя хлеб?* Он вместо *есть* отвечает *е.* Таким образом из *зримо есть* сделалось *зримое;* из *любимо есть, любимое;* из *кратко есть, краткое.* Также из *рожден есть, рождение* и *рожденный;* из *наказан есть, наказание* и *наказанный;* из *потрясен есть, потрясение и потрясенный.*

Окончание на *та* есть указательное местоимение *то* или *тое:* из речи *глухо тое,* стали говорить *глухота,* из *право тое, правота,* из *слепо тое, слепота.*

Окончание на *ба* сокращено из глагола *бысть* или *бе:* отсюда из *суд бе* сделалось *судьба,* из *борение бе, борьба,* из *гуляние бе, гульба.*

Семейство слов от глагола *быть*

Колена, принадлежащие одному и тому же дереву, не должны быть разрознены между собою.

В Академическом словаре находим мы такие деревья с их ветвями.

- *Бавлю,* с 40 ветвями, *бавитъ, прибавить, прибавиться.*
- *Бдю,* с 17 ветвями, *бдеть, бдительный.*
- *Буде,* с одной ветвью *буде же.*
- *Будто,* с одной ветвью *будто бы.*
- *Будка,* названное немецким, с одной ветвью *будочник.*
- *Бужду,* с 23 ветвями, *будить, пробуждение, будильник.*
- *Бы,* без ветвей.
- *Бываю, с* 96 ветвями.

- *Былие,* с одною ветвью *былинка.*
- *Обилие,* с.5 ветвями, *обильный, изобилие.*

Итак, здесь мы видим десять слов-праотцов с их семействами, или дерев, из которых каждое выросло на своем особом от другого корне. Рассмотрим теперь, точно ли сии слова со своими ветвями суть особые деревья. Не подобны ли они коленам в тростнике, составляющим одну и ту же трость?

Для лучшей ясности изложим наши мысли с помощью вопросов и ответов.

- Что такое *бавлю, бавитъ!*

- То, что по-нынешнему *медлить. Пробави, Господи, милость твою.* Старинный глагол *бавитъ* ныне иначе не употребляется, как с предлогами *прибавить, забавляться, избавить.* Они не переменяют значение, но только разнообразят смысл слова, который из коренного делается ветвенным.

- Где же единство мысли в глаголах *прибавить, забавляться, избавить!*

- Вы можете всех их привести к одной и той же мысли. Например: *прибавить* время ко времени, или расстояние к расстоянию есть то же, что *продолжить,* протянуть время или расстояние.

- А ежели я скажу: *прибавить* воды в бочку, так разве тоже будет продолжить?

- Без сомнения. Ибо вы *прибавкою* воды в бочку увеличили ее глубину, или (считая от дна к верху) высоту; следовательно, продолжили сию высоту. Глагол *забавляться* тоже не иное что значит, как желание продолжить то время или состояние, в котором мы находимся и которое нам нравится, так что хотим в нем *бавитъ, медлить, пребывать.* Глагол *избавить* показывает, хотя и противным образом, но то же самое, то есть пресечение продолжения того времени или состояния, в котором мы поневоле пребываем.

- Откуда же происходит глагол *бавитъ!*

- От глагола *быть, пребывать.*

- Как это? Между ними не видно сближения мыслей.

- Не видно без соображения. Но скажем, например: *я могу и без того прибавиться.* Сие будет значить: *я могу и без того пробыть.*

Возьмем даже равнозначащий ему глагол *медлить;* он хотя и от иного корня, но должен показывать подобную мысль, ибо надлежит быть причине, по которой они одинаковое имеют значение. Легко могло статься, что от слов *время длить* (то же значащих, что *бавитъ* или *пребывать}* начальный слог *ере* отнят, и остальное *мя* или *ме* придвинуто к глаголу *длить,* отчего и произошел глагол *медлить.*

Обратимся теперь к другим ветвям. Глаголы *бдю* (бдеть) и *бужду* (будить) суть также ветви глагола *быть, буду,* ибо что значит *будить!* Стараться прервать сон спящего человека, приводить его в чувства, которые в нем молчат и делают его как бы не существующим, не имеющим *бытия.* Составлявший язык ум легко мог от повелительного наклонения *буди, будь* (то есть приди в прежнее существование) произвести *будить, разбудить.* Что до глагола *бдеть,* то он очевидно происходит от глагола *будить;* ибо *бдящим* называется тот, кто *пробужден,* воздвигнут от сна. В богемском наречии *buditi* и *bditi* еще более сближаются буквенным составом своим.

Буде*.* Тоже есть ветвь от глагола *быть.* Ибо всегда в прежних грамотах вместо сего союза употребляли полный глагол, например: *а* ***будет*** *поедешь ты мимо его, то заезжай к нему.*

Будто*.* И сей союз произведен от *быть,* для изъявления не настоящего, но мнимого *бытия* или *были.*

Будка. Слово названо немецким потому, что и немцы маленькие домики или лавки называют *bude. Я* не знаю, откуда говорят они *bude,* но знаю, что наше *будка* произведено от глагола *будить,* потому что ночью во время пожара или иной какой тревоги, употреблялись в них трещотки; их треском *будили* спящих людей.

Бужду (будить), от *быть.*

Бы. Частица сокращена из глагола *быть* или *было,* как-то из многих других речей видно. Например, *быть было* значит *быть бы.*

Бываю. Ветвь от *быть,* значит *быть многократно.* Разнится употреблением, например, в речи *я, бывало, часто хаживал к нему,* нельзя вместо *бывало* сказать *было;* а напротив, в речи *я чуть было не упал,* нельзя вместо *было* сказать *бывало.*

Быпие*,* иначе *зелень, зелие, злак, трава.* Первые три названия даны траве по зеленому ее цвету; последнее же, вероятно, произведено от глагола *рвать, отрывать;* поскольку трава удобнее всех прочих растений *отрывается* от своего корня.

Но откуда же слово *былие!* Всех ближе подходит оно к глаголу *быль;* но может ли, подобно слову *былое,* происходить от той же мысли? Вероятно, может. Ибо трава всякую зиму исчезает и летом вновь нарождается, чего с деревьями не бывает. И потому, как *бывшее* или *былое,* легко могло подать повод к названию его *былием.* Уменьшительное *былинка* еще яснее то показывает.

Обилие. Также происходит от глагола *быть',* ибо звуком более всего сближается с *былие,* которое легко могло подать мысль о многом чего-либо количестве, *обилии,* поскольку трава или *былие* представляется взорам нашем в превеликом количестве, между тем как *изобилие* значит именно великое число или количество.

Итак, теперь ясно видно, что все эти десять слов не самостоятельные ветви, а происходят от одного корня *быть.* Но из пожалования ветвей в корни или детей в отцы и праотцы не выйдет никогда ни порядочной родословной, ни исправного словопроизводного словаря.

Я составил уже несколько деревьев слов с ветвями, общим числом около шести тысяч ветвей. Это позволит некогда приступить к сочинению словопроизводного словаря, единственного в своем роде, могущего, как **ариаднина нить, водить нас по таинственному вертепу человеческого слова.**

Неизвестного имени язык, названный впоследствии славенским, оказывается, яко текущий из глубокой древности, всех прочих к тому способнейшим. В нем, в составе слов его, видна мысль, руководившая человека от одного понятия к другому, связуя их как бы некоей неразрывной цепью. Он в течение веков, сопутствуя с народами, разлился на многие наречия и языки, словопроизводство которых в нем наиболее отыскивается. На корнях его можно возносить деревья, содержащие на себе **не только свои, но и всех других языков ветви.** Ветви чужих языков в частных значениях иногда бывают сходны с нашими, иногда различны; но корень и коренное значение не престает в них существовать, так что многоязычное древо, при всей своей разности, **составляет одно целое.**

Славенский язык в исследованиях первоначального состава слов, без сомнения, есть наивернейший путь к ясному и справедливому их истолкованию. Если бы прилагаемо было о том прилежное старание, то он, словно золото, скрывающееся в недрах земли, раскрыл бы источники сокровищ своих, как для обогащения самого себя, так и других, порожденных им, но более или менее отступивших от него **(от святого Корня** - *изд.)* языков и наречий.

Полно свет переправлять!

Басня о тыкве и желуде

Дети! Бог, всего творец,
Наш Спаситель и Отец,

Что ни создал в свете сем,
Все премудро создал в нем;
Нету в м!ре ничего,
Что могло бы без его
На то воли всесвятой,
Само сделаться собой.
Силой Он своих словес
Солнцу стать среди Небес
И лучи велел простерты
Жизнь в его руке и смерть.
Малый червь и страшный кит
Им единым лишь дышит.
В месте всяка вещь своем,
Он премудро правит всем.
Есть однако ж мудрецы,
Или попросту глупцы,
Кои свой ничтожный ум
Дерзостью высоких дум
Выше божеского чтут.
Гордостью такой надут
Некакой безумец был,
Имя я его забыл;
Он однажды на траве
Тыквы взросшие узрел,
И в безумной голове
Мысль такую тотчас сплел:
Не прилично им расти
На столь маленькой трости;
Я бы это пременил.
Тыквам рость определил,
По такой их толстоте,
На дубу, на высоте.
Так помысля, продолжал
Он по-прежнему свой путь.
День был жарок, он устал,
Захотелось отдохнуть.
Дуб увидя на пути,
Лишь успел к нему прийти,
Лег под оным и уснул.
Вдруг престрашный ветр задул,
Воды все смутил тотчас,
Ветвями древес потряс:
С верху дуба, как на смех,
Сорвался большой орех,
(Кои желудьми зовут),
И лежаща мужа тут
За его неправый толк
По носу всей силой щелк.
Вспрыгнул мудрый гогольком.
Полно свет переправлять!
Он с разбитым в кровь носком
Начал тако размышлять:

Худо, худо я судил:
Если б тыквы дуб носил,
И теперь из них одна
Вдруг упала на меня,
Был бы я без головы.
Кто себя поставить смел
Судиею Божиих дел,
Все безумны таковы.

Дар слова

Самое главное достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя. Какое великое благо проистекло из сего священного дара! Ум человеческий вознесся до такой высоты, что стал созерцать пределы всего м!ра, познал совершенство своего Творца, увидел с благоговением Его премудрость и воскурил пред ним жертву богослужения.

Поставим человека подле животного и сравним их. Оба родятся, растут, стареют, живут и умирают; оба имеют слух, зрение, обоняние, осязание, вкус; оба насыщаются пищею, утоляют жажду, вкушают сон, воспламеняются гневом, чувствуют скорби и веселья. Но при столь одинаковых свойствах сколь различны! Один совокупился в народы, построил корабли, взвесил воздух, исчислил песок, исследовал высоту небес и глубину вод. Другой скитается, рассеян по дебрям, по лесам, и при своей силе, крепости и свирепстве страшится, повинуется безсильнейшему себя творению.

Откуда это чудесное преимущество? Каким образом от того, кто утопает в луже, не может укрыться кит во глубине морей?

Бог сотворил человека бедным, слабым; но дал ему **дар слова:** тогда нагота его покрылась великолепными одеждами; бедность его превратилась в обладание всеми сокровищами земными; слабость его облеклась в броню силы и твердости. Все ему покорилось; он повелевает всеми животными, борется с ветром, спорит с огнем, разверзает каменные недра гор, наводняет сушу, осушает глубину. Таков есть **дар слова** или то, что разумеем мы под именем языка и словесности. Если бы Творец во гневе своем отнял от нас его, тогда бы все исчезло, общежитие, науки, художества, и человек, лишась величия своего и славы, сделалось бы самое несчастное и беднейшее животное.

Иной, рассуждая о человеке и видя в нем чудесное соединение тела с душою, сей слабой и бренной персти, с сильным и нетленным духом, скажет нам о себе:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю…

Когда, по сотворении мужа и жены, род человеческий, чрез долгие веки, умножился, и наподобие великой реки времен, пошел по всему пространству земного шара, тогда и языки начали изменяться, делаться различными. Каждый народ стал говорить иным языком, невразумительным другому народу. Тогда между народами произошли великие неравенства. *Один,* говорит Ломоносов, *почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от безсловесных животных разнится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит.*

Когда Греция и Рим облекались в величество и славу, тогда и словесность их возносилась до той же высоты. Они упали; но языки их, хотя и мертвыми называются, однако и ныне живут и не допускают памяти их погибнуть. Где древние Вавилоны, Трои, Афины, Спарты? Повержены в прах, и око путешественника, смотря на них, не видит ничего, кроме мшистых камней и зеленого злака. Но между тем как рука времени все в них истребила, красноречивое перо, тверже мраморов и меди, сохранило красоту их…

Народ приобретает всеобщее к себе уважение, когда оружием и мужеством хранит свои пределы, когда мудрыми поучениями и законами соблюдает доброту нравов, когда любовь ко всему отечественному составляет в нем народную гордость, когда плодоносными ума своего изобретениями не только сам изобилует и украшается, но и другим избытки свои сообщает. О таком народе можно сказать, что он просвещен. **Но что такое просвещение, и на чем имеет оно главное свое основание? Без сомнения, на природном своем языке.** На нем производится богослужение, насаждающее семена добродетели и нравственности; на нем пишутся законы, ограждающие безопасность каждого; на нем преподаются науки, от звездословия до земледелия. Художества черпают из него жизнь и силу. Может ли слава оружия греметь в роды и роды,

могут ли законы и науки процветать без языка и словесности? Нет! Без них все знаменитые подвиги тонут в пучине времени; без них молчит нравоучение, безгласен закон, косноязычен суд, младенчествует ум.

Французское, с латинского языка взятое, название **литература** не имеет для русского ума силы нашего - **словесность,** потому что происходит от имени literae **(письмена** или **буквы),** а не от имени **слово.** На что нам чужое, когда у нас есть свое?

Свобода слова

Наши слова *свобода, освободить* в просторечии произносятся правильнее: *слабода, ослабодить,* поскольку происходят от понятия о *слабости;* ибо чем что-либо слабее держимо, тем более имеет свободы.

Слабость веревки дает свободу привязанному на ней зверю; слабость смотрения за детьми дает им свободу баловаться: итак, *слабость* и *свобода* суть смежные понятия. Так из *слабоды* сделалась *свобода,* остающаяся и поныне в просторечии *слободою.*

Наши сословы (синонимы) суть: *свободен и волен, свобода и вольность;* в других славянских наречиях *svojbodn* и *prost, svojbodnost* и *prostnost.* Наше слово *прост* и единокоренные с ним *опростать, простор,* хотя прямо не означают *свободы,* однако со словом *простор* оная скорее воображается, нежели с противным ему словом *теснота.*

Отсюда выражение *прости меня* **не иное что значит, как *опростай,* освободи меня от наказания или гнева твоего.**

> **Примечатель.** Какое чудовищное понижение смысла и какой удар по образному мышлению! Подобно, если Благодать заменить буквой закона.Ведь мы созданы Словом, и *свобода слова в* нас есть высший дар Божий. И нет в мире равных этому дару по силе созидания, если он работает в человеках во Имя Господне, как нет ему равных - и по силе разрушения, если он работает против. Происходящее ныне в нашей стране и называют *информационной войной,* не понимая, что она страшнее всех атомных.

Деспотизм печати

А вот размышления К.П.Победоносцева:

Ходячее положение новейшего либерализма противоречит логике, ибо основано на ложном

предположении, будто общественное мнение тождественно с печатью.

Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея деньги основать газету, собрать по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, - и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность.

Всякий, кто хочет, первый встречный, может стать органом этой власти, и притом вполне **безответственным,** как никакая иная власть в мире. Никто не выбирает его и никто не утверждает. Можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова?

Люди до того измельчали, характеры до того выветрились, **фраза** (информация - *изд.)* **до того овладела всеми,** что уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь на ком остановиться...

Басня о цензуре

Такие ходят вести,.
Что будто бы назад тому лет двести,
А может быть, пятьсот,
Или еще и боле,
Звериный весь народ,
В лесах и в поле,
Был некогда учен,
Подобно людям просвещен:
Бараны мудрые у них писали,
А прочие учились и читали;
И всякий их писец
Старался, чтоб начало,
Средина и конец,
В его творениях, как лучший образец,
Умом, и правдою, и кротостью дышало.
За книгами смотрел медведь,
Прозванием Мурчало;
Он позволял всем ворковать и петь,
Но запрещал кусаться, лаяться, шипеть.
Вдруг жалобы восстали,
Все в голос закричали:
Как можно нам терпеть,

Чтоб наши сочиненья,
И в них слова и мненья
Оспоривал медведь?
Мы просвещение распространяем
И ничьему себя суду не покоряем.
Лев приказал медведя запереть,
И дал указ: "Да знают всенародно,
253 Что сочинения искусство благородно,
Отныне навсегда от всяких уз свободно".
Лишь только сей указ
В народе появился,
Умолк баранов мудрых глас.
Но всяк другой писать пустился,
Полезли грудой на Парнас
Козлы, лисицы, кошки, крокодилы,
Собаки, свиньи, сивучи, быки,
Кроты, лягушки, стрекозы, сверчки,
Свистят, шипят, пищат, мяучат из всей силы,
И сам с ушами длинными осел,
Разинул рот и заревел.
Все принялися за чернилы
И ну писать!
Всех прежних в грош не ставить,
Себя хвалить и славить,
Доказывать и толковать,
Кому и как попало,
О круге, где его начало,
О носе комара, о действии страстей,
Когда и что от них бывало;
О пользе мыльных пузырей,
О том, в чем благо состоит народа,
Как стеснена законами природа,
Как м!ром управляет Бог,
Как горы твердые трясутся,
Как курицы несутся,
И сколько у козявки ног;
Все, словом, подноготно знали,
Яснее солнца толковали,
И так одно с другим смешали,
254
Не смесное досель,
Что стала каша и кисель.
Лев, покачав главою,
Сказал: "Наука опыт нам;
Теперь я вижу сам,
Что должно иногда советовать с собою,
Чтоб ощутить умом,
Добро ли подлинно нам кажется добром.

Ошибку я свою охотно поправляю:
Писать баранам позволяю,
А прочие чтоб не шумели бредя,
Велите выпустить медведя.
А я, без всякой злой привязки,
Из этой извлекаю сказки,
Что надобно тут знать,
Как и медведей выбирать.

Георгий Емельяненко

Последняя дума у Древа языка

Послесловие примечателя

Где вой дерзновенны?
Хранят постыднейший покой.
Стоят со спящими мечами,
Падение России чад
Увы! сухими зрят очами.
Князь Сергий Шахматов

Корни привязывают нас к земле-матушке и возвращают на родину слова, во младенчество человечества - к Адаму. Первым делом Отец поручил Адаму начать родословие. Праотец разработал почву в недрах своего естества и вырастил деревце языка, дав всему имена и названия, понятия и смыслы. Потому корнеслов в человеке - животворящая основа, и изменить его - все равно, что пересотворить Адама. Для Творца и ныне все человечество есть одна тварь словесная. И сколько б ни расплодилось на земле языков и наречий - корнеслов пребывает неизменным до конца света. Даже сегодня, когда падшее человечество *перегрузилось* лжезнаниями настолько, что превратилось в ПЛОТЬ, говорящую одну ложь от лукавого. И ныне - *плоть не разумеет того, что от Духа...*

Так уже было, когда Сын Бога пришел спасти человечество. Бывший избранный народ иудейский, совсем растлившийся плотью, утратил связь-язык с Отцом, похоронив под тяжким грузом преступлений корнеслов праотцовский. Вначале *убив* в себе живое слово Отца, иудеи не признали и слово Сына, Который сказал им: *...ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас. Ваш отец диавол: и вы хотите исполнять похоти отца вашего.*

Слово стало плотью, чтобы Отцовским *Языком* оживотворить плоть всечеловеческую, а Духом Святым освятить и наполнить мир благодатью, дать один язык веры православной для всех народов. Язык от Христа Сына Бога, язык двухприродный, духовно-телесный. Язык как великое Древо жизни с могучими корнями, кои в каждом сидят корнесловом. Этим одним на земле духовно-телесным языком *Тела Христова* спасается ныне и присно *божий* народ православный.

Лишь возрастая от корнеслова праотцовского - от матушки земли и народа коренного, облекаясь во Христа, верные могут усыновиться Отцом. Церковнославянский и гражданский наш язык, что душа в теле, друг от друга зависят, как одна духовно-телесная *пуповина* с Жизнедавцем.

Язык богообщения у человечества один, как и Бог един - носители были разные. И священный язык, как Богочеловеческое творение, по истории возрастал и становился все краше. Венцом же сего творения стал церковнославянский, который Господь даровал великорусскому народу чрез святых равноапостолов Кирилла и Мефодия.

После второго рождения в Таинстве Крещения православные, вместе с апостолом Павлом: *Отныне не я живу, но Христос во мне,* тоже сорадуются: *отныне не я живу, но живое слово Христа Бога во мне.* Ибо только Христово слово в человеке может раскрыть язык духовно-телесный, и только оно способно укреплять веру, воплощая ее дела в жизнь, созидать разум и строить храм тела для Духа Свята.

Посему святая вера в человеке, как двигатель спасения, а язык - личный водитель ее (и ума тоже). И бьют не по вере, а точно по *водителю,* обрезая и растлевая все корни в стране. Десять лет язык наш делают интерпомешанным, а народ ежедневно *грузят* водкой и наркотиками, полностью заменяя базу данных. Куда отвезет такой водитель?

Небывалое растление всей женской половины, детей и молодежи. Не только отстранение народа от трудов на земле, отчего он погибает, но теперь уже и саму землю отбирают... Такого планетарного уничтожения корней история людей и народов еще не знала.

Вы думаете, просто так американские планировщики нашей семьи показали нашумевший фильм ***Безмолвный крик младенца*** во чреве матери?

Представьте себе, что вы и есть этот самый младенец, с нынешним, взрослым своим умом, и вот-вот должны появиться на свет. Но с ужасом наблюдаете, как чьи-то щипцы все настойчивей стремятся перекусить вам пуповину - язык, связь с мать-родиной, делают в нее уколы всякими ядами, анестезируют, и вы ни ее защитить, ни себя не можете, ивам уже все равно...

***

Вначале зададимся таким вопросом. Когда мы молимся, разве тело, а в нем корнеслов, не участвует? Или может, иные считают себя уже духами безтелесными? Коль *похоронен* и молчит корнеслов, в любых телесах на молитве клокочет оратория плоти - страстей и попечений бесовских... Потому что тогда действуют законы природы, помимо нашей воли -*плоть всегда желает противного духу, а* особенно на молитве. Ибо только от корнеслова ум питается и успокаивается, чтобы подготовить храм тела к молитве: обойти его с кадилом, да разогнать бесовскую свистопляску помыслов... Плоть сегодня у всех распущена, словно мочалка, а лжеинформация, коей наполнена вся атмосфера - сверхактивна, *живоговоряща,* как никогда, и тут же вторгается в телесный храм, разжигая небывалые страсти,

Безусловно, образ *божий* неистребим в человеческом естестве, и в совсем падшем тоже, например, в западном. Но помните ли, как западная *гумпомощь* крушила Православное Царство, как заштукатуривали фрески и образы святых на стенах церквей? То же самое по истории происходило и внутри людей.

Когда Европа открыла *Новый Свет* Люцифера, то ослепла совсем и озверела. И после планетарного грабежа, колонизации и уничтожения миллионов корневых племен, после непрерывной агрессии и мировых войн против России - образ *божий,* как и все корни отцовские, давно погребены в естестве западных людей под асфальтобетоном. А дух благодати тыщу

лет как покинул их цивилизацию мертвых и ушел к Тому, Кто дает его всем по заслугам мирного жития на земле. Кому Запад службу служит, исполняя на своих органах оратории, как медь дребезжащая?

Светоносное племя славяноруссов

Для чего мы, славяноруссы, жили в древнейшей истории до Рождества Христова и кому служили?

Венцом языка общения с Богом стал церковнославянский. Стало быть, весь род человеческий во главе с Адамом слушает в эти времена и понимает, как молится Богу нынешний православный народ. Зададимся вопросом, почему именно великоруссы были избраны Богом на такую роль - стать последним носителем языка богообщения, завершающего Священную Историю?

Божий Промысел исторически готовил славяноруссов к их мессианской роли на земле, закаляя в самом горниле и эпицентре сотворения евразийской цивилизации. О том свидетельствуют славянские *говорящие* камни-памятники, разбросанные по всей Евразии.

Общепризнанный отец мировой истории Геродот (5 в. до Р.Х.) говорит: *Славяне всегда проявляли отеческое отношение к земле и с добром отпускали пленных домой. Тогда как все остальные убивали пленных или превращали в рабов.*

На протяжении более чем двух тысячелетий - до крещения Руси, самые многочисленные тогда славяноруссы были светоносным племенем, которым Промысел Божий творил евразийский этногенез, облагораживая дикие и жестокие племена. Несколько раз варвары, собираясь в *пассионарные толчки,* сжигали славяноруссов так, что от их культуры на два-три века не оставалось никаких следов. Это полностью вводило в заблуждение историков по поводу роли и значения славян. Но живой язык восполняет любые исторические провалы. Останки славянских племен расходились по периферии вселенной, затем язык вновь собирал их в мощный этнос.

Славяноруссы в истории этногенеза и народообразования были **закланной жертвой** Роду человеческому! Чтобы другие народы смогли окрепнуть и превратиться в национально-культурные личности, оставшись на корнеслове Древа жизни. Бескорневые же евронароды, давно унесенные ветром на тот *Свет Новый,* превратились в мировое сообщество дьявола, добивающее своего спасителя-языка, а с ним и всякую ЖИЗНЬ на земле.

Праотцовский язык провел славяноруссов сквозь тысячелетия, чрез неоднократные всесожжения, беды и войны, сохранил им богоподобную нравственность, высокую образованность и культуру, чем доказывает свою животворящую силу.

Коренной народ наш и ныне остается ***жертвой в руцех Божьих,*** и останется ею до конца света. Ибо ни один народ в истории не выдержал бы и сотой доли того, что великорусский, без которого человечество уже давно прекратило бы свое существование на земле. А *жертву Богу-Бог не уничижит.* И свой любимый *детский сад* - народ славянорусский - сохранит. Разве не так поступил бы сегодня любой добрый и сильный отец многодетный, защищая любимых детей от озверевших нелюдей?

Корни решают все

Только возвращение нашего народа к коренной жизни, постоянным трудам на земле, как извечно установлено, может еще сохранить мир.

Откуда была столь высокая нравственность у всех диких коренных племен - без Христа? От корнеслова. Почему никогда не принимали они

всерьез ложную веру, католическую? По безошибочному, детскому чувству. От корнеслова.

Свидетельства всех этнографов, например, об американских индейцах, или рассказы святителя Иннокентия Московского о чукчах, якутах, эскимосах - говорят о безупречной нравственности коренных племен. Эти дети девственной природы вообще не знали, что такое воровство, ложь или убийство с целью наживы или ограбления. Они стояли прямо у двери ко Христу. Потому дьявол руками Запада, Америки всех их и погубил, некоторых лишь отравил алкоголем да ядом католичества. Теперь их останки с перьями и вождями скитаются по площадям западным, собирают пробки, значки и фантики, развлекая своей ветхой экзотикой высокоразвитых нелюдей.

Сделаем для себя последний вывод - **накануне дня Господня.** Только питаясь и возрастая от родного корнесловного языка, дети наши и молодежь могут обрести простое здравомыслие и нравственность, без чего не найдут пути к Слову Сына. Без корней святая вера превращается в фарисейскую.

Дети и взрослые

Наука, занимаясь детской психологией, открыла, как во всех малых детях работает корнеслов, назвав его самопорождающей грамматикой. Все дети рождаются с *золотым ключиком,* который сам в них начинает творить слова и первые выражения, восхищая родителей и всех взрослых. Потому малые дети с такой же легкостью познают и неродные наречия, когда оказываются в чуждой для них языковой среде.

Русские дети исторически показали, что изучают любые инязы значительно легче и быстрее, чем все другие. И это является наиболее убедительным доказательством, что вся полнота словесных смыслов содержится в славянорусском языке, а потому в нем и универсальный ключ к *распаковке* и пониманию языков иных.

Нам сегодня известно дитя из боголюбивой семьи, по имени Анастасия. В годовалом возрасте, умея произносить еще лишь несколько слов по слогам, на вопрос *как тебя зовут? -* она неизменно отвечала: Ева. Так живой корнеслов праотца сам озвучивает имя праматери рода человеческого чрез ангельскую чистоту младенца. Но Божье слово глушат сегодня все громче и назойливее иные шумы. И младенцы в храмах все чаще кричат и беснуются пред Чашей Причастия, озвучивая *базу данных* родителей от лукавого. Небывалое прежде! Так нарастающий крик младенцев пред Господом предвещает погибель рода. А мировое сообщество все громче озвучивает на планете дьявола.

Тыщу лет Европа просвещалась *отцом лжи* и недавно отпустила его закулису, управлять труппами терактеров. И некоторые оттуда уже объявили публично, что они (западная цивилизация) -планетарный желудок, обреченный пожрать весь мир. **Высокоразвитая цивилизация мертвых жива настолько, насколько *свежи* трупные яды ее, способные разлагать еще и растлевать все живое на земле.** Последняя перестройка подняла их из мертвых, и они тут же явились нас *проинформировать,* что выполняют роль общественного слуги дьявола. И у *отца лжи,* как *обезьяны* Бога, тоже теперь есть одно на земле *Древо интеряза* с кроной мировой паутины и корнями в базе данных Зверя. Так по подобию Древа жизни языка создано Древо смерти на земле.

Откуда взялось все это хозяйство? Коль сказано: *...и чтоб никакая плоть не хвалилась пред Господом,* значит, врагу рода нужно было сделать все наоборот. Чтобы избранная ПЛОТЬ в конце истории хором исполняла *ораторию* в верхах, будучи *проинформированной* в низах.

Ведь сама по себе плоть - интернациональна и демократична. Она всегда нагло требует себе свободу слова и права человека, будучи совершенно свободной от совести и стыда. Потому у нее одни и те же наисильнейшие страсти: к власти, деньгам и животным наслаждениям, которые и слились в интеряз, понятный теперь всем общечеловекам и *гуманоедам.*

И будет нам венец, а им конец

Заниматься политикой, объединением людей и народов без помощи Божьей, без языка правды значит фундаментально, навсегда, разделять их: лишать ума, национального лица, зомбировать. После чего они сами превращаются в биомассу голосующую. Так делается политика тоталитарного фашизма: вначале сжать, чтоб внутри ничего не осталось, а потом отпустить и дать *море демократии;* пусть сами *грузятся* новыми авторитетами, хлебом и зрелищами...

Вседержитель установил один для всех общественный мировой порядок: нераздельно в Духе языка веры истинной, но неслиянно по плоти, т.е. не смешиваться национальными языками-наречиями, пребывая каждому народу в трудах на своей земле. И по всей истории одна святая Русь веками сохраняла этот Божий порядок, объединяя любые наречия и многие народности в Православное Царство. Имея в языке всю полноту смыслов, великорусский народ всегда понимал и принимал с добром все народы, ибо они родные его ветви языковые.

Когда-то Пушкин написал *Маленькие трагедии* (Европы) и облагородил, украсил их, сделав лучше, чем сам оригинал. Теперь они, как вечно маленькие, собрались в мировое сообщество и отплатили нам, обустроив холокост русской цивилизации. Но недолго им осталось рубить сук, на котором сидят над бездной.

Есть известный закон: когда людям угрожает тотальная смерть Рода, автоматически возбуждается инстинкт самосохранения. Посему и поднялся на планете бунт народов, верующих и неверующих, против глобализации. Ведь убийце рода человеческого вообще никто не нужен на земле, и Америка-Европа (слуги его) первыми уже оказались в глобальной ловушке дьявола, как атомные гумотходы отработанные.

* * *

Эсхатология (эсхата - конец, логос - слово) - это наука не просто о *последних судьбах мира,* как принято ее называть, но о последних словах правды Христа на земле. Великие цивилизации вначале погребали в себе корни словесные, затем быстро разлагались и покрывались прахом, оставляя потомкам лишь окаменелости бессловесной культуры мертвых.

Та же судьба постигла уже и западную цивилизацию, оставляющую после себя лишь остекленевший ужас небоскребов и пирамид - а над ними ее безумие носится и хохот сатаны, как в последние дни творения.

Корни преступности

Когда-то МiР боролся с преступностью и искал ее корни, чтоб пресечь. Сейчас устал. Понял наконец, что он и есть этот самый корень.

Обрыв в человеке корневой связи первородной: с отцом ли, с отечеством - оставляет в нем ноющую мета-рану, как черную дыру, которую он постоянно ищет успокоить, как бы *накормить* преступленьями. Рану, впрочем, можно найти с помощью психоанализа. Но в качестве лекарства у психоанализа только словесные *профи-гвозди,* которыми он и

забивает любую болезнь еще глубже вовнутрь. На самом деле существует лишь одно лечение: восстановление корневой связи, которая всегда ведет к Корне-Слову Отца. Нарастающий в мире процесс обрыва первородных корней происходит давно. На поверхности это выплеснулось проблемой отцов и детей, молодежной революцией на западе и безысходным одиночеством, отразившимся во всей западной философии.

Западные госверхи, как преступники в законе, давно стали крестными отцами транс-преступности, провозгласив: *мафия безсмертна.* Ну, а наши верхи *отвязанные и обрезанные,* как пред смертью міра, вытворяют такое, чего история еще не видела. Безкорневая цивилизация мертвых обречена.

Совершенно все в планетарном космосе и живой природе имеет корни, привязано к почве, к своему фундаменту, Первоначалу. Отвязанный же МiР запутался в паутине, зацепился за русский мир и повис над бездной. Это называется *новый мировой порядок...*

***

Одно древо *(Познания) низвело нас из Рая на землю, другое (Креста) возводит нас на небеса.* (Святоотеческое изречение).

Но что мы видим: *высокоразвитый Адам* сидит высоко на Древе познания, как змей, и *грузит* народ наш, страну последним своим злом. Путь падшего человечества от Древа жизни к Древу познания оказался путем из Рая на землю и во ад.

Остановить это апокалиптическое уничтожение МИРА и всей жизни на земле, которое с дня на день станет необратимым, может только отсечение Америки-Европы от России с последующей генеральной дезинфекцией страны от трупных ядов и гумотходов атомных.

О языке и уме

Человек, как *божий псибиокомпьютер,* рождается с исходной базой данных, со всеми приложениями и программами, которые будут ему необходимы на все случаи жизни земной и даже вечной, небесной. Раскрыть их может воспитание (образование), которое соответствует первородным правилам работы языка и мозга. Тогда разум человека будет иметь защиту от безчисленных *вирусов, а* язык сохранится его надежным водителем. Ведь язык созидает и мышление, и нравственность.

Сегодня, когда в разгаре последняя мировая информационнная война - все находятся под *погрузкой,* и даже в лесу сидящие, и под землей. Квинтэссенция лжи оседает в каждом на первородную (личную) базу данных и заменяет ее: для нового мышления и языка с *отцом лжи,* убийцей человеков. И все это происходит помимо воли и сознания.

Итак, наш мозг, сканируя-считывая события и явления, слова и речи в окружающем мире, как *божий* паучок-трудяга, непрерывно плетет и сшивает логической нитью внутри свою паутину, мировоззрение, накапливает базу данных, причем, из всего, чем его *грузят.* Ему все равно. Ибо он создан как автомат-логик, стремящийся во всем дойти до корней, до самой сути и все со всем связать. А нравственность, совесть,, *различение духов* - все это у каждого должно быть, как царь в голове, а если нет, то нет и людей на земле -одни тела прозомбированные.

Творец поставил в нашем мозге автоматический поиск слов корневых, ибо только в них все первосмыслы бытия, и только от них наш мозг может питаться и укрепляться. Иначе он опустошается и иссушается, как муха, попавшая в паутину.

Если мозг не питается от корнеслова - *оригинала* истин, то черпает из того, что есть, чем *загрузили.* Не имея в своей базе данных ни одного оригинала, истинной точки отсчета, сканер псибиокомпьютера снимает копии извне. Так мозг каждый день печатает копию от копии, подавая хозяину все более искаженные, ложные и опустошенные данные, для принятия выводов и решений. В таком режиме мозг работает только на понижение и опущение всего и вся. Но ни один *хозяин* этого никогда не заметит, ибо искажения и понижения вначале происходят во внешней картине мира, затем мгновенно чрез СМИ, *паутину* вводятся вовнутрь... И любой начальник имеет полную иллюзию своей адекватности. Вот настоящая виртуальная реальность (особенно в больших городах)! - где нет нигде фундаментальных точек отсчета, нет корней, но есть только псевдообъекты и плавающие огни-точки, опускающиеся синхронно с мозгами *хозяев* и начальств.

Небывалая в нашей стране индустрия растления и разврата давит на природу человеческую с такой силой, что ломает в ней первородные основы, вырождая их необратимо. В результате уже целое поколение детей, о чем давно сообщают газеты, имеет левополушарное мышление. Это означает, что подрастает смена с мозгом всеразделяющим (дьявол в переводе *разделитель),* перестроенным и сразу подготовленным к прямому управлению убийцей рода человеческого. Причина одна: язык наш, ставший интерпомешанным убийцей своих носителей.

Язык укротить никто из людей не может: это -неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет весь круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. (Иак. 3, 5-6). *Удар бича делает рубцы, удар языка сокрушает кости.,* (Сир. 28, 20).

Полевение мозга и усиление разделительной его функции происходит одновременно с падением нравственности. Результат этой *левой* перестройки мозга у всех *на лице,* как у нас, так и у западных народов, только у них значительно раньше и глубже. Западный образ жизни по истории все более подавлял и блокировал работу мозга, отчего он все быстрее перестраивался и приспосабливался к непрерывно нарастающему темпу дьявольской жизни.

Как известно, в языке есть слова корневые, *привязанные,* питающиеся от первородного корня; они объясняют происхожденье предметов и явлений, которые называют. А есть *отвязанные* слова, искусственно-рожденные в лабораториях умов и в банках, как *вещи в себе.* Все эти, бес-корневые слова, как безпочвенные обновленцы, объясняют и показывают только себя. Они вышли из суеты сует нараставшего шума прогресса-тех, из безудержного потребительства всеобщего, от информатики и рекламы бесов-прессы. Все они родились, чтоб *сказку* - общественную жизнь нашу, сделать *пылью.* И сделали. Ибо отвязанных слов у нас в языке легионы, и вначале в языке происходит то, что потом происходит в *голове* общественной (обрезание ума), и в народе.

С чего началось западное просвещение и чем завершается

Не дотянув до вида *хомо сапиенс, человек разумный,* евронароды открыли вначале эпоху Возрождения плоти на корне *отца лжи,* затем эпоху просвещения плоти и гуманизма, вознеся человека выше Бога. И ушли своим путем: от гуманизма к гомосексуализму, к бесполому человеколюбию и к стиранию полов, чтоб ни мужеского, ни женского не осталось.

Свершилось.От Бога к *человеколюбию,* от гуманизма к гомосексуализму, и наконец - к познанию *отца лжи.*

Зри в корень: сын всегда говорит языком отца

Сын Человеческий, сказав столь ясно о Своей нерушимой связи с Отцом, дал заповедь о высшей ответственности отцов за детей - чтоб не порвалась *связь времен,* отцов и детей. Сегодня утрачено родословие от Отца: человечество вот-вот превратится в безплодное дерево сухое, и будет сожжено.

Отец, оставивший семью и детей, равно как не воспитавший и не передавший им живое слово свое -сам остается без Сына.

Жизнь человеческая начинается с родословия от Адама. Потому родители, чтоб смогли вернуться к Отцу, обязаны привести чад своих ко второму Адаму -Христу. Дети точно как дерева - дубки и березки: от корнеслова праотцовского врастают корнями в земную родину-мать, питаясь словесным молоком святой Матери Церкви, родины небесной. А просвещенных Люцифером в асфальтовых джунглях - кто усыновит их, несчастных?

В человеческом естестве есть закон, действующий помимо воли и сознания. Все вырастающие со слабыми корнями, но усиленно просвещающие свои умы, неизбежно отрываются от земли насовсем. От народа и отечества отрываются, превращаясь в антинарод, в племя фарисеев и книжников.

СОДЕРЖАНИЕ